Т. С. Рождественскій.

№179

ПАМЯТНИКИ
СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ ПОЭЗІИ.

Печатня А.И.Снегиревой Москва
1909.

Т. С. Рождественскій.

Многоуважаемому
Владимиру Дмитріевичу
Бонч-Бруевичу

от П. Рождественскаго
8 ноября 1909 г.
Харьков.

ПАМЯТНИКИ СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ ПОЭЗІИ.

МОСКВА
ПЕЧАТНЯ А. И. СНЕГИРЕВОЙ
ОСТОЖЕНКА, САВЕЛОВСКІЙ ПЕР., СОБ. Х.
1909.

ВХ
601

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР
965
59

Изъ VI т. Записокъ Московскаго Археологическаго Института.

ОГЛАВЛЕНІЕ

	Стр.
Предисловіе	I—IV
Мысль о наступленіи на землѣ царства антихриста и выводы изъ нея въ старообрядческой поэзіи.	V—XXIII
Отношеніе старообрядческаго міра къ „новшествамъ“ въ области государственныхъ установленій, общественной и бытовой жизни	XXIV—XLIII
Отдѣлъ 1-й стиховъ	1— 29
Отдѣлъ 2-й	31— 63
Отдѣлъ 3-й	65—96
Отдѣлъ 4-й	97—127
Отдѣлъ 5-й (приложенія)	129—186
Примѣчанія къ стихамъ	187—191

Падаютъ подъ ударами дровосѣка вѣковые лѣса, непроницаемой стѣной защищавшіе отъ внѣшнихъ вліяній скиты и поселки старообрядцевъ, высыхаютъ и распахиваются болота, по которымъ „Божьими стезями“ пробирались когда то чернецы и черницы, ища спасенія отъ суетнаго міра. Исчезли съ лица земли или присоединены къ православію многіе старообрядческіе монастыри, измѣнился въ значительной степени и весь укладъ жизни старообрядческаго міра. Многоразличныя историческія и бытовыя условія сглаживаютъ постепенно ту рознь, какая служила причиною отдѣленія старообрядчества отъ православной массы русскаго народа; слабѣетъ фанатизмъ взаимныхъ отношеній, и цѣлый рядъ мыслей и настроеній, съ особой остротой переживавшихся въ минувшемъ, становится теперь предметомъ болѣе спокойнаго размышленія и не даетъ уже того подъема поэтической мысли, плодомъ котораго являлся старообрядческій „стихъ“. Лира старообрядчества постепенно смолкаетъ.

Забываются понемногу и прежнія произведенія старообрядческихъ поэтовъ, перестаютъ быть понятными и многія условія, вызывавшія ихъ появленіе, и все рѣже и рѣже можно слышать теперь старообрядческій стихъ даже въ самыхъ глухихъ поселкахъ, гдѣ, сравнительно, крѣпче держатся традиціи старины.

А между тѣмъ, въ не особенно далекомъ прошломъ, стихотворная форма была довольно обычнымъ способомъ выраженія мыслей старообрядческихъ писателей. Въ такъ называемомъ „Каталогѣ, или библіотекѣ старовѣрческой церкви, собранной тщаніемъ Павла Любопытнаго“ (Москва, 1863 г.) мы находимъ цѣлый рядъ писателей, облекавшихъ въ форму стихотвореній даже большіе трактаты. Многія изъ упоминаемыхъ у Павла Любопытнаго стихотвореній уже совершенно затеряны, многія безвѣстно скры-

ваются въ рукописяхъ по разнымъ старообрядческимъ моленнымъ и собраніямъ любителей народной письменности, и только небольшая часть старообрядческихъ стиховъ сдѣлалась достояніемъ печати; но и эти стихи, разбросанные по страницамъ спеціальныхъ и рѣдкихъ изданій, а частью нашедшіе себѣ мѣсто въ мелкихъ губернскихъ органахъ печати (Епархіальныхъ и Губернскихъ Вѣдомостяхъ и т. п.), почти недоступны для изученія не только широкому кругу читателей, но и спеціалистамъ по старообрядческой литературѣ, такъ какъ даже лучшія столичныя библіотеки не даютъ возможности, какъ намъ лично пришлось убѣдиться, ознакомиться съ текстомъ многихъ стиховъ.

Сохранившіеся до нашего времени памятники вымирающей старообрядческой поэзіи представляютъ, однако, несомнѣнный интересъ не только съ историко-литературной стороны, какъ памятники народной словесности, поэтическаго народнаго творчества, но, главнымъ образомъ, со стороны психологической и историко-культурной, какъ выраженіе настроеній и мыслей значительной части русскаго общества, рѣшившейся въ половинѣ XVII вѣка, во имя стремленій сохранить „старую вѣру“, старый укладъ жизни, всѣ идеалы старой Руси, какъ она понимала ихъ, порвать связь съ церковью и государствомъ, обречь себя на лишенія и преслѣдованія, на своего рода исповѣдничество. Примыкая по формѣ къ другимъ произведеніямъ народнаго творчества (духовнымъ стихамъ, псальмамъ и пр.), стихи старообрядческаго міра несомнѣнно имѣютъ свое удѣльное содержаніе, опредѣляющееся, съ одной стороны, внѣшними событіями: отношеніемъ къ старообрядчеству правительства, церкви и русскаго православнаго общества и всѣми тѣми историко-бытовыми условіями, какія вызывали преобразованіе Руси, съ другой—явленіями внутренней жизни самого старообрядчества, вырабатывавшаго формы жизни, выяснявшаго и формулировавшаго свои идеалы.

Такое значеніе старообрядческой поэзіи, а равно и трудность изученія ея по разнымъ печатнымъ изданіямъ, побудило насъ соединить въ настоящемъ сборникѣ, по возможности всѣ старообрядческіе стихи, печатавшіеся въ разныхъ изданіяхъ, и присоединить къ нимъ значительную часть стихотвореній, заимствованныхъ нами изъ цѣн-

наго собранія рукописей, пожертвованныхъ Московскому Археологическому Институту Николаемъ Павловичемъ Загоскинымъ, г. Ректоромъ Казанскаго Университета.

Для удобства изученія стиховъ, мы классифицируемъ ихъ по содержанію, раздѣляя на нѣсколько отдѣловъ.

Къ отдѣлу I-му мы отнесли стихи съ общимъ всему старообрядческому міру XVII и XVIII вѣковъ, а отчасти и настоящаго времени, содержаніемъ: съ мыслью о наступленіи на землѣ царства антихриста и съ тѣми выводами изъ этой мысли, какіе сдѣланы крайними старообрядческими толками: нѣтовцами, странниками, морельщиками и пр.

Ко 2-му отдѣлу—стихи съ преобладающимъ историческимъ содержаніемъ, съ указаніемъ на извѣстныя событія въ старообрядческомъ мірѣ и на извѣстныхъ старообрядческихъ дѣятелей.

Къ 3-му отдѣлу—стихи сатирическаго характера, обличающіе недостатки жизни, гражданскіе порядки, всякаго рода „новшества“ въ православномъ обществѣ и—недостатки жизни старообрядческаго міра.

Къ 4-му отдѣлу—стихи, содержаніемъ которыхъ служатъ разсказы изъ священной исторіи и разныя нравоучительныя мысли.

Въ отдѣлѣ 5-мъ (приложенія) мы помѣщаемъ образцы бѣгунскихъ „паспортовъ“, написанныхъ частью прозою, частью рифмованною рѣчью, и—нѣсколько стихотвореній, не вошедшихъ, по содержанію, въ предыдущіе отдѣлы.

Сюда же мы помѣщаемъ нѣсколько варіантовъ къ напечатаннымъ нами стихамъ и новые стихи, заимствуемые нами изъ изданія В. Бончъ-Бруевича „Матеріалы къ исторіи и изученію русскаго сектантства и раскола“. Выпускъ I, СПБ. 1908 г. Мы не могли включить эти стихи въ соотвѣтствующіе отдѣлы нашего сборника, такъ какъ названные „Матеріалы“ вышли изъ печати въ то время, когда нашъ сборникъ заканчивался печатаніемъ.

Кромѣ того—мы присоединили къ сборнику нѣсколько иллюстрацій, представляющихъ типы старообрядцевъ стараго времени — авторовъ и пѣвцовъ старообрядческихъ пѣсенъ, планы нѣкоторыхъ старообрядческихъ скитовъ и снимки съ картинъ, обратившихъ на себя наше вниманіе въ старообрядческихъ моленныхъ.

Въ качествѣ поясненій къ стихамъ мы помѣщаемъ здѣсь двѣ наши статьи: „Мысль о наступленіи на землѣ царства антихриста и выводы изъ нея въ старообрядческой поэзіи“ и „Отношеніе старообрядческаго міра къ новшествамъ“ въ области государственныхъ установленій, общественной и бытовой жизни“.

Мысль о наступленіи на землѣ царства антихриста и выводы изъ нея въ старообрядческой поэзіи.

Отдѣлъ стиховъ объ антихристѣ является, по нашему мнѣнію, однимъ изъ наиболѣе интересныхъ по богатству психологическаго содержанія, по оригинальности и яркости выраженныхъ въ стихахъ настроеній, но—и наиболѣе труднымъ для пониманія его лицами, непосвященными въ тайны психологіи и міросозерцанія старообрядцевъ. Своеобразный и глубоко интересный духовный міръ старообрядчества слишкомъ мало, къ сожалѣнію, знакомъ нашему интеллигентному обществу, которое не имѣетъ ни непосредственнаго соприкосновенія съ нимъ, ни знакомства съ его литературою: съ челобитными XVII и XVIII вѣковъ, исторіями, сказаніями и пр., въ которыхъ съ замѣчательною полнотою и яркостью выразилось міровоззрѣніе старообрядчества, его чаянія и идеалы; поэтому мы позволимъ себѣ, на минуту, увлечь мысль читателя къ тому давно минувшему времени, когда потокъ русской церковно-исторической жизни раздѣлился на два, обособленныя другъ отъ друга, теченія, когда образовался такъ называемый „расколъ“.

Это было время широкихъ и смѣлыхъ реформъ въ области церковной и государственной жизни, время горячей, страстной борьбы между сложившимися издавна понятіями, цѣлымъ міровоззрѣніемъ старой Руси, воспитанной на псалтири и житіяхъ святыхъ, глубоко вѣровавшей въ святость наличныхъ устоевъ русской жизни, — и новыми, проникавшими на Русь, вѣяніями ученаго запада, подвергшими жестокой критикѣ многое изъ того, что считалось святымъ, незыблемымъ достояніемъ отцовъ и оплотомъ будущаго церковнаго и гражданскаго благополучія народа.

Мы коснемся въ настоящемъ очеркѣ только нѣсколькихъ чертъ народнаго міровоззрѣнія, характеризующихъ этотъ періодъ, поскольку это необходимо для уясненія психологіи стиховъ, для пониманія тѣхъ настроеній, какія въ нихъ нашли себѣ выраженіе.

Въ половинѣ XVII вѣка въ значительной части русскаго общества было распространено пріятное для національнаго самолюбія убѣжденіе, зародившееся еще съ XV вѣка, со времени паденія Византіи и постепеннаго укрѣпленія и развитія русскихъ государственныхъ силъ, — убѣжденіе, что наше отечество стало единственнымъ во всемъ мірѣ хранителемъ чистой, неповрежденной вѣры и благочестія: „великое Россійское царство, третій Римъ, благочестіемъ всѣхъ превзыде и все благочестіе въ него во едино собрася и единъ Россійскій подъ небесемъ христіанскій царь именуется во всей вселенней“ [1]), какъ говорили первоучители старообрядчества и, ранѣе ихъ, русскіе писатели съ XV вѣка. „Стараго Рима церкви падеся невѣріемъ аполлинаріевы ереси“ [2]) и „лежатъ невсклонно“ [3]), и вѣра римская стала „сквернѣйшею и лютѣйшею всѣхъ еретическихъ вѣръ“, „понеже латыняне, папежницы всѣхъ древнихъ еллинскихъ и жидовскихъ и агарянскихъ и еретическихъ вѣръ ереси проклятыя въ законъ свой пріяша и со всѣми съ погаными языки и съ проклятыми обще все дѣйствуютъ и мудрствуютъ“ [4]). И даже во второмъ Римѣ-Константинополѣ, у грековъ, „приклякнувшихъ исперва Римскому костелу“ [5]) (разумѣется флорентійская унія), „православіе испроказися латынствомъ и махметовою прелестью“ [6]), „пестро стало отъ насилія Турскаго Махмета“ [7]). „Въ грекахъ, государь“, писалъ къ царю Але-

---

[1]) Н. Субботинъ. Матеріалы для исторіи раскола. Т. IV, стр. 309; сравн. стр. 158; т. VII, стр. 87; V, 228—230; VI, 81, 227, 331; VIII, 143, 366.

[2]) Правосл. Собесѣдн. 1863 г., кн. I, Посланіе старца Елеазарова монастыря Филофея къ Великому Князю. Правосл. Собесѣдн. 1861 г., кн. 2, Посланіе того же лица къ дьяку Мисюрю.

[3]) Н. Субботинъ, Матеріалы для ист. раск., т. V, стр. 78.

[4]) Матеріалы для исторіи раскола. Н. Субботинъ, т. II, стр. 415.

[5]) Тамъ же, т. II, стр. 415, сравн. т. VI, 204; V, 226 и пр.

[6]) Тамъ же.

[7]) Тамъ же. Т. IV, стр. 250; V, 78, 147, 157, 257, 285; VI, 34, 53, 277; VII, 5, 28, 70, 97, 98, 396; VIII, 207, 358; сравн. Макарій,

ксѣю Михайловичу одинъ изъ первоучителей старообрядчества—діаконъ Ѳеодоръ, „благочестіе зѣло много повредилося отъ утѣсненія поганыхъ и отъ еретическаго насилованія: такъ стѣснены, яко овцы посредѣ волковъ — едва уже дышутъ... смущаеми отъ римскихъ наукъ“ [1]). Даже вселенскіе патріархи, говорилъ попъ Никита, „отъ великаго гоненія бесерменска обычное христіанское благочестіе все истеряли и нынѣ намъ отъ нихъ уже нечово искать: былъ они источникъ и пересохъ, и сами вельми жаждутъ“ [2]). И „только здѣ (въ Россіи) истинная православная христіанская вѣра: не пошто намъ искать! заблудити будетъ. Въ Космографіи написано: нѣсть подъ солнцемъ такого благочестія и вѣры правыя, яко въ Московскомъ государствѣ, а по инымъ всѣмъ съ ересми смѣсишася и навыкоша дѣлъ ихъ“ [3]), „послѣдняя Русь здѣ“ [4]), говорилъ протопопъ Аввакумъ, — „четвертому Риму не быть“ [5]).

Слѣдовательно великая отвѣтственность предъ всѣмъ міромъ за сохраненіе въ чистотѣ и неповрежденности, „безъ всякаго прилога и отъятія“ спасительной вѣры всецѣло возлагалась на Русь, и русскіе ревнители православія дѣйствительно стали на стражѣ — какъ бы не „изронить“ чего изъ правой вѣры. Къ сожалѣнію умственное развитіе русскаго общества далеко не соотвѣтствовало его ревности къ сохраненію вѣры, которую русскіе грамотѣи не могли отличать отъ внѣшняго выраженія ея въ обрядѣ и текстѣ богослужебныхъ книгъ. Тотъ длинный историческій путь, какимъ восточная церковь постепенно выражала въ обрядахъ содержимое ею ученіе Христа и свое пониманіе этого ученія, совершенно не былъ знакомъ старой Руси, принявшей всю обрядность одновременно съ христіанствомъ и по ней учившейся самому христіанству. Поэтому преувеличенный взглядъ на значеніе обряда неизбѣжно долженъ былъ явиться еще издавна и, при пол-

---

Исторія русской церкви, т. 12, стр. 163; Правосл. Собесѣдн. 1858 г., III, 328—353.

[1]) Н. Субботинъ. Матер. для исторіи раскола, т. VI, 34, сравн. 277.

[2]) Тамъ же, т. IV, 173.

[3]) Тамъ же. т. VI, стр. 35—36.

[4]) Тамъ же, т. V, стр 227, сравн. III, 247; VII, 86, 87; V, 78, 228—230; VI, 81, 227, 331; VIII, 143, 366.

[5]) Тамъ же, т. VII, 87; VIII, 143 и друг.

номъ почти отсутствіи образовательныхъ средствъ, какія могли бы развить русское религіозное сознаніе, мельчайшія обрядовыя разногласія издавна безпокоили русское общество. „Той же зимы“, читаемъ, напримѣръ, въ одной Новгородской лѣтописи подъ 1476 годомъ, „нѣкоторыи философове начаша пѣти: о Господи помилуй, а друзіи: Господи помилуй“ [1]). Событіе показалось настолько важнымъ современному писателю, что онъ заноситъ его въ лѣтопись, какъ выдающійся фактъ церковной жизни. Не менѣе характернымъ выраженіемъ слишкомъ узкаго взгляда на обрядность служило, напримѣръ, такъ называемое „многогласное“ (т.-е. одновременное нѣсколькими лицами) чтеніе и пѣніе въ церквахъ, при которомъ „шумъ и козлогласованіе въ святыхъ церквахъ бываше странно зѣло“, священники, клирики и діаконы „купно вси кричаху, и невозможно бяше слушающему разумѣти поемаго и чтомаго“ [2]),—но важно было только то, чтобы въ возможно короткое время было прочитано и пропѣто все, положенное по уставу, безъ выпусковъ, чтобы значеніе богослуженія не пропало черезъ пропускъ какого либо слова, или молитвы, такъ какъ уйти изъ церкви до окончанія богослуженія тоже было нельзя: „вѣдомо вамъ буди братіе, что святый Евсевій пишетъ: братіе, аще кто изыдетъ изъ церкви прежде конца пѣнія, развѣ огня и рати, и той съ Іудою осужденъ будетъ“ [3]).

Ставъ, такимъ образомъ, на стражѣ чистоты вѣры, но, по невѣжеству, не умѣя отличить православія отъ всей совокупности церковно-богослужебныхъ дѣйствій, русскій грамотѣй XVII вѣка безъ разбора канонизовалъ все до послѣдняго „аза“ въ наличной русской церковной обрядности, въ церковно-богослужебныхъ книгахъ. Каждое измѣненіе обряда или текста этихъ книгъ не по русскимъ, а по иноземнымъ источникамъ, казалось не только не нужнымъ, но и пугало отечественныхъ ревнителей благочестія, какъ покушеніе на „древлеотеческую“ святую старину.

---

[1]) Щаповъ, Русскій расколъ старообрядчества, стр. 24.

[2]) Н. Субботинъ. Матер. для ист. раск., т. I, 273—274; сравн. стр. 277—278; 482, 490; V, 215 и проч.

[3]) „Уставъ польскій“ или чинъ, какъ принимать въ Ѳеодосіянское согласіе. Сборникъ для исторіи старообрядчества, Н. Попова, т. I, стр. 20, Москва 1864 г.

„До насъ положено: лежи оно такъ во вѣки вѣкомъ! Не блуди еретикъ не токмо надъ жертвою Христовою и надъ крестомъ, но и пелены не шевели“[1]), говорилъ протопопъ Аввакумъ. „Священніи законы, иже аще и малѣйшее что каѳолическія церкве подвизая, есть еретикъ“[2]); „иже что хотя малое премѣнитъ (даже „и худое что“)[3]) да будетъ проклятъ“[4]).

Естественно, что церковныя преобразованія Никона, очевидно и для невѣждъ измѣнявшія обряды и обычаи церковные. да еще по „хромымъ и покиднымъ“ иноземнымъ греческимъ книгамъ, весьма встревожили значительную часть русскаго общества: развѣ русская „вѣра“ не права, развѣ чинъ церковный и книги, по которымъ молились отцы и прадѣды и святые отцы угодили Богу, заключаютъ въ себѣ что-либо неправильное?! Очевидно—Никонъ самъ сталъ еретикомъ, онъ—врагъ Божій[5]), „хоботъ сатанинъ“[6]) задумалъ не исправлять книги, а портить ихъ: „церковь Христову разоряти и церковные догматы развращати и святыя непорочныя книги и уставы и чины прелагати“; но мы, писалъ діаконъ Ѳеодоръ, не хотимъ „пріяти пестрообразныхъ прелестей, растлѣнныхъ догматъ новыхъ еретическихъ..., и за едино прелагаемое слово и отъемлемое въ вѣрѣ страдати до крове готовы, паче же за превращеніе всецѣлыхъ догматъ умирати, и за православіе души своя полагати...“[7]) Началась борьба на жизнь и смерть между старымъ—консервативнымъ и новымъ — либеральнымъ, по тому времени, направленіемъ.

Съ крайнею подозрительностью относясь къ „новшествамъ“, вводимымъ Никономъ, первоучители старообрядчества въ каждомъ изъ нихъ старательно изыскиваютъ какую нибудь ересь и горячо отстаиваютъ каждую букву богослужебныхъ книгъ. Вотъ, напримѣръ, въ изданныхъ Никономъ книгахъ, писали Соловецкіе иноки Государю, „вмѣсто Іисуса написано съ приложеніемъ излишнія

---

[1]) Н. Субботинъ. Матеріалы для исторіи раскола, т. V, 89.
[2]) Тамъ же, т. VIII, 217.
[3]) Тамъ же, т. VIII, 118, сравн. IV, 220, 215.
[4]) Тамъ же, т. V, 220; VIII, 363; V, 272; VII, 75; IV, 203.
[5]) Тамъ же, т. V, 283; VI, 135, 300, 301; VII, 72 и др.
[6]) Тамъ же, т. VI, 284, 318; VII, 372, 374; VIII, 356.
[7]) Тамъ же, т. VI, 291—292.

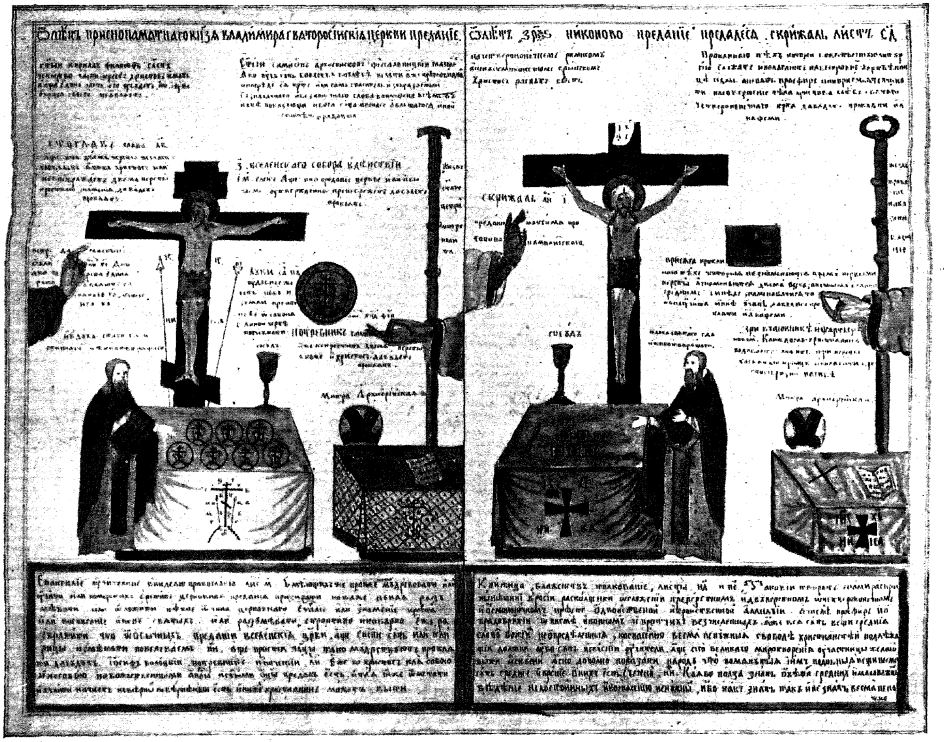
буквы Іисусъ, его же страшно есть намъ грѣшнымъ неточію приложити, но и помыслити“[1]). „И сіе ихъ мудрованіе, замѣчаетъ инокъ Аврамій, „зѣло хулно и нечестиво. Сею прибавочною литерою *ижемъ* отдѣляютъ человѣчество Сына Божія во инъ составъ отъ божества вездѣ въ новыхъ своихъ книгахъ. А прилагаючи *иже* ко Іисусу толкуютъ богохулно: *і* де образуетъ божество во Христѣ, а *иже* де человѣчество. А *слово* и *еръ* и *жеръ* и *рцы* и *твердо* у нихъ не растолковано, что тѣми словами во Христѣ исповѣдуютъ піяныя филосоѳи окаянныя“[2]). „Да еще, государь, въ томъ же символѣ православныя вѣры литеру *азъ* выняли, помогаючи Арію еретику, и глаголютъ: *рожденна, не сотворенна*. А подобаетъ глаголати: *рожденна, а не сотворенна*..., и симъ отъятіемъ ископаровъ прелести роду христіанскому по дѣйству лукаваго сатаны“[3]); „намъ же всѣмъ православнымъ христіянамъ“, заявляетъ діаконъ Ѳеодоръ, „подобаетъ умирати за единый азъ, его же окаянный врагъ выбросилъ изъ символа“[4]). Возмущались старообрядцы и новымъ сложеніемъ перстовъ при крестномъ знаменіи и благословеніи, и почитаніемъ четвероконечнаго креста, тѣмъ, что аллилуія стали говорить три, а не два раза, что литургію стали служить на 5, а не на семи просфорахъ, что епископскіе жезлы Никонъ сталъ дѣлать „съ проклятыми зміями, погублъшими прадѣда нашего и весь міръ“[5]), что церкви стали мыть „мыломъ, въ немъ же всякая нечистота и скверность“[6]) и пр. и пр. Даже совершенно незначительныя, съ нашей точки зрѣнія, нововведенія вызывали рѣзкую критику или насмѣшки. Вотъ, напримѣръ, въ одной старообрядческой сатирѣ обращается вниманіе даже на то, что

„Пѣвчіе имѣютъ за службою камартонъ
Для того, что они съ него берутъ запѣвательный тонъ;
Ежели жъ поютъ, то руками махаютъ,
Потому что чрезъ сіе тактъ пѣнія наблюдаютъ;

---

[1]) Тамъ же, т. III, 166.
[2]) Тамъ же, т. VII, 270, 272, 314 – 316.
[3]) Тамъ же, т. VII, 273.
[4]) Тамъ же, т. VI, 188—189.
[5]) Тамъ же, т. III, 302.
[6]) Тамъ же, т III, 299.

ТАБЛИЦА №·1.



← Къ страницѣ X. Копія съ картины изъ безпоповской (поморской) моленной села Красный Логъ, Воронежскаго уѣзда. Картина висѣла на сѣверной стѣнѣ моленной, въ сѣверовосточномъ углѣ, на ряду съ иконами. Она изображаетъ нѣкоторыя церковно-богослужебныя принадлежности и обряды въ до-Никоновскій періодъ (лѣвая сторона) и со времени патріарха Никона (правая сторона).

И каждый изъ нихъ притопываетъ ногою,
Якоже Исаакій Далматскій предъ сатаною..."[1]).

Въ началѣ была надежда у старообрядцевъ силою свѣтской власти прекратить начинающійся церковный раздоръ, надежда, что царь приметъ ихъ сторону. Полетѣли челобитныя къ царю, цѣлые, своего рода, богословскіе трактаты, которые, иногда, и „двѣма пядема едва объяти было мощно". „Много писано было", говорилъ Аввакумъ[2]). Содержаніе почти всѣхъ ихъ одинаково: рѣзкая критика Никоновскихъ нововведеній, слезныя мольбы или требованія о возстановленіи старины, а иногда и просьбы—дать право самимъ старообрядцамъ раздѣлаться по своему съ никоніанами: „А что, царь-государь", писалъ (къ Ѳеодору Алексѣевичу) протопопъ Аввакумъ, кабы ты мнѣ далъ волю, я бы ихъ (никоніанъ), что Илія пророкъ, всѣхъ перепласталъ во единъ день. Не осквернилъ бы рукъ своихъ, но и освятилъ, чаю... Перво бы Никона собаку и разсѣкли начетверо, а потомъ бы никоніанъ"[3]). Но и царь принялъ сторону церковныхъ реформъ, за которыми послѣдовалъ цѣлый рядъ реформъ гражданскихъ, совершенно измѣнившихъ весь укладъ жизни старой Руси. Попытки вооруженныхъ возстаній за вѣру также не имѣли успѣха. Старообрядческій міръ окончательно потерялъ надежду на возстановленіе прежнихъ церковныхъ порядковъ, и неподдѣльный ужасъ объялъ ревнителей древняго благочестія: „до конца искоренялась въ Россіи православная вѣра и не точію въ Россіи, но и во всемъ мірѣ".

„Пришли времена лютыя,
Пришли года тяжкіе,
Не стало вѣры истинныя,
Не стало стѣны каменныя,
Не стало столповъ крѣпкіихъ,
Погибла вѣра христіанская..."[4])
„Церкви Божія истребишася,
Тайнодѣйствія вси лишишася,
Но и пастыри поплѣнилися,
Жаломъ діавола умертвилися"...

---

[1]) По нашему сборнику стихъ № 53.
[2]) Н. Субботинъ. Матеріалы для исторіи раскола, т. V, стр. 18—19.
[3]) Тамъ же, т. V, стр. 156—157.
[4]) По нашему сборнику стихъ № 2.

Десято-рожный звѣрь сіе погуби,
Седмиглавый змій тако учини"...[1])

„Отъ сего часа на горшее происходити будетъ царьми нечестивыми: то суть рози антихристовы"[2]).

Наступали, повидимому, послѣднія времена, когда церковь Христова должна подвергнуться небывалому гоненію по предреченію апокалипсиса и яснымъ сказаніямъ святыхъ отцовъ. Въ одной излюбленной старообрядцами книгѣ (Книгѣ о вѣрѣ)[3]) нашлось и прямое, по видимому, предупрежденіе о томъ, что въ 1666 г. нужно ждать если не антихриста, то, по крайней мѣрѣ „предотечей онаго". Своеобразно понимаемыя событія церковной жизни XVII в. окончательно укрѣпили въ сознаніи старообрядца мысль о томъ, что

„Народился злой антихристъ,
Въ сію землю онъ вселился,
На весь міръ вооружился...[4]),

какъ говорится въ одномъ стихѣ.

„Самъ Господь Богъ пророцаетъ:
Вы рабы мои, рабыни,
Правовѣрніи христіяне!
Вы не весело живите,
Вы боясь Бога ходите.
Уже антихристъ народился,
Змій собака воцарился;
Онъ разсѣялъ свою прелесть
По всей матери вселеннѣй;
Разметалъ онъ свои сѣти
По всему своему царству;
Онъ и станетъ всѣхъ прельщать,
Въ свои сѣти уловлять.."[5]).

---

[1]) Тамъ же, стихъ № 41.

[2]) Н. Субботинъ. Матеріалы для исторіи раск., т. V, стр. 227—228.

[3]) Книга о вѣрѣ представляетъ собою сборникъ догматико-полемическихъ статей на уніатское отступленіе. Составленная игуменомъ Кіевскаго Михайловскаго монастыря Наѳанаиломъ, она была напечатана въ Москвѣ въ 1648 году. Въ главѣ 30-й ея (объ антихристѣ) повторена была, между прочимъ, мысль, встрѣчавшаяся и у Стефана Зизанія и Захаріи Капыстенскаго, о кончинѣ міра по истеченіи семи тысячъ лѣтъ отъ сотворенія міра и высказано опасеніе, какъ бы въ 1666 году, какъ заключающемъ въ себѣ апокалипсическія числа: 1000 (время, на которое связанъ сатана) и 666 (число имени антихриста), не было бы явленія явственныхъ предтечей антихриста или даже его самого.

[4]) По нашему сборнику стихъ № 12.

[5]) Тамъ же, стихъ № 14, сравн. № 13.

Съ точки зрѣнія старообрядца стало очевидно, что церковь русская и государство подпали подъ власть антихриста и стали врагами Божіими, врагами спасенія истинныхъ христіанъ. Въ одномъ старообрядческомъ стихѣ находимъ и объясненіе такому положенію вещей:

„До 1000 лѣтъ христіанская вѣра невреждена была,
Доколѣ сидѣлъ связанъ сатана,
А когда онъ кончилъ свой комплектъ,
То сталъ прельщать людей на вредъ.
Послѣ тысячной неволи мало время пропустилъ
И перво область римскую прельстилъ...
И отсрочилъ бѣсъ время недалече—
Сейчасъ же папу назначилъ антихристовымъ предтечей...[1]).

Потомъ послѣдовало уклоненіе къ латинству грековъ, а нынѣ „и въ нашей Русской землѣ обрѣтеся чертъ болшой, ему же мѣра высоты и глубины адъ преглубокій“[2]) говорилъ Аввакумъ, разумѣя „предотечу антихриста“ Никона.

Подъ вліяніемъ такой мысли, съ крайне пессимистическимъ взглядомъ на все окружающее „новое“, считая только старый укладъ жизни во всѣхъ его мелочахъ единственно благочестивымъ, спасительнымъ, старообрядческій міръ окончательно замкнулся въ себя; въ своихъ домахъ и моленныхъ стремился онъ хранить остатки чтимой старины, возстановить, по возможности, старорусскіе порядки жизни XVI—XVII вѣковъ. Но какъ ревниво ни оберегалъ старообрядецъ свой домашній мірокъ отъ всякаго проникновенія злыхъ антихристовыхъ вѣяній, какъ ни окуривалъ себя и домъ свой ладономъ, какъ ни окроплялъ водою Богоявленскою—онъ не могъ считать себя чистымъ отъ скверны: злой міръ врывался къ нему тысячью различныхъ путей и самъ старообрядецъ постоянно соприкасался съ нимъ, вращаясь среди табачниковъ никоніанъ, связанный съ ними цѣлымъ рядомъ житейскихъ интересовъ, принужденный покупать у нихъ предметы житейскаго обихода и проч. Правительство требовало отъ всѣхъ подчиненія гражданскимъ порядкамъ, какіе старообрядецъ считалъ еретическими, а церковь посылала слугъ своихъ

---

[1]) Стихъ № 1.
[2]) Н. Субботинъ. Матеріалы для истор. раск. т. V, стр. 261.

„аки діаволъ Христа“ соблазнять писаніемъ святымъ слабодушныхъ покинуть старую вѣру. Отвсюду грозили соблазны, опасность осквернения и гибели вѣчной. Оставалось одно—бѣжать совсѣмъ изъ міра, укрыться, для спасенія души своей, въ горы и вертепы, по реченному Св. Ефремомъ Сириномъ:

„Ужъ какъ пишетъ сынъ Васильевъ
Преподобный отецъ Ефермей (Ефремъ):
Вы бѣжите, мои свѣты,
Вы во темные во лѣса;
Вы скрывайтесь, мои свѣты,
Вы во горы, во вертепы;
Вы вселяйтесь, мои свѣты,
Вы во пропасти земныя“...[1]).

Глубокое разочарованіе во всемъ мірѣ, убѣжденіе, что нельзя найти спасеніе, оставаясь въ общеніи съ никоніанами, страстное томленіе по уединенію, пустынножительству—нашли себѣ художественное выраженіе въ цѣломъ рядѣ старообрядческихъ стиховъ.

„Кто бы, кто бы мнѣ построилъ
Во темныхъ лѣсахъ келію.
Кто бы мнѣ поставилъ
Не на жительномъ бы мѣстѣ,
Гдѣ бы люди не ходили,
Гдѣ бы птицы не летали,
Гдѣ Тебѣ,—Христу, угодно,—
Гдѣ душамъ нашимъ на пользу.
Гдѣ бы, гдѣ бы мнѣ не видѣть
Всего всемірнаго соблазну“ [2]).
„А кто бы мнѣ построилъ
Прекрасную пустыню
Во темныехъ во лѣсахъ,
Во горахъ бы, во вертепахъ,
Во пропастехъ во земныхъ.
Уже бы мнѣ не видати
Житія бы суетнаго,
Уже бы не слыхати
Человѣческаго гласу“ [3]).
„Прекрасная мати пустыня,
Любезная моя другиня,
Отъ смутнаго міра прими мя“...[4]).

[1]) Стихъ № 21.
[2]) Стихъ № 11.
[3]) Стихъ № 7.
[4]) Стихъ № 8; сравн. № 14.

„Любимая моя мати,
Потщися мя воспріяти.
Всѣмъ сердцемъ желаю тя,
Во дни и въ нощи милую тя“...[1]).
„Не знаю себѣ что и быти,
Да гдѣ мнѣ главу надклонити,
Понеже антихристовы дѣти
Всюду простираютъ на насъ сѣти...
Прекрасная мати пустыня!
Отъ сего лукаваго изми мя.
Потщахся въ тебе убѣжати“...[2]).

Началось дѣйствительно бѣгство многихъ старообрядцевъ въ лѣса и трущобы нашего необъятнаго сѣвера, въ степи и лѣса привольнаго юга, гдѣ они основывали малыя и большія поселенія и скиты, о позднѣйшемъ разореніи которыхъ съ такою трогательною любовью говорятъ нѣкоторые старообрядческіе стихи:

„У насъ были здѣсь моленны,
Подобны онѣ были раю,
Уряжены святыми иконами,
Украшены духовнымъ пѣніемъ.
Служба была ежедневная,
Молитва къ Богу непрестанная;
У насъ былъ звонъ удивленный (т. е. удивительный)
Удивленный, аки громъ гремѣлъ“...[3]).
„Соборъ разныхъ птицъ
Громко пѣсни пѣлъ...
Теперь все замолкло и нѣтъ ничего:
Погибло, потлѣло, травой заросло“...[4]).

Но и здѣсь, въ пустыняхъ, въ дивныхъ дремучихъ лѣсахъ старины не находилъ себѣ отрады и покоя мятущійся духъ старообрядца:

Не могу быть безъ рыданья,
Страхъ антихристовъ міръ устрашаетъ“[5]).

какъ говорится въ одномъ стихѣ. Вотъ, напримѣръ, въ дремучихъ лѣсахъ Керженца собралась толпа старообрядцевъ и идетъ разсужденіе о переживаемыхъ „горько-пла-

---

[1]) Стихъ № 27.
[2]) Стихъ № 8.
[3]) Стихъ № 36.
[4]) Стихъ № 34.
[5]) Стихъ № 3.

чевныхъ временахъ". „Эко стало нынѣ христіанамъ ругательство", вздыхаетъ одинъ изъ собесѣдниковъ, послѣ перечисленія „еретическихъ" дѣлъ Петровыхъ, „да что, полно говорить: страшно! называемъ его (Петра) антихристомъ, а нѣтъ ли его здѣсь въ лѣсу! Видите вы и сами, какое смятеніе между нами"! [1]). Грозный призракъ антихриста стоялъ вездѣ какъ бы за плечами старообрядца. Да и куда въ самомъ дѣлѣ можно укрыться отъ антихриста, который есть духъ, овладѣвшій всѣмъ міромъ [2]). И глубокой тоской безысходной, мукой отчаянія звучатъ рѣчи старообрядцевъ, изображающія это повсемѣстное господство антихриста въ мірѣ.

„Уже останошны времена,
Уже послѣдняя кончина.
Народился злой антихристъ,
Злой антихристъ—духъ нечистый"...[3]).
„Онъ взялъ на землѣ силу большую,
Погубитъ во всемъ свѣтѣ вѣру Христову,
Поставитъ свою злую церковь"...[4]).
„И отъ онаго прелестника
Не будетъ вамъ уходу
Ни во градѣхъ, ни въ заводѣхъ,
Ни въ селѣхъ и не въ деревнѣхъ,
Ни въ темныхъ во лѣсахъ,
Ни во дальнихъ пустыняхъ"...[5]).
„Не будетъ уходу, не будетъ ухорону
Ни въ горахъ и ни въ вертепахъ,
Ни въ разсѣлинахъ земныхъ,
Никто отъ него не можетъ укрытися" [6]),

---

[1]) Г. Есиповъ. Раскольнич. дѣла XVIII стол. Спб. 1861 г., т. I, стр. 565.

[2]) По толкованіямъ св. отцевъ на свящ. писаніе, антихристъ долженъ быть человѣкомъ, а не духомъ, и царство его продлится $3^1/_2$ года, послѣ чего должно наступить господство правды—Христа. Соотвѣтственно этому старообрядцы признали было антихристомъ Никона, потомъ ненавистнаго имъ „Великаго въ злобѣ" Петра 1-го и другихъ лицъ, но всѣ эти лица умерли, а дѣло, которому они служили, не разрушалось, такъ что, съ точки зрѣнія старообрядцевъ, господство антихриста въ мірѣ было несомнѣнно. Тогда, постепенно, создалось ученіе, что антихристъ долженъ быть не человѣкъ, а духъ, дѣйствующій въ мірѣ; и пророчество о воцареніи его на $3^1/_2$ года нельзя понимать буквально.

[3]) Стихъ № 7.

[4]) Стихъ № 15.

[5]) Стихъ № 11.

[6]) Стихъ № 7.

„Онъ разсѣялъ свою прелесть
По всей матери вселеннѣй;
Разметалъ онъ свои сѣти
По всему своему царству;
Онъ и станетъ всѣхъ прельщать,
Въ свои сѣти уловлять“...[1]).

И такъ—некуда на землѣ укрыться отъ власти антихриста. Весь міръ представлялся разстроенному воображенію старообрядца одною колоссальною антихристовою сѣтью, раскинутою для уловленія его — истиннаго христіанина. Все стало нечистымъ, оскверненнымъ антихристовою прелестью. Но какъ же жить на землѣ подъ господствомъ врага спасенія человѣка, если одно прикосновеніе таинственной антихристовой печати уже низводитъ человѣка въ погибель вѣчную?!. Очевидно только совершенное удаленіе „отъ сего житія суетнаго“ можетъ избавить отъ антихриста, только смерть можетъ соединить со Христомъ.

И вотъ, на почвѣ этого глубокаго отчаянія найти спасеніе въ здѣшней земной жизни, возникаетъ и развивается страстное желаніе „разрѣшитися и со Христомъ быти“, желаніе смерти и исканіе ея.

„Нѣсть спасенья въ мірѣ, нѣсть!
Лесть одна лишь правитъ, лесть!
Смерть одна спасти насъ можетъ, смерть!
Нѣсть и Бога въ мірѣ, нѣсть!
Счесть нельзя безумства, счесть!
Смерть одна спасти насъ можетъ, смерть!
Нѣсть и жизни въ мірѣ, нѣсть!
Месть одна лишь братьямъ, месть!
Смерть одна спасти насъ можетъ, смерть!“ [2]).

Зарождается мысль о самоубійствѣ.

Но, вѣдь, самоубійство—смертный грѣхъ. Для разрѣшенія этой роковой дилеммы: жить съ антихристомъ—значитъ погибнуть духовно, умертвить себя—совершить смертный, лишающій спасенія грѣхъ — обращается старообрядецъ къ своему обычному авторитету: старымъ книгамъ, прологамъ, житіямъ святыхъ; въ нихъ стремится найти для себя утѣшеніе и, съ своей точки зрѣнія, кое-что находитъ: „Ѳилинидъ священномученникъ, читаемъ въ по-

[1]) Стихъ № 14.
[2]) Стихъ № 19.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общест. енных Наук

сланіи Тобольскихъ старообрядцевъ къ царю (1679 г.), не изволилъ пострадать, но обязавши главу свою и верже себя съ высока мѣста тако скончался". „Св. Мученица Доминика, да двѣ дщери ея Виринія и Проскудила, сами себя въ рѣку вверже, тако скончашася"; „Св. Мученица Манеѳа сама ся вверже въ пещь, тако скончашася, *отъ своихъ рукъ пострадаша во образъ намъ*" [1]).

Создается своего рода доктрина самоубійства и призывъ къ нему мы видимъ во многихъ старообрядческихъ стихахъ.

„Умирайте, мои свѣты,
За крестъ святой, за молитву,
За свою браду честную,
За мою вѣру Христову.
Избавлю васъ, моихъ свѣтовъ,
Отъ злой и превѣчной муки;
Отворю вамъ, мои свѣты,
Врата пресвѣтлаго рая,
Преславнаго моего рая,
Небеснаго моего царства" [2]).

„Зарывайтеся песками,
Рудожелтыми хрящами,
Помирайте ка всѣ гладомъ,
Не умрете, оживете,
Моего царствія не минете"...[3]).

„И вселю я васъ, мои свѣты,
Во прекрасный рай со святыми;
Огражу я васъ, мои свѣты,
Своей рученькой Христовой"...[4]).

И дѣйствительно, исторія указываетъ намъ громадное количество единичныхъ и массовыхъ убійствъ и самоубійствъ старообрядцевъ, при чемъ способы самоумерщвленія были весьма разнообразны. Вотъ, напримѣръ, старикъ старообрядецъ (въ Сибири) желаетъ умереть по примѣру Христа, заготовляетъ для себя крестъ, копье, гвозди и другіе атрибуты страданій Спасителя, и, послѣ 40-дневнаго, поста, распинается: онъ прибиваетъ себѣ большими гвоздями обѣ ноги ко кресту, потомъ — ладонь лѣвой руки,

---

[1]) А. С. Пругавинъ. „Самоистребленіе". Русск. Мысль. 1885 г. стр. 108.

[2]) Стихъ № 13.

[3]) Стихъ № 12.

[4]) Стихъ № 11.

а такъ какъ правую руку безъ посторонней помощи прибить было нельзя, то старикъ воткнулъ себѣ между ребрами праваго бока остріе копья и подперся имъ, чтобы сохранить то положеніе, въ какомъ былъ Христосъ на крестѣ [1]). Въ 1782 году сибирскій старообрядецъ Мензелинъ топитъ въ озерѣ совращенныхъ имъ крестьянъ „Тебѣ ради Господи“ [2]). Въ царствованіе Николая Павловича душъ 15 старообрядцевъ (мужчинъ и женщинъ), Красноуфимскаго уѣзда, приковали себя раздѣтыми къ деревьямъ лѣса на съѣденіе комарамъ и мошкамъ и на голодную смерть [3]). Образовался цѣлый толкъ „морельщиковъ“ или „запощеванцевъ“, которые губили себя голодною смертью, для чего запирались своими наставниками въ какомъ либо сараѣ и лишались возможности выхода оттуда; иногда заживо ложились въ уединенныхъ мѣстахъ въ заранѣе приготовленные гробы:

„Древянъ гробъ сосновый
Ради меня строенъ,
Въ немъ буду лежати,
Трубна гласа ждати.
Ангелы вострубятъ,
Изъ гробовъ возбудятъ“ [4]),

какъ говорится въ одномъ стихѣ. Другіе старообрядцы рубили другъ другу головы, закалывались ножами, приносили въ жертву дѣтей по подобію Авраама и т. п. Но особенно излюбленною, такъ сказать, формою самоубійства было сожженіе огнемъ. Трудно въ настоящее время повѣрить, сколько жизней погибло такимъ образомъ подъ вліяніемъ идеи о повсемѣстномъ господствѣ антихриста въ мірѣ. Въ одномъ, изданномъ А. Н. Пыпинымъ, сводномъ старообрядческомъ синодикѣ указывается 45 случаевъ самосожженій, и общій итогъ сгорѣвшихъ въ 31-мъ изъ этихъ 45 случаевъ опредѣляется цифрою 10002 человѣка. Но у Пыпина далеко не полный перечень всѣхъ самосожженій въ Россіи.

---

[1]) А. С. Пругавинъ. „Самоистребленіе“. Русск. Мысль. 1885 г., февраль, стр 130. Сравн. Русск. Старина 1879 г., № 10, стр. 337—339.
[2]) Тамъ же, стр. 133; сравн. Живописн. Обозр. 1874 г., № 52.
[3]) Тамъ же, стр. 132.
[4]) Стихъ № 18.

Мысль о самосожженіи, какъ богоугодномъ подвигѣ, встрѣчается еще у первоучителя старообрядцевъ протопопа Аввакума, который, въ „книгѣ на крестоборную ересь“, перечисляя нѣсколько случаевъ сожженія старообрядцевъ правительствомъ, замѣчаетъ: „а иные ревнители закона,... уразумѣвши лесть отступленія, да не погибнутъ злѣ духомъ, собирающеся во дворы съ женами и дѣтками, и сожигахуся огнемъ своею волею. Блаженъ изволъ сей о Господѣ“ [1]). Въ исторіи Выговской пустыни перечисляется цѣлый рядъ массовыхъ самосожженій, при чемъ самоубійство такого рода прямо признается законнымъ и спасительнымъ дѣломъ. Вотъ, напримѣръ, „отецъ Игнатій“, монахъ Палеостровскаго монастыря, говоритъ старообрядческій исторіографъ, „какъ доброразсудный мужъ, со своимъ собраннымъ народомъ благочестнѣ, по законехъ древнеотеческихъ огнемъ скончатися изволи“... И разсказавъ объ этомъ событіи, старообрядческій писатель добавляетъ: „И послѣ большаго дыму, изъ самыя церковныя главы (старообрядцы сожглись въ церкви)—оле чуднаго видѣнія—изыде отецъ Игнатій съ крестомъ въ великой славѣ и свѣтлости, и поднявся пойде въ высоту и за нимъ прочіе старцы и народа множество безчисленное, вси въ бѣлыхъ ризахъ, въ великой свѣтлости и славѣ рядами идяху за онымъ отцемъ Игнатіемъ горѣ къ небеси и прошедше небесныя двери, къ тому невидимы быша. А изъ нихъ падоша на землю во огнь токмо три человѣка, которіи изъ огня бросишася во окна“ [2]).

Съ особенною яркостью и силой ученіе о необходимости самосожженія выразилось въ нѣкоторыхъ старообрядческихъ стихахъ; вотъ, напримѣръ, одинъ изъ нихъ, въ которомъ призывъ къ самосожженію влагается въ уста самого Спасителя:

„Не сдавайтесь вы, мои свѣты,
Тому змію седмиглаву (т. е. антихристу),
Вы бѣгите въ горы, вертепы,
Вы поставьте тамъ костры большіе,
Положите въ нихъ сѣры горючей,
Свои тѣлеса вы сожгите.

---

[1]) Матеріалы для исторіи раскола. Н. Субботина, т. V, стр. 264—265.
[2]) Исторія Выговской Пустыни, изданная Д. Е. Кожанчиковымъ по рукописи Ивана Филипова. Спб. 1862 г., стр. 42—44.

Пострадайте за меня, мои свѣты,
За мою вѣру Христову:
Я за то вамъ, мои свѣты,
Отворю райскія свѣтлицы,
И введу васъ въ царство небесно,
И самъ буду жить съ вами вѣковѣчно“ [1]).

Въ стихѣ о такъ называемой „женѣ Аллилуевой“ еще рѣзче звучитъ тотъ же призывъ:

„Какъ возговоритъ Аллилуевой женѣ
Христосъ, царь небесный:
Охъ ты гой еси, Аллилуева жена милосерда.
Ты скажи мою волю всѣмъ людямъ,
Всѣмъ православнымъ христіанамъ,
Чтобы ради меня они въ огонь кидались,
И кидали бы туда младенцевъ безгрѣшныхъ,
Пострадали бы всѣ за имя Христа свѣта,
Не давались бы въ прелесть хищнаго волка,
Хищнаго волка, антихриста злого.
Что антихристъ на землѣ взялъ силу большую,
Погубитъ во всемъ свѣтѣ вѣру Христову,
Поставитъ свою злую церковь.
Онъ брады всѣмъ брить повелѣваетъ,
Креститься щепотью всѣмъ завѣщаетъ,
Мою вѣру хощетъ искоренити“ [2]).

Прислушайтесь къ голосу этихъ стиховъ. Они полны глубокаго трагизма. Вѣдь это отчаянный вопль души наболѣвшей, страстно томящейся желаніемъ спасенія въ Богѣ и потерявшей всякую надежду сохранить себя отъ гибели здѣсь на землѣ. Какая звучитъ въ нихъ сила искренней, горячей вѣры и, вмѣстѣ, какое, очевидно, глубокое невѣжество, тьма безпросвѣтная окутываетъ старообрядческій міръ, готовый итти на смерть за какую нибудь „браду честную“, за „два перста“, за „единый азъ“, „аки за великіе премудрые дохматы“, какъ выражались старообрядцы XVII вѣка [3]).

---

[1]) Стихъ № 22.

[2]) Стихъ № 15.

[3]) Н. Субботинъ. Матер. для исторіи раскола. Т. VI, 188—189; сравн. 229, 230; VII, 216; 272—274, 315; I, 177, 239, 286, 295; III, 142, 145, 160, 181—182; 185, 210, 262, 310—311; IV, 254, 259, 282; V, 129, 89).

Относительно причинъ старообрядческихъ самоубійствъ существуетъ два мнѣнія въ литературѣ. Согласно одному—старообрядцы сожигались подъ вліяніемъ, главнымъ образомъ, правительственныхъ репрессій, страхъ

XXII

Прошло уже почти три вѣка со времени отдѣленія старообрядчества отъ православной церкви. Тенденціи его значительно ослабѣли, слабѣетъ и его фанатизмъ. Для лицъ, интересующихся его прошлымъ и настоящимъ и изучающихъ его исторію, очевидно, что хотя и медленно, но ближе и ближе подходятъ старообрядцы къ православному міру. Въ общемъ они терпимѣе относятся и къ церкви и къ государству. Но и теперь еще, къ сожалѣнію, глубокій мракъ окутываетъ старообрядческое населеніе

преслѣдованій и наказаній гналъ ихъ въ огонь. Въ доказательство указываютъ на то, между прочимъ, что большинство случаевъ самосожженія было именно тогда, когда являлись лица правительственнаго надзора къ старообрядцамъ, когда грозила послѣднимъ опасность ареста и наказанія. Другое мнѣніе таково, что причиною самоубійствъ была догма, ученіе о смыслѣ самоубійства, какъ страданія за Христа—„Тебѣ ради, Господи".

Мы полагаемъ, что основной мотивъ настроенія, побуждавшаго старообрядца бросаться въ огонь лежитъ—въ самой психологіи старообрядчества, въ его міросозерцаніи,—въ томъ безотрадно пессимистическомъ взглядѣ на все окружающее, въ убѣжденіи, что нѣтъ нигдѣ покоя, спасенія душѣ въ этомъ мірѣ зла, въ царствѣ антихриста. Самое ученіе о самоубійствѣ, какъ способѣ соединенія со Христомъ, бѣгствѣ отъ антихриста, не есть коренное ученіе старообрядчества, оно само явилось, какъ слѣдствіе этого убѣжденія. Что же касается преслѣдованій правительственныхъ, то они, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, могли имѣть значеніе лишь повода, искры, брошенной въ готовый уже горючій матеріалъ; появленіе полиціи лишь обостряло, доводило до кризиса готовое уже настроеніе. Но не въ нихъ суть дѣла: не наказаній боялся старообрядецъ, не смерти даже, такъ какъ что можетъ быть ужаснѣе той смерти, какую онъ устраивалъ себѣ самъ, засыпаясь „песками рудожелтыми", распинаясь на крестѣ, умирая гладомъ и огнемъ. Старообрядецъ самъ искалъ смерти; бывали случаи когда онъ требовалъ ее отъ правительства, чтобы сподобиться „мученическаго вѣнца". Нѣтъ, онъ боялся осквернѣнія отъ рукъ антихристовыхъ слугъ, общенія съ ними, боялся духовной смерти, а не тѣлесной.

На ряду со многими случаями, когда старообрядцы сожигались на глазахъ явившагося къ нимъ „начальства", извѣстны и такіе, когда совнѣ не было ни малѣйшаго повода къ самоубійству. Кромѣ того, не мало случаевъ старообрядческихъ самоубійствъ были и въ тѣ періоды русской жизни, когда отношенія правительства къ старообрядчеству отличались полною гуманностью, возможны и бываютъ такіе случаи и въ наше время (напримѣръ въ Тирасполѣ), хотя для каждаго очевидно, что пора суровыхъ отношеній къ старообрядчеству миновала давно.

Постепенное уменьшеніе случаевъ старообрядческихъ самоубійствъ, особенно массовыхъ, въ наше и ближайшее къ намъ время, нужно искать не въ измѣненіи правительственныхъ отношеній къ старообрядчеству, но въ постепенномъ измѣненіи настроенія самого старообрядчества.

глухихъ деревень и поселковъ нашей необъятной Россіи, и недавній примѣръ Тираспольскаго самоубійства служитъ яркимъ доказательствомъ того, что и теперь самый пустой, незначительный поводъ, какъ, напримѣръ, перепись населенія, можетъ, по мѣстамъ, повести къ роковому исходу, возбудивъ на почвѣ указаннаго нами настроенія фанатическую готовность, „за Христа умрети“. Родными и близкими старообрядческому духу остаются до нынѣ тѣ настроенія, какія такъ ярко выразились въ поэтическихъ произведеніяхъ старины. Невольно содрагаясь, при воспоминаніи ужасной картины Тираспольскаго самоубійства, когда цѣлыя семьи старообрядцевъ заживо зарылись въ землю, мы хотѣли бы закончить настоящій очеркъ словами безсмертнаго Гете: „больше свѣта!“, пусть онъ широкою волною льется въ темныя массы народа чрезъ школы, и, добавимъ отъ себя,—больше любви въ отношеніи къ старообрядцамъ, которой такъ мало было въ минувшемъ; и можно будетъ вѣрить, что страшные призраки прошлаго отойдутъ безвозвратно въ историческую даль.

Отношеніе старообрядческаго міра къ „новшествамъ“ въ области государственныхъ установленій, общественной и бытовой жизни.

„Охъ, охъ, бѣдная Русь! чего-то тебѣ захотѣлось нѣмецкихъ поступковъ и обычаевъ!“ говорилъ первоучитель старообрядчества—протопопъ Аввакумъ [1]), негодуя по поводу появившихся въ XVII вѣкѣ на Руси „новшествъ“, подъ вліяніемъ „испроказившагося“ еретичествомъ запада.

„Нынѣшній вѣкъ
Зри всякъ человѣкъ:
Грѣхъ скончался (т. е. ничто не считается за грѣхъ),
Истина охромѣла,
Любовь простудою больна,
Честность и вѣрность въ отставку вышли,
А вѣра осталась въ Іерусалимѣ.
Ложь нынѣ присутствуетъ въ судопроизводствѣ;
Самочиніе въ монастыряхъ проживаетъ,
Тщеславіе игуменствуетъ,
Братоненавидѣніе экономомъ поставлено.
Совѣсть попрана ногами,
Благодѣяніе таскается по міру,
А терпѣніе скоро лопнетъ“...[2]).

Такъ характеризовалъ старообрядческій сатирикъ XIX в. состояніе, до какого дошло современное ему русское общество въ своемъ увлеченіи иноземными „поступками и обычаями“, о которыхъ говорилъ Аввакумъ.

Не только въ области церковной жизни, ея вѣроученія и культа, но и въ гражданско-бытовой, въ области общественной и семейной жизни мечты старообрядчества были въ историческомъ прошломъ: во всемъ томъ строѣ

---

[1]) Н. Субботинъ, Матеріалы для исторіи раскола, т. V, стр. 393.
[2]) По нашему сборнику стихъ № 59.

жизни XVI и начала XVII вѣковъ, который кристаллизовался въ сознаніи старообрядчества въ идеалъ спасительнаго „благочестія“, жизни, построенной „не на песцѣ тщеславія, но на камени, иже есть Христосъ“.

Заподозривъ духовное и гражданское начальство въ стремленіи поколебать вѣковые устои этого благочестія, старообрядчество съ крайнею подозрительностью и предубѣжденіемъ относится ко всякому нововведенію, несогласному съ старорусскими порядками жизни, во всемъ предполагая „душепагубныя“ покушенія на русскую святую старину, „прикровенныя еретическія затѣйки антихриста“. Разсматривая съ этой точки зрѣнія каждое „новшество“, какими въ особенности была богата Петровская эпоха, старообрядческій міръ старательно отыскиваетъ въ нихъ какую нибудь ересь.

Вотъ, напримѣръ, введена была Петромъ Великимъ подушная система податей. Но какъ можно брать подати съ душъ, разсуждаетъ старообрядецъ?! Что есть душа?— „Невидимаго существа Божій образъ, дебельствомъ плоти одѣяна, невидима и неосязаема, должна есть приносити Создателю своему дань душевную: вѣру правую, надежду несомнѣнную и любовь нелицемѣрную“ [1]), а правительство назначило подати съ душъ, да не только съ живыхъ, но и съ мертвыхъ (т. е. съ людей, умершихъ до новой ревизіи). „Сего и въ древнія времена бывшіи, мучители не творили!“ и это уже явный знакъ послѣднихъ временъ по писанію Меѳодія Патарскаго: „въ послѣднее бо время воспросятъ лжехристы дани отъ мертвыхъ, яко и отъ живыхъ“ [2]). „Той же лжехристъ („Великій въ злобѣ“ Петръ) учини описаніе народное“ (перепись), „мы же въ книги законопреступнаго повелѣнія писатися не хощемъ“, говорили старообрядцы,... „понеже видимъ во святомъ писаніи, якоже случися таково дерзнутіе сотворитися при Давидѣ царѣ Израильскомъ..., и за то прогнѣвася Богъ на Давида за таковое законопреступленіе, и посла на него три язвы великія, якоже свидѣтельствуетъ Библія (изво-

[1]) Международная Библіотека, т. XXI, Лейпцигъ, 1879 г. Э. Л. Каспровичъ. „Собраніе отъ святаго писанія о антихристѣ“, стр. 132. Сравн. Чтен. въ Импер Обществѣ исторіи и древн. Россійскихъ, 1863 г., т. I, стр. 12. „Раскольнич. исторія о Петрѣ Великомъ“.

[2]) Междунар. Библіот., т. XXI, стр. 127.

ляй да чтетъ тамо)“ [1]). Съ крайнимъ опасеніемъ относился старообрядецъ и къ воинской повинности, потому что нынѣ не „копіи и стрѣлы, мечи и палицы желѣзныя, но оружія огнепальныя, о нихъ же страшно и рещи, и не воины, не казаки и ратники брадатые, сирѣчь стрѣльцы благовѣрные, но солдаты, еже есть имя сатаны, и брады бриты, одѣяніе короткое и обтянуто, и хвостъ имущъ, на главахъ же носятъ орла, о немъ же писа Ездра пророкъ“...[2]). Не меньшія волненія вызвали и паспорты, на которыхъ видѣли того же орла — печать царя, подпавшаго власти антихриста и даже принявшаго антихристово имя: „іператоръ“, „еже есть число 666“ [3]), ибо сей прелестникъ „скры пагубное имя свое подъ литерою „м“, а прочій слогъ по азбуцѣ содержитъ число 666 пагубнаго имене его, якоже свидѣтельствуетъ апокалипсисъ“ [4]). При Петрѣ же введено было новое лѣтосчисленіе съ перваго Января. „Оле, яма глубока погибели рода человѣческаго!“ восклицаетъ по этому поводу старообрядческій писатель. „О, благоразумная чада, вонмите здѣ, кому ежегодно празднуется новый годъ?... Янусу, идолу ветхоримскому,... а святіи отцы на первомъ вселенскомъ соборѣ... узаконища праздновати до скончанія вѣка въ 1 день септемврія мѣсяца новое лѣто, яко начатокъ свободы христіанскія отъ тяжкаго ига мучительскаго“ [5]). Соотвѣтственно новому лѣтосчисленію, по „умудренію“ перваго антихристова предтечи — Папы римскаго явился

„Новый душепагубный календарь...
И до того люди въ календарь увѣряются,
Что и небесной власти не покоряются,
Правила святыхъ отецъ не признаютъ,
А по календарю о предѣлахъ Божіихъ узнаютъ;
А святые отцы объ этомъ никому не повелѣли знать

---

[1]) Тамъ же, стр. 144, 127 и др.

[2]) П С. Смирновъ. Исторія русскаго раскола старообрядчества, Рязань, 1893 г., стр. 5.

[3]) Если въ словѣ „императоръ“ выбросить букву „м“, замѣнить „и“ (восмеричное) буквою „і“ (десятеричнымъ) и поставить вмѣсто буквъ цифры (славянскаго счета), то сумма получится 666—апокалипсическое „число зрѣрино“. Ту же сумму цифръ старообрядцы отыскали въ словахъ „сенатрі“ (т. е. сенаторы), „гольстейн“, „китайскі чай“ и т. п.

[4]) Международ. Библіотека, т. XXI, стр. 131.

[5]) Тамъ же, стр. 132, 122 и др.

Поэтому нынѣ и Бога стали мало признавать,
А свои законы уставлять"...[1]),

какъ говорится въ одномъ старообрядческомъ стихѣ. Дерзкими покушеніями на тайны Божіи, на тѣ „предѣлы", какіе положены человѣческому познанію, казались старообрядцу календарныя вычисленія, основанныя на астрономическихъ изслѣдованіяхъ и другихъ невѣдомыхъ иноземныхъ наукахъ, къ которымъ онъ относился скептически и крайне недоброжелательно: „Имѣеши у себя мудрыхъ философовъ", иронизируетъ попъ Лазарь въ письмѣ къ царю, „разсуждающихъ лице небеси и земли и у звѣздъ хвосты аршиномъ измѣряющихъ: и таковыхъ глаголетъ Спасъ лицемѣры быти" [2]). „Алманашники и звѣздочетцы и вси зодѣйщики", разсуждаетъ протопопъ Аввакумъ, включая въ число ихъ и греческихъ боговъ и Платона, Пиѳагора, Аристотеля и пр., „вси сіи мудри быша и во адъ угодиша... Виждь, гордоусецъ и алманашникъ, гдѣ твой Платонъ и Пиѳагоръ.... Вси (же) христіане отъ Апостолъ и отъ отецъ святыхъ научени быша смиренію..., достизаютъ не мудрости внѣшнія поразумѣвати и луннаго теченія, но на самое небо восходятъ смиреніемъ, ко престолу царя славы, и со ангелы сподобляются славити Бога; души ихъ во благихъ водворяются, а тѣлеса ихъ на земли нетлѣнна быша и есть"...[3]).

„Нынѣ люди только знаютъ
Посмѣяться старинѣ,
Звѣзды на небѣ считаютъ,
Царства видятъ на лунѣ,
Видятъ тамъ лѣса и горы,
Степи, рѣки, всякій злакъ,
Не проникнутъ лишь ихъ взоры—
Есть ли кофей да табакъ" [4]).

Такой жестокой критикѣ подвергалъ старообрядецъ каждое нововведеніе, но, не смотря на его протестъ, волна преобразованій все болѣе и болѣе заливала русскую землю и до неузнаваемости измѣняла гражданскія формы рус-

[1]) По нашему сборнику стихъ № 1.
[2]) Н. Субботинъ, Матер. для исторіи раскола, т. IV, стр. 252.
[3]) Тамъ же, т. V, стр. 298—299.
[4]) В. Бончъ-Бруевичъ, „Матеріалы къ исторіи и изученію русск. сектантства и раскола", т. I, Спб. 1908, стр. 255.

ской жизни. И горькими жалобами звучатъ старообрядческіе стихи, изображающіе послѣдствія государственныхъ реформъ:

„Законы градскіе всѣ истреблены,
Временны соборы въ конецъ низложены,
Вѣрныхъ соборы истреблены,
Сонмы мерзостей умножены.
Неокентавры завладѣли нами...
Лихоимцы всѣ грады содержатъ,
Немилосердные—въ городахъ первые.
На мѣстахъ злые приставники...
Ко обычаямъ странъ поганыхъ всѣ приклонилися"...[1]).

Называя „немилосердыми", „злыми приставниками", „лихоимцами" и тому подобными именами гражданскія власти, старообрядецъ имѣлъ къ тому и серьезныя основанія. Рѣшительно отказываясь подчиняться новымъ порядкамъ, онъ болѣе, чѣмъ кто либо, чувствовалъ на себѣ тяжесть реформъ. Извѣстно какими суровыми мѣрами проводились преобразованія въ жизнь: „Уложеніе" царя Алексѣя Михайловича, постановленія собора 1667 г., законы Ѳеодора Алексѣевича, царевны Софьи, Петра Великаго (даже послѣ указа 1702 г. о вѣротерпимости) сулили старообрядцу и смерть и всякаго рода „градскія казненія". Битье кнутомъ, ссылки на каторгу и безконечные поборы въ видѣ „двойныхъ окладовъ", штрафовъ за ношеніе бородъ и пр. сопровождали для старообрядца каждое нововведеніе, и долгое время спустя старообрядческій міръ оставался „дойной коровой", для тѣхъ представителей власти, какіе не отличались особою нравственной чистоплотностью при добываніи денежныхъ средствъ. Неудивительно, что всею душею ненавидѣлъ старообрядецъ не только самыя „новшества", какія считалъ еретическими, но и „шишей антихристовыхъ"—власти, заставлявшіе его подчиняться новымъ порядкамъ. И какъ ни былъ несовершеннъ гражданскій бытъ старой дореформенной Руси, но онъ казался золотымъ вѣкомъ старообрядцу. Чрезвычайно интересную характеристику несправедливостей, поборовъ и злоупотребленій новыхъ властей мы находимъ въ одномъ стихѣ: челобитной къ Богу, къ которому направляетъ свои жалобы старообрядческій сатирикъ:

[1]) По нашему сборнику стихъ № 3.

„Всепресвѣтлѣйшій и милостивый Творецъ!...
Не было въ сердцахъ нашихъ болѣсти,
Когда не раздѣлены были мы на волости;
И всякому крестьянину была свобода,
Когда управлялъ нами воевода.
Тогда съ каждаго жила
По копѣйкѣ съ души выходило.
А какъ извѣстно всему свѣту,
Что отъ исправника и секретаря житья нѣту.
По наукѣ ихъ головы и сотскіе-воры
Поминутно дѣлаютъ поборы,...
Прежде тиранили, ненавидя Христовой вѣры,
А сіи мучатъ, какъ не дашь денегъ или овса мѣры.
Всѣ наши прибытки и доходы
Потребляютъ земскому суду на расходы.
Суди насъ, Владыко, по человѣчеству,
Какіе же слуги будемъ мы отечеству?
До крайности дошли, что нечѣмъ и одѣться,
Въ большіе праздники и разговѣться.
Работаемъ, трудимся до пота лица,
А не съѣдимъ въ Христовъ день куринаго яйца;
Ядимъ мякину, обще съ лошадьми...
А какъ придетъ весна,
То жены наши начнутъ ткать красна
Исправнику, секретарю и приказнымъ;
Съ каждаго домишку
Берутъ по полпуду льнишку,
И сверхъ того для своей чести
Собираютъ по полфунту овечьей шерсти;
Даже со двора по мотку нитокъ,
Каковъ бы ни былъ нашъ пожитокъ,
И какъ они въѣзжаютъ,
То плутъ-десятскій съ сотскимъ
Изъ дому всѣхъ выгоняютъ,
А тѣхъ только оставляютъ, которыя помоложе,
Да ужъ и говорить о томъ не пригоже!..
Отъ властителей такихъ велика намъ бѣда—
Избавь насъ, Господи, отъ земскаго суда“ [1]).
„Гдѣ праведный судъ.—Его не стало,
Какъ превратное время настало“..., [2])

говорится въ другомъ старообрядческомъ стихѣ.

Проникая все глубже въ русскую жизнь, иноземныя вліянія постепенно наложили свой отпечатокъ и на нравы русскаго общества и на весь русскій бытъ до мелочей жи-

---

[1]) Тамъ же, стихъ № 55.
[2]) Тамъ же, стихъ № 34.

тейскихъ отношеній. И здѣсь вниманіе старообрядчества обращается прежде всего на то, что ближе относилось къ вопросамъ „благочестія“, къ тѣмъ способамъ богоугожденія, съ какими сроднился русскій человѣкъ въ минувшую эпоху. Несогласные съ духомъ старорусскаго поведенія обычаи и общее ослабленіе ревности къ строгому исполненію церковнаго обряда, къ посѣщенію церкви, благоговѣйному стоянію въ ней, соблюденію постовъ и пр. давали иногда и справедливый поводъ къ негодованію.

Въ церквахъ нынѣ стали стоять „оттопыря ногу
И не по подобію молятся Богу:
Крестятся—около рта мотаютъ,
На подобіе, какъ на балалайкѣ играютъ,
Если-жъ (кто) вздумаетъ пониже поклониться,
И опять раздумаетъ, чтобы чрезъ сіе не посрамиться,
И не уподобиться бы деревенскому мужику—
Неученому дураку.
Случается кто кого спроситъ:
Что то я васъ за обѣдней не видалъ?
На что и отвѣтствуетъ: да я и не бывалъ,
Потому что мнѣ поликмахера не пришлось
У себя застать,
И такъ некому было голову убрать.
Естли же кто божественную книгу имѣетъ,
Станетъ читать и въ ней мало разумѣетъ,
Сейчасъ ее сложитъ и на свое мѣсто положитъ,
Скажетъ про себя: О! мнѣ не до тебя;
Я вѣдь не монахъ, живу въ мірскихъ суетахъ,
У меня есть Адская Почта, исторіи и Арабскія сказки,
Которыя научатъ, какъ показать обхожденія и ласки“... [1]).

„Не дивно то“, говорили старообрядческіе писатели, потому что и учители русскихъ—греки уже и крестятся „странно: руку на чело замахнетъ, а до чела далѣ не донесетъ..., махаютъ сѣмо и овамо... А духовный чинъ у грекъ хуже простова народу крестится: срамно сильно, какъ войдетъ въ церковь; а рукою махаетъ, а самъ то на ту сторону, то на другую озирается, что коза... А стоятъ въ стойлахъ гордо, искривя бокъ, а глядятъ не на иконы, а на стѣну... А въ домахъ ихъ иконъ нѣтъ, съ турками во всемъ смѣсилися... Всѣ нравы у грекъ и поступки

[1]) Тамъ же, стихъ № 53.

внѣшніе и духовные — все басурманскіе“ [1]), какъ о томъ свидѣтельствовали „самовидцы“.

Подъ вліяніемъ такого дурного примѣра грековъ и другихъ иноземцевъ и у насъ на Руси

„Пышность нынѣшняго время
Оставляетъ при крещеніи данное человѣку бремя...
Нынѣ мало кто тщится Богу угодить,
А болѣе любятъ въ весельи пожить“, [2])

говоритъ старообрядческій сатирикъ. Съ легкой руки Петровскихъ ассамблей завелись разныя „бѣсотѣшныя забавы“, „музыки и варганы“, „танцы“, „въ комедіяхъ, маскарадахъ и балахъ (стали) нощеденствовати“.

Правда, музыка и танцы были и ранѣе, но они понимались какъ суетное, грѣховное провожденіе времени. Борьбу съ ними издавна вело духовенство, какъ это мы видимъ и по постановленіямъ Стоглаваго собора и по множеству проповѣдей XV, XVI и XVII вѣковъ. „О, лукавыя жены, многовертимое плясаніе!“ говорится, напр., въ одной изъ нихъ. „Пляшущи бо жена невѣста нарицается сатанина, любодѣица діаволя, супруга бѣсова; не только сама будетъ пляшущая сведена во дно адово, но и ти, иже съ любовію позоруютъ и во сластѣхъ раздвизаются на ню съ похотію... Пляшущая бо жена многымъ мужемъ жена есть; тою діаволъ многыхъ прельститъ и во снѣ и на явѣ. Вси любящіи плясаніе съ Иродіею въ негасимый огнь осудятся... Братіе и сестры, блюдитеся и не любите беззаконныхъ игръ бѣсовскихъ, паче же удаляйтеся плясанія, да не злѣ въ муку вѣчную осуждени будете!“ [3]). Въ царствованіе Алексѣя Михайловича такой взглядъ на народныя увеселенія проводился съ особенною строгостью и они подвергались настоящимъ гоненіямъ со стороны правительства и духовныхъ лицъ. Первоучитель старообрядчества, протопопъ Аввакумъ такъ, напримѣръ, описываетъ свои подвиги въ этомъ направленіи (еще ранѣе возникно-

---

[1]) Изъ дѣла о путешествіи священника Лукьянова въ Іерусалимъ въ 1701 г., хранящагося въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностр. Дѣлъ. М. И Лилеевъ, „Изъ исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубьѣ XVII и XVIII вв.“; вып. I, Кіевъ 1895 г., стр. 251—252.

[2]) По нашему сборнику стихъ № 53.

[3]) Б. Михневичъ, „Историческіе этюды русской жизни“, СПБ. 1882 г., стр. 249.

венія старообрядческихъ волненій): „Пріидоша въ село мое плясовые медвѣди з бубнами и з домрами: и я, грѣшникъ, по Христѣ ревнуя, изгналъ ихъ и ухари и бубны изломалъ на полѣ единъ у многихъ, и медвѣдей двухъ великихъ отнялъ,—одново ушибъ, и паки ожилъ, а другаго отпустилъ въ поле“ [1]). Такую же борьбу съ „еллинскимъ бѣснованіемъ“, со „скомрахами“ вели и другіе сподвижники Аввакума [2]). Полнымъ контрастомъ указанному взгляду на свѣтскія увеселенія явились распоряженія Петра I-го о танцахъ, его придворные балы съ „слушаніемъ мусикійныхъ, трубныхъ и пушечныхъ гласовъ, вкушеніемъ различнаго и нещаднаго питія“ и зрѣніемъ „огня въ гору летущаго и по водамъ плавающаго“ (фейерверки) [3]). „Честныя и святыя вещи и древнія книги отложиша, а богомерзкое злочестіе введоша, паки яко бы бѣсноватые; уже игры и плясанія произведоша и въ книгахъ напечаташа, и именно въ книзѣ Регламентѣ и въ книзѣ именуемой Юности честное Зерцало... Да въ тѣхъ книгахъ напечатано есть установленіе, како играти и танцовати“... [4]).

Вмѣстѣ съ увлеченіемъ танцами и другими увеселеніями, появились на Руси странные, невиданные костюмы, совершенно измѣнившіе „благолѣпный“ обликъ русскаго человѣка, началось увлеченіе заграничными модами, подъ вліяніемъ которыхъ стали неузнаваемыми и манеры и все поведеніе людей общества.

„Молодой человѣкъ тщится щепетко ходить
И одежду по нѣмецки носить:

---

[1]) Н. Субботинъ. Матеріалы для исторіи раскола, т. V, стр. 13.

[2]) Тамъ же, т. I, стр 260—261; сравн. I, 272.

[3]) С.-Петерб. Вѣдомости за 1719 г., см. у Михневича, Историч. этюды русской жизни, стр. 270.

[4]) „Отвѣтъ зазирателю“, рукопись церк. арх. музея при Кіевск. Дух. Акад.; М. И. Лилеевъ, „Изъ исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубьѣ XVII и XVIII в.“, стр. 238. Въ огражденіе отъ такихъ беззаконныхъ постановленій, старообрядцы дѣлали свои. Вотъ, напримѣръ одно изъ нихъ Ѳедосѣевскаго толка: „Поющихъ пѣсни бѣсовскія и играющихъ въ карты, и въ варганы, и въ дуды, и бранящихся матерны, и пляшущихъ, и яйцами катающихъ, и на качеляхъ качающихся, и на масленой катающихся, да творятъ сіи вси 500 поклоновъ до земли“ („Уставъ польскій, или чинъ, какъ принимать въ Ѳеодосіянское согласіе“. Матеріалы для исторіи раскола, издан. Н. Попова, т. I, стр. 15, Москва, 1864 г.).

На шеѣ чтобъ были подвязаны косынка или платокъ
И на головѣ чтобъ былъ зачесанъ
Хохолъ на одинъ бокъ.
Еще чтобъ были панталоны, капотъ,
Жилетъ и сапоги смазные,
Пуховая шляпа, фракъ, сертукъ
И перчатки бѣлявые.
Если же еще положить въ карманъ часы,
То какой еще лутче этой красы..." [1])

При Петрѣ Великомъ правительственныя требованія относительно костюмировки дѣйствительно не могли не вызвать удивленія и негодованія не только старообрядца, но и вообще русскаго человѣка, привыкшаго къ родному костюму. Въ полномъ собраніи узаконеній мы находимъ цѣлый рядъ указовъ о формѣ платья, какое дѣлалось обязательнымъ для ношенія. Въ 1700 году, напримѣръ, предписывалось носить платье венгерскаго образца, въ 1701— нѣмецкаго, въ 1702 году — назначалось въ праздничные дни носить французскіе кафтаны [2]) и т. п. Всѣ такіе указы проводились въ жизнь съ обычною энергіею Петровскаго времени. Въ 1714 году, напримѣръ, Петербургскіе торговцы, продававшіе русское платье неуказаннаго образца, были биты кнутомъ и сосланы въ каторгу [3]). Въ 1715 г. вслѣно было посылать на каторгу тѣхъ, кто будетъ торговать гвоздями для подковки сапоговъ и башмаковъ [4]) и т. п. Штрафы при въѣздѣ въ Петербургъ, тѣлесныя наказанія, ссылки— были обычными мѣрами воздѣйствія на лицъ, неподчинявшихся правительственнымъ распоряженіямъ относительно костюмовъ, которые старообрядецъ признавалъ „бѣсовскими" и въ каждой мелочи которыхъ усматривалъ что либо еретическое: вотъ, напримѣръ, входятъ въ моду галстухи, но какъ можно носить ихъ, разсуждаетъ старообрядецъ, когда апостолъ училъ: „берегитесь удавленины", а галстухи и есть удавленина, потому что ихъ дѣлаютъ петлею на шеѣ, и т. п...

Но изъ всѣхъ модныхъ обычаевъ тяжелѣе всего для старообрядца было стриженіе волосъ и бритье бородъ, введенное Петромъ Великимъ.

---

[1]) По нашему сборнику стихъ № 53.
[2]) Полн. Собр. Зак. ст. 1741, 1898, 1999 и др.
[3]) Тамъ же, ст. 2874.
[4]) Тамъ же, ст. 2929.

„Тутъ тотъ вѣрный христіанинъ,
Не имѣетъ кто власовъ
И острится какъ поганинъ,
И стоятъ какъ у бѣсовъ.
И тотъ тутъ первый христіанинъ,
Кто обрилъ себѣ браду,
Обругался какъ латынинъ,
И это дѣло всѣмъ въ виду“...[1]).

Въ иконографіи старой Руси бѣсы обычно изображались съ стоящими къ верху волосами. Одинаково, впрочемъ возставали старообрядцы и противъ излишняго рощенія волосъ мужчинами, а особенно противъ париковъ. „Противятся Божественному апостолу“, говорилъ Вѣтковскій старецъ Антоній: „власы ростятъ, еллинскій сей обычай воспріяша и женскій образъ похищаютъ на ся, якоже Златоустъ рече. И по словеси Св. Епифанія сія евхитская ересь. А нынѣшнихъ послѣднихъ временъ народы уже злѣе еллинъ и евхитовъ творятъ, и на главы своя учиня изъ волосовъ конскихъ или женскихъ кудри носятъ; еще аки дѣвицы косы плетутъ ругающеся подобію сотвореннаго Богомъ человѣка по образу и по подобію, и прочая неподобная творятъ“[2])... А тутъ и самъ Государь „принялъ звѣриный образъ и носитъ собачьи кудри, нарядилъ людей бѣсомъ, подѣлали нѣмецкое платье и эпанчи жидовскія“[3])... Что касается культа бороды, то начало его можно видѣть въ древнѣйшихъ періодахъ русской жизни. Еще Никифоръ, митрополитъ Кіевскій, въ наставленіи Владиміру Мономаху вполнѣ опредѣленно указывалъ на брадобритіе, какъ на грѣховный, противный священному писанію обычай: „постригати брады своя... бритвою, еже есть отречено отъ Моисеева закона и Евангелія“. „Аще кто браду брѣетъ и преставится тако“, читаемъ въ постановленіяхъ Стоглаваго собора, „не достоитъ надъ нимъ служити, ни сорокоустія по немъ пѣти, ни просвиры, ни свѣщи по немъ въ церковь приносити; съ невѣрными да причтется: отъ еретикъ бо се навыкоша“. Эта мысль проходитъ по всей

---

[1]) По нашему сборнику стихъ № 54.

[2]) „Отвѣтъ зазирателю“, Вѣтковская рукопись. М. И. Лилеевъ, Изъ исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубьѣ въ XVII и XVIII вв., стр. 238—239.

[3]) М. И. Лилеевъ, „Изъ исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубьѣ XVIII—XVIII в.в.“ Кіевъ. 1895, стр. 208.

литературѣ древней Руси и съ совершенной опредѣленностью высказывается и въ позднѣйшій періодъ предъ временемъ возникновенія старообрядческихъ волненій. „Богъ всеблагій“, говорилъ патріархъ Адріанъ въ своемъ „окружномъ посланіи“ о бородѣ, „мудростію своею созда человѣка по образу своему и по подобію, украсивъ его внѣшнею всякою добротою... Мужа и жену сотвори, положивъ разнство видное между ими, яко знаменіе нѣкое; мужу убо благолѣпіе, яко начальнику—браду израстити, женѣ же, яко несовершеннѣй, но подначальнѣй, онаго благолѣпія не даде, яко да будетъ подчиненна, зряще мужа своего красоту, себя же лишону тоя красоты и совершенства, да будетъ смиренна всегда и покорна“. „О веліе зло“, говорилъ патріахъ Адріанъ о „бритобратцахъ“, „человѣцы, созданные по образу Божію, измѣниша доброту зданія его, и зракъ свой мужскій обругаша, уподобляющеся женамъ блудовиднымъ, или, паче рещи—подобящеся безсловеснымъ нѣкіимъ, яко скотомъ или псомъ и подобнымъ имъ: тіи усы простерты имутъ, брадъ же не имутъ. Такъ и человѣцы младоумніи, или паче свойственнѣе рещи, безумніи, измѣнивша образъ мужа богозданный, бывающе псообразни“... Освященная и ученіемъ церкви и вѣковыми традиціями, русская борода стала не только національнымъ отличіемъ, но и однимъ изъ символовъ православія и благочестія. На старыхъ иконахъ страшнаго суда нерѣдко можно видѣть грѣшниковъ, лишенныхъ бородъ. „Видите, праведныя“, говорится въ одномъ изъ древнихъ памятниковъ въ обращеніи къ зрителю картины страшнаго суда, „въ деснѣй странѣ Христа стоящи, вси имущи брады; на шуей-же стоящіи бесермены и еретики, лютеры и поляки и иные подобные имъ брадобритвенники, точію имущіи едины усы, яко имутъ котки и псы“[1]).

Естественно, что безпощадное бритье бородъ при Петрѣ Великомъ, по примѣру „псообразныхъ“ иноземцевъ, оскорбленія и преслѣдованія, какимъ подвергались противники царскаго распоряженія, наносили жестокій ударъ національному достоинству и вѣковымъ убѣжденіямъ старообрядца, и вызывали въ немъ горячій протестъ и готовность на смерть за сохраненіе „образа Божія“ — „честнаго бороднаго украшенія“.

---

[1]) В. Михневичъ, Историческіе этюды русской жизни, стр. 58.

„Умирайте-ка, мои свѣты,
За свою браду честную,
За мою вѣру Христову“...[1]).

читаемъ въ одномъ старообрядческомъ стихѣ призывъ отъ имени самого Христа. И дѣйствительно, не мало головъ слетѣло съ плечъ вмѣстѣ съ бородами, не мало пытокъ, всякаго рода истязаній вынесъ старообрядческій міръ за свою „браду честную“, не мало „мучениковъ“ и „страдальцевъ“ указываетъ намъ его литература, окружая ихъ ореоломъ святости и повѣствуя о разныхъ чудесахъ, случившихся при дерзкомъ посягательствѣ на лишеніе ихъ бородъ. Вотъ, напримѣръ, „боляринъ нѣкій, нравомъ крѣпковыенъ зѣло, повелѣ спекулятору бритву острую пояти и браду подвижнику древняго благочестія“ (Никитѣ—владимірскому приказному) обрити... И внезапу бысть громъвелій и потрясеся земля..., неизчетное число темныхъ ефіоповъ нагло вскочивше“, подняли „страшный шумъ и клокотъ“. Тогда блаженный Никита „вземъ браду свою и помаваше сѣмо и овамо, и абіе бѣсовскія силы исчезаша..., брада же многострадальца ко лицу его прилѣпися, и возсія солнце и буря велія внезапу преста“[2]).

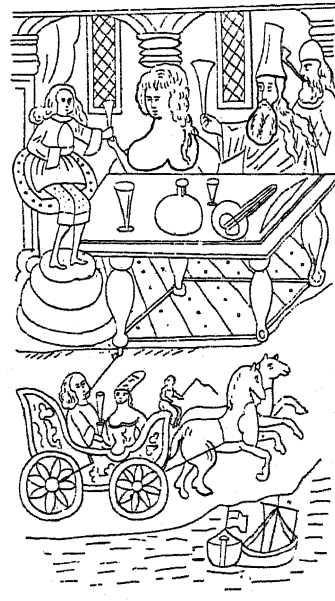
Крайнее негодованіе вызывали въ старообрядцѣ и женскія новыя прически, костюмы и поведеніе.

„Тутъ и женской полъ явился
Со развитымъ волосамъ,
Отъ коихъ весь вредъ родится,
Въ тѣхъ жилище есть бѣсамъ.
Нѣтъ различья женъ съ мужами
Ради вида волосовъ,
Не стыдятся предъ мужами
Обнажить всѣхъ волосовъ.
Съ сатанинскими приборы
Дамы съ модами придутъ
И различными уборы
Иноземцевъ превзойдутъ“...[3])

Вообще женщины, вышедшія на свободу изъ свѣтлицъ — мѣстъ своихъ невольныхъ заключеній и быстро эмансипировавшіяся отъ прежней замкнутости и патріархальныхъ

[1]) По нашему сборнику стихъ № 13, сравн. № 12, 16 и др.
[2]) Михневичъ, Историческіе этюды русской жизни, стр. 87.
[3]) По нашему сборнику стихъ № 54.

ТАБЛИЦА № 2.



Къ страницѣ XXXVII. Снимки съ миніатюръ изъ рукописнаго сборника XVIII вѣка; заимствованы у Ѳ. Буслаева: „Историческіе очерки русской народной словесности и искусства“, т. I, изд. Д. Е. Кожанчикова, Спб., 1861 г., стр. 629—630.

обычаевъ, доставляли много огорченій старообрядцамъ: ходить стали „съ непокрытыми главами, лица вапами мажутъ и бѣлятъ, брови же начернѣваютъ, власы вонями умащаютъ“... Совершенно непозволительными казались старообрядцу и нѣкоторыя скрытыя отъ глазъ подробности ихъ костюмировки, и верхнее платье ихъ, особенно откровенные вырѣзы корсажа:

„Ибо у нихъ груди почти совсѣмъ наружѣ,
Но что сего Богу противнѣе и хуже“...[1])

Въ одномъ рукописномъ сборникѣ начала XVIII вѣка имѣется интересное изображеніе бѣса въ модномъ женскомъ костюмѣ, соблазняющаго старцевъ, и бѣса въ мужскомъ иноземномъ костюмѣ, пляшущаго предъ человѣкомъ, лѣниво читающимъ священную книгу. Въ другой миніатюрѣ той же рукописи мы видимъ безбородаго, но, повидимому, въ парикѣ мужчину, съ бокаломъ вина, и женщину въ иноземномъ костюмѣ, сидящихъ за столомъ въ обществѣ еще двухъ бородатыхъ и длинноволосыхъ мужчинъ, у одного изъ которыхъ трубка во рту. Ниже, на той же миніатюрѣ, помѣщено изображеніе того же мужчины съ бокаломъ вина въ рукѣ и трубкою во рту, ѣдущаго въ колесницѣ съ дамою въ модномъ костюмѣ[2]).

Эти трубки во рту, „питіе богомерзкой табаки“, ставшее общимъ обычаемъ, особенно возмущали старообрядца, и негодованіе противъ куренія и нюханія табаку выражается въ цѣломъ рядѣ пѣсенъ.

Табакъ былъ ввезенъ въ Россію, собственно говоря, ранѣе, чѣмъ начались старообрядческія волненія, но употребленіе его строго преслѣдовалось.

„Россійскій Государь, царь Алексѣй
Издалъ указъ по всей землѣ своей:
Табачную торговлю воспретилъ,
Ослушниковъ кнутомъ нещадно билъ;
Тогда кто нюхалъ, ноздри рвали,
На каторгу въ работу ихъ ссылали.
Такъ вздумали высокіе умы

---

[1]) Тамъ же, стихъ № 53.

[2]) Объ этой рукописи упоминаетъ Ѳ. Буслаевъ, которому она принадлежала, въ „Историческихъ очеркахъ русской народной словесности и искусства“, т. I, изд. Д. Е. Кожанчикова, Спб., 1861 г., стр. 629—630. Рисунки заимствуемъ изъ названныхъ „очерковъ“.

Пресѣчь въ корню заразу сей чумы.
Такой совѣтъ изшелъ изъ устъ священныхъ,
Изъ ада чтобъ извлечь людей своихъ крещенныхъ“[1]).

Но не помогли и эти суровыя мѣры преслѣдованія и ко времени Петра Великаго табакъ вошелъ во всеобщее употребленіе. И вотъ —

„Что скотъ не ѣлъ, топталъ въ ногахъ,
Вотъ нынѣ то чернѣется въ носахъ.
Пчела и медъ съ цвѣтковъ сихъ не беретъ,
А скотъ отъ горькости листовъ не жретъ;
Израиль же возлюбленный Христовъ
Табакъ не выпущаетъ изъ перстовъ...
Священные чины, пасторъ иль пономарь —
Всѣ съ табакомъ идутъ въ алтарь...
Въ Россіи табаку до прежде фунта не бывало,
Нынѣ-жъ придетъ корабль его—и тутъ все мало.
Эхъ! алчно нюхать стали какъ носами:
Не наготовятся имъ кораблями.
И не токмо въ большой, но въ малый носъ
Потребно стало пудъ, иль цѣлый возъ...
Войди въ огромные чертоги,
Гдѣ царствуютъ земные полубоги,
Иль въ пышно убранные кабинеты,
Гдѣ въ златотканье всѣ одѣты;
Не обрѣтешь ты въ залахъ ладона, кадила—
Табачныя одни блестятъ курила.
Лишь трубокъ множество съ оправой золотой
Стоитъ на мѣстѣ кіоты Божіей святой“...[2])

О происхожденіи табака старообрядцы создали нѣсколько легендъ (частью совершенно неудобныхъ для передачи по слишкомъ пикантнымъ подробностямъ). Мы позволимъ себѣ коснуться той, какая нашла себѣ выраженіе въ одномъ изъ старообрядческихъ стиховъ, имѣющемъ названіе: „справедливая критика на табакъ“.

Въ немъ изобрѣтеніе куренія и нюханія табаку приписывается самому Вельзевулу, который, сокрушаясь тѣмъ, что „ѳиміамъ Мессіи лишь курится“, а ему „благоуханной жертвы нѣтъ“, и „убоясь горѣть одинъ въ геенѣ вѣчной, умыслилъ грѣхъ ввести безчеловѣчный“. И выдумавъ табакъ,

---

[1]) По нашему сборнику стихъ № 56.
[2]) Тамъ же, сравн. стихъ № 53, 54 и др.

„Послалъ бѣсовъ къ развратному народу,
Чтобъ научить и выпустить всѣмъ моду:
Какъ нюхать въ носъ табакъ и въ чемъ его хранить,
Какъ трубки работать и какъ табакъ курить.
Но для такой бѣсовской моды новой
Во адѣ трубки не было готовой.
Тогда дьяволъ, на вѣчную посмѣшку,
Изъ ада вытащилъ горящу головешку,
Сперва чубукъ съ аршинъ къ ней прикрѣпилъ,
Потомъ и табакомъ всю крѣпко начинилъ;
Послѣ того придумалъ бѣсъ коварный
У чубука конецъ для рта янтарный;
Потомъ придумалъ въ хитрости единой
У чубука извить конецъ, какъ хвостъ змѣиный"...
И издалъ вотъ еще куреніе сигарокъ...
Дрянь эта черна, не долѣе перста,
И носитъ подобіе змѣинаго хвоста"... [1])

Авторъ этой обширной и чрезвычайно интересной сатиры, обнаруживая большое остроуміе и не меньшую начитанность, знакомство и съ языческою миѳологіею, и съ исторіею и со всею современною ему литературою, старается всѣми силами, на основаніи доводовъ и священнаго писанія и медицины, доказать грѣховность и вредъ употребленія табака. Вопреки другимъ старообрядческимъ писателямъ онъ не возстаетъ противъ мысли, что табакъ „Божіе твореніе", доказывая только незаконность пользованія имъ:

„Древа и злакъ на пользу созданы,
Людями же во зло употреблены.
На то-ль пенька росла и лѣсъ родился,
Чтобы Іуда въ петлѣ удавился?
На то ль росли и дубъ и кипарисъ,
Чтобъ кудрями Авессаломъ повисъ?..
Уже-ль на то древа произростали,
Дабы жиды на нихъ Христа распялн?
О всякой вещи такъ должно судить,
Какъ спасти она, такъ можетъ и губить...
Опомнись ты, табачникъ, и внемли:
Покинь привычку злую, люту:
Брось трубку изо рта хоть на минуту,
И вычисть изъ носа табакъ, утрись,
Молитву сотвори, перекрестись!...
Кто трубку въ ротъ возметъ курить,
Ужели можетъ онъ молитву сотворить...
И кто всю жизнь свою лишь носъ свой набивалъ —

[1]) Тамъ же.

Не можетъ быть чтобъ Царство увидалъ"...
И еслибъ кто вселенскій былъ учитель,
Столбъ церкви, мудрый просвѣтитель,
И Духа Божія сподобленъ онъ,—
Табакъ весь Божій духъ изгонитъ вонъ"... [1])

„Кто куритъ, тотъ Святаго Духа туритъ", гласитъ старообрядческая поговорка.

Кромѣ табака долгое время подвергались нападеніямъ со стороны старообрядцевъ и нѣкоторыя другія нововведенія, вошедшія во всеобщее употребленіе, какъ, напримѣръ, чай, кофе, картофель. Въ названіи перваго старообрядцы ухитрились отыскать апокалипсическое „число звѣрино": 666, для чего писали это названіе такъ: „китайскі чай" и подставляли вмѣсто буквъ цифры славянскаго счета. „Кто пьетъ чай, говорили старообрядцы, тотъ отчаевается отъ Бога, вотъ почему и поютъ въ церкви: спаси насъ, Господи, люди отчаянныя". А „кто пьетъ кофе, тотъ строитъ ковы на Господа и Христа своего". О происхожденіи „бѣсова хлѣба", „губины" или „картовы", т. е. картофеля создались даже нѣсколько совершенно неприличныхъ легендъ, и принятіе его въ пищу безусловно воспрещалось: „Аще который человѣкъ сіе зеліе ястъ, той долженъ плакати до самыя смерти... Аще постится и молится, за Христа кровь прольетъ, или на огнѣ его сожгутъ,—ничтоже есть и не избѣгнетъ злыя муки", читаемъ, напримѣръ, въ старообрядческой рукописи" о хранительномъ былiи, называемая картофія, откуда взяся и расплодися на пагубу душамъ христіанскимъ" [2]). Говорятъ, что въ нѣкоторыхъ старообрядческихъ общинахъ до настоящаго времени держится повѣрье, что если картофель зарыть въ землю въ плотно закупоренномъ горшкѣ то изъ него выйдутъ черезъ двадцать дней щенята [3]). Впрочемъ картофель довольно скоро сталъ входить въ употребленіе и у старообрядцевъ, при чемъ для оправданія своего они отыскали и основаніе въ твореніяхъ Лѣствичника, гдѣ упоминается, между прочимъ, „копарь", кото-

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Рукопись Кіевской Дух. Академіи. М. И. Лилеевъ, „Изъ исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубьѣ XVII—XVIII вв.", стр. 403.

[3]) Вятскія Губернскія Вѣдомости 1859 г., №№ 37—38 „О раскольникахъ Вятской губерніи".

рый они и признали за картофель. Чай теперь пьютъ почти всѣ старообрядцы, но въ недавнемъ еще прошломъ употребленіе его вызывало нареканія. Въ половинѣ, напримѣръ, XIX вѣка, на воротахъ одного Иргизскаго монастыря, въ которомъ иноки стали пользоваться нѣкоторыми „мирскими“ благами (напр. чаепитіемъ, для чего имѣлись и самовары), была прибита ночью однимъ изъ иноковъ сосѣдняго монастыря интересная сатира въ стихахъ, въ которой изображается пріемъ разнаго рода грѣшниковъ въ аду сатаною. Послѣдній, между прочимъ, обращаясь къ нѣкоторымъ грѣшникамъ, говоритъ:

„Честнѣйшіе господа, пожалуйте сюда;
Я васъ отмѣнно буду угощать,
Огнь горящій и жупелъ велю возгнѣщать.
Я, милостивые государи,
Повелю чай грѣть не въ самоварѣ;
Но для роскошныхъ и жирныхъ здѣсь есть во адѣ
Большой котелъ на взвары“... [1])

Сатира эта произвела свое дѣйствіе и самовары подверглись временному гоненію.

Итакъ, съ точки зрѣнія старообрядчества, все, что проникало въ русскую жизнь подъ вліяніемъ развращенныхъ иноземцевъ, всѣ нововведенія и въ области государственныхъ установленій и въ общественной жизни, въ нравахъ и обычаяхъ, въ мелочахъ домашняго быта—все являлось грѣховнымъ, вносило опасность духовной гибели.

„Увы, какой развратъ святынѣ,
Подобно стало, какъ и въ Римѣ.
Куда-жъ бѣжать отъ нововводства,
Вездѣ ослабло руководство;
Вездѣ старинное хладѣетъ,
И всякъ по прихоти радѣетъ...
Почто обычаи измѣнили,
Обрядъ старинный исказнили.
О зло несносное вселилось,
Исчадье новостей явилось“... [2])

И грусть глубокая, какъ въ пѣсни евреевъ „на рѣкахъ Вавилонскихъ“, — слышится въ старообрядческихъ стихахъ, изображающихъ золотой минувшій вѣкъ.

---

[1]) Тамъ же, стихъ № 59 и примѣчаніе къ нему.
[2]) Тамъ же, стихъ № 38.

„Аще помянемъ благочестіе
И пресвѣтлое правовѣріе,
Егда процвѣталъ крнпъ церковный,
Зѣло блисталъ санъ священный,
То не можемъ быть безъ рыданія
И безъ скорбнаго воздыханія.
Охъ увы, увы благочестіе,
Увы древнее правовѣріе!
Кто лучи твоя вскорѣ потемни?
Кто блистанія тако измѣни?
Десято-рожный звѣрь сіе погуби,
Седмиглавый змій тако учини“... [1])

Такими скорбными нотами звучитъ и вся поэзія старообрядческаго міра, даже въ сатирѣ слышится смѣхъ сквозь слезы и красною нитью проходитъ общая всей старообрядческой поэзіи мысль, что

„Увядаетъ днесь благочестіе,
Процвѣтаетъ все нечестіе...
Вся пророчества совершаются,
Предсказанія исполняются;
И чего еще хощемъ ожидать,
Посреди міра долго пребывать.
Уже жизнь сія скончевается
И день судный приближается“... [2])

Правда—невольную улыбку вызываютъ многія жалобы и сужденія старообрядцевъ, ихъ критика новыхъ порядковъ, дѣтски наивными представляются ихъ нападенія на науку и многія полезныя нововведенія Петровской и другихъ эпохъ, а равно и рѣшимость до смерти защищать свои заблужденія, но—не мало высказано ими и горькой правды русскому обществу, презрѣвшему въ своемъ стремленіи ко внѣшнему, мишурному, часто, блеску иноземной культуры самобытныя начала русскаго духа и жизни.

И при всѣхъ своихъ недостаткахъ, старообрядческая поэзія все же служитъ дорогимъ памятникомъ порыва русскаго духа сохранить свою самобытность подъ натискомъ иноземныхъ вліяній. Мощнымъ аккордомъ звучитъ въ ней горячій протестъ русской души противъ насильственнаго вытравленія въ ней дорогихъ національныхъ святынь, хотя бы и узко понимаемыхъ старообрядцами.

---

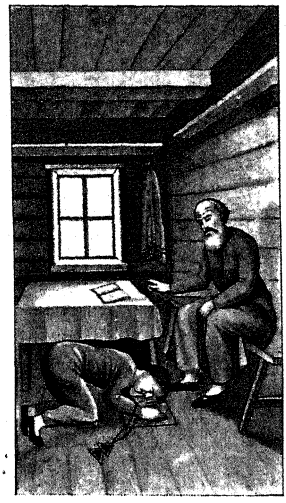
[1]) Тамъ же, стихъ № 41.
[2]) Тамъ же.

Глубокая искренность старообрядческаго міра, вылившаяся съ такою яркостью въ его поэтическихъ произведеніяхъ—этомъ зеркалѣ души народной, готовность итти на муки и смерть за тѣ принципы, какіе онъ смѣло выставилъ на своемъ знамени, и стойкость до послѣдняго времени въ сохраненіи, какъ святыни, своихъ идеаловъ, не можетъ не внушать къ нему уваженія. Пройдутъ года, падутъ, надѣемся, подъ вліяніемъ науки, здороваго развитія мысли, перегородки, отдѣляющія старообрядчество отъ остальной массы русскаго народа, но можно искренно высказать пожеланіе, чтобы не ослабѣли въ немъ тѣ силы русскаго духа, какія нашли себѣ выраженіе въ его поэзіи и жизни.

ТАБЛИЦА № 3.

Типы старообрядцевъ стараго времени. Рисунки заимствованы изъ книги: „Полное историческое извѣстіе о древнихъ стригольникахъ и новыхъ раскольникахъ, такъ называемыхъ старообрядцахъ, собранное изъ потаенныхъ старообрядческихъ преданій, записокъ и писемъ, церкви сошествія Святаго Духа, что на большой Охтѣ, протоіереемъ Андреемъ Іоанновымъ". Изд. 5, В. А. Терекова, Спб., 1855 г.

ТАБЛИЦА № 4.



Типы „старообрядцевъ стараго времени. Рисунки заимствованы изъ книги: „Полное историческое извѣстіе о древнихъ стригольникахъ и новыхъ раскольникахъ, такъ называемыхъ старообрядцахъ, собранное изъ потаенныхъ старообрядческихъ преданій, записокъ и писемъ, церкви сошествія Святаго Духа, что на большой Охтѣ, протоіереемъ Андреемъ Іоанновымъ". Изд. 5, В. А. Терекова, Спб., 1855 г. →

ТАБЛИЦА № 5.

Типы старообрядцевъ стараго времени. Рисунки заимствованы изъ книги: „Полное историческое извѣствіе о древнихъ стригольникахъ и новыхъ раскольникахъ, такъ называемыхъ старообрядцахъ, собранное изъ потаенныхъ старообрядческихъ преданій, записокъ и писемъ, церкви сошествія Святаго Духа, что на большой Охтѣ, протоіереемъ Андреемъ Іоанновымъ". Изд. 5, В. А. Терекова, Спб., 1855 г.

Отдѣлъ I-й.

а) О наступленіи царства антихриста и гибели истинной вѣры; стремленіе искать спасенія вдали отъ соблазнившагося міра; необходимость удаленія вообще отъ людей и бѣгства „въ пустыню“; восхваленіе пустынножительства.

б) Сознаніе невозможности и въ пустынѣ найти спасеніе отъ антихриста; мысль о необходимости, для соединенія со Христомъ и спасенія, смерти; исканіе ея, призывъ къ ней и рекомендуемые виды ея.

№ 1.

Стихъ печатается по статьѣ М. Чельцова: „Значеніе для миссіи предполагаемой реформы нашего календаря". Миссіонерское Обозрѣніе, 1900 г., февраль, стр. 240—241.

До 1000 лѣтъ христіанская вѣра невреждена была,
Доколѣ сидѣлъ связанъ сатана.
А когда онъ кончилъ свой комплектъ,
То сталъ прельщать людей на вредъ.
Послѣ тысячной неволи мало время пропустилъ
И перво область римскую прельстилъ.
Въ то время папа былъ властолюбивъ
И славы ради Законъ Божій преступилъ:
Послушалъ папа злобныхъ адскихъ наукъ
И того ради сталъ съ сатаной первый другъ;
Вмѣстѣ начали совѣтъ имѣть
Какъ бы христіанскую вѣру съ земли стереть.
Бѣсъ удумалъ, какъ начать —
Христіанъ отъ вѣры отвращать:
Повелѣлъ онъ въ послѣднее время
Накладывать антихристову печать,
Чтобы невозможно было, нося это бремя
Крестнымъ знаменіемъ Спасителя величать,
Да одной жертвѣ ко спасенію научать.
На это легкое ученіе пути ко спасенію
Всякій будетъ вниманіе обращать.
Наукѣ этой папа очень радъ,
И отъ сатаны принявъ душепагубный обрядъ,
Въ своей Рымской епархіи началъ его опредѣлять.
За это Римское опредѣленіе
Обѣщалъ бѣсъ папѣ дать великое вознагражденіе—
То есть велику почесть ему дать,
Что вся вселенная будетъ его почитать.
И отсрочилъ бѣсъ время недалече—
Сейчасъ же папу назначилъ антихристовымъ предтечей.
Тогда папа себя возвысилъ:
Я де—святитель государь,
Свѣтскую и духовную власть себѣ забралъ —
И умудрилъ новый душепагубный календарь;

Во всю вселенную онъ его опредѣлилъ.
За то нынѣ всякій папу и Римъ благодаритъ,
Что онъ утвердилъ большіе и маленькіе календари.
До того люди въ календарь увѣряются,
Что и небесной власти не покоряются,
Правила святыхъ отецъ не признаютъ,
А по календарю о предѣлахъ Божіихъ узнаютъ,
А святые отцы объ этомъ никому не повелѣли знать;
Поэтому нынѣ и Бога стали мало признавать,
А свои законы уставлять!

№ 2.

Изъ „Сборника русскихъ духовныхъ стиховъ“ В. Варенцова, изд. Д. Е. Кожанчикова, СПБ., 1860 г., стр. 196—197; стихъ напечатанъ съ помѣткой, что полученъ отъ А. С. Павлова.

Идутъ лѣта всего свѣта,
Приближается конецъ вѣка;
Пришли времена лютыя,
Пришли года тяжкіе:
Не стало вѣры истинныя,
Не стало стѣны каменныя,
Не стало столповъ крѣпкіихъ,
Погибла вѣра христіанская.
Стали у насъ судіи неправедные,
Пастыри при церквахъ запоицы и піяницы,
Отягощали люди даньми тяжкими;
Нѣту у насъ пути спасенія.
Кому повѣмъ печаль мою?
Кого призову въ помощники?
Кто мя научитъ спасенію?
Нѣту ми учителей вѣрныихъ,
Кто бы мя вѣрѣ научилъ истинней,
Како бы душу спасти.
Падутъ, падутъ многогрѣшницы,
Всего міра прелестницы,
Господи, помилуй насъ грѣшныхъ!
Потерпи ты мнѣ, Небесный Царь,
Великому согрѣшенію,
И злому моему преступленію;
Прости ты меня грѣшника и злаго,
Впиши меня, Небесный Царь,
Во свои книги животныя,
И причти меня, Господи,
Къ своему стаду избранному.

№ 3.

А. Щаповъ. „Земство и расколъ“. Выпускъ I-й, изд. Д. Е. Кожанчикова, СПБ. 1862, стр. 62—63.

Не могу быть безъ рыданья.
Страхъ Антихристовъ міръ устрашилъ.
Милость съ лестію въ міръ помѣталъ,
Законы градскіе всѣ истребилъ,
Временны соборы въ конецъ низложилъ...
Вѣрныхъ соборы истреблены,
Сонмы мерзостей умножены.
Неокентавры завладѣли нами.
Въ сластолюбіи которые—тѣхъ почтили всѣхъ,
На сѣдалищахъ первыми учинили,
А соборъ нищихъ возненавидѣли...
Лихоимцы всѣ грады содержатъ,
Немилосердые—въ городахъ первые.
На мѣстахъ злые приставники...
Ко обычаямъ странъ поганыхъ всѣ приклонилися...
Взирай, душе, къ горамъ, равно облакамъ,
Постизай соборъ малъ оставшихъ христіанъ.

№ 4.

Русская Старина, 1879 г. № 9, стр. 170—171. Стихъ сообщенъ Аполлономъ Можаровскимъ, заимствованъ имъ изъ раскольническаго сборника (листъ 28—34); напечатанъ съ названіемъ: „Молитва сопѣлковца-бѣгуна“. Часть этого стиха, со словъ: „Ничто же можетъ воспретити“ и кончая словами: „Смертный часъ приближается“—помѣщена въ качествѣ отдѣльнаго стиха у Ѳ. В. Ливанова, Раскольн. и острож., т. 4, стр. 177, издан. I, СПБ. 1873; тоже—въ сборникѣ Варенцова, стр. 188—189, съ незначительными разночтеніями. Значительно измѣненный варіантъ этого стиха имѣется у Ливанова (въ томъ же томѣ, стр. 147); разночтенія указываемъ ниже. →

Создатель нашъ Царь небесный,
Сотворитель Ты намъ сокровенный,
Ты намъ грѣшнымъ всѣмъ спаситель,
Во всѣхъ скорбѣхъ защититель;
Ты насъ ради воплотился
Сущій человѣкъ явился;
Отъ Ирода устрашися,
Въ Виѳлеемъ уклонися;
Путь намъ грѣшнымъ показавый,
Во Египетъ самъ бѣжавый.
О Владыко, Царь небесный,
Буди спутникъ намъ нелестный;
Вѣру нашу Ты самъ зриши,
Въ пути насъ грѣшныхъ храниши.

Вся надежда наша къ Тѣбѣ —
Ты спаси насъ живый въ небѣ.
Съ града грядемъ вѣры ради
Самъ Владыко намъ отрада
Выше силы намъ не впасти
Въ странствѣ въ бѣды и напасти,
Дабы вѣру сохранити,
Тебѣ, Христе, послужити.
Тебѣ вся можно явити
И языки сократити.[1])
Тебе ради нашъ Владыко
Отечество оставляемъ,
Камо грядемъ—мы не знаемъ,
Вѣрно[2]) на Тя уповаемъ
Что желаемъ—постизаемъ[3]),
Уповаемъ въ той надеждѣ,
Что Ты насъ хранилъ и прежде:
Довлетъ[4]) бы намъ умерети
Избавлялъ насъ много смерти.
Тѣ щедроты предваряютъ,
Странствовать насъ понуждаютъ.
Страхъ и нужды отреваемъ[5])
На Тя, Христе, уповаемъ,
Въ страны такъ желаемъ[6])
И въ нихъ вѣрно быти чаемъ,
Грѣхъ ради ся потрудити
Въ покаяніи пребыти.
Царстіи грады оставляемъ
Горъ и холмовъ зрѣть желаемъ.
Отъ горнихъ[7]) водъ хощемъ пити
Такъ отъ очей слезъ точити,
Грѣхи моя омывати[8])

---

[1]) Вмѣсто первыхъ 24 строфъ у Ливанова стихъ имѣетъ такое начало:

„О Владыко, Царю небесный,
Буди спутникъ намъ прелестный,
Вѣру нашу ты Самъ зриши,
Въ путѣхъ насъ грѣшныхъ сохраниши.
Вся надежда наша къ тебѣ,
Спаси насъ живый на небѣ;
Изъ града грядемъ вѣры ради,
Самъ Владыко насъ управи,
Выше силы намъ не спасти,
Въ странствѣ въ бѣды и напасти.
Дабы вѣру сохранити
Тебѣ вся можно явити.

[2]) „Вѣрою“.
[3]) — „постигаемъ“
[4]) — „довлѣетъ
[5]) — „нужду стерпѣваемъ“
[6]) — „Въ странствѣ томъ желаемъ
И въ немъ...“
[7]) — „отъ горькихъ“
[8]) — „Грѣхи наши омыти“

Бога въ милость приклонити.
Того хощу азъ искати
Скорбни нужды злострадати,[9])
Труды многи положити
Токмо въ странствѣ намъ пребыти,
Ни что же можетъ воспретити
Отъ странства мя отлучити.
Пищи тако не алкаю
Странствовать ся понуждаю;
Не такъ жаждею смущаюсь
Скитатися понуждаюсь.
Всему міру въ смѣхъ явлюся
Токмо странства не лишуся.[10])
Бѣжи, душе, вавилона
Постигни[11]) спѣшно Сіона;
Тецы путемъ къ горню граду
Тамо получишь отраду.
Плачи душе о томъ времѣ
О грѣховномъ бремѣ:
Како буду[12]) отвѣщати
На судѣ страшнемъ предстати.
Уже часъ дне сокращаетъ
Смертный часъ мнѣ приближаетъ,
Душе бодрствуй и страшися.
Тщися къ гробу[13]) и спѣши ся,
Буди готовъ къ часу смертну;[14])
Гряди душе въ жизнь безсмертну;
Богомъ тако сотворися
На безсмертіе родися.
Воззримъ на святые мужи
Пріимемъ всякія нужи:
Они вси тако пожиша
Странствомъ вси себе смириша,[15])
На едино то взирали
О вѣчномъ вси помышляли:
Гдѣ вѣчно имъ пребывати
На страшнемъ судѣ предстати,
Да тѣмъ можемъ ся смирити[16])
Грѣхъ ради слезы точити.
Возопіемъ нынѣ къ Богу

---

[9]) — „Въ скорби нуждѣ зло страдати“
[10]) — „сношуся“
[11]) — „постизай“
[12]) — „Будешь“
[13]) — „Тщися къ добру“...
[14]) Слѣдующей строфы нѣтъ
[15]) Послѣ этой строфы:
„Вѣнецъ горный получиша“
[16]) Вмѣсто этой строфы:
„Да теперь ближемся къ смерти“

Да подастъ намъ помощь многу;
Въ семъ вѣцѣ грѣшнемъ пожити
Отъ злыхъ дѣлъ ся отвратити
Въ покаяніи пребыти[17])
И вѣчныхъ мукъ намъ избыти.

№ 5.

Ѳ. В. Ливановъ, „Раскольн. и острожн.“, т. 4, стр. 177; изд. 1, СПБ. 1873 г.; А. Щапова „О бѣгунахъ“, журн. Время, 1862 г. стр. 279.

Я сокроюсь въ лѣсахъ темныхъ,
Водворюся со звѣрями,
Тамъ я стану жить...
Тамъ пріятный воздухъ чистъ,
И услышу птичій свистъ.
Нѣжны вѣтры тамо дышутъ
И токи водъ журчатъ.

№ 6.

Изъ статьи: „О раскольникахъ Вятской губерніи“, Вятск. Губернск. Вѣдом. 1859 г. №№ 37—38. Это одинъ изъ стиховъ, какіе поютъ безпоповцы Вятской губерніи, вмѣсто мірскихъ пѣсенъ, во время домашнихъ работъ.

Господи! построй пустыню
Не въ пути—въ дорогѣ,
Въ шохрѣ, болотѣ.
Такъ молился старецъ въ кельѣ,
Горячено и слезно плакалъ.
Народился звѣрь нечистый;
Вы рабы, рабыни,
Можете — живите,
А не можете — бѣгите
Въ горы и пещеры;
Заметайтеся метлами,
Засыпайтеся песками.

№ 7.

Сборникъ Варенцова, стр. 189—190. Напечатанъ съ помѣткою: „У Кирѣевскаго стихъ XLII, стр. 219, „о антихристѣ“. Сообщ. пр. Академіи А. С. Павловымъ.

А кто бы мнѣ построилъ
Прекрасную пустыню,

---

[17]) Послѣ этого—строфа:
„Въ странствованіи пожити“

Во темныехъ во лѣсахъ,
Во горахъ бы, во вертепахъ,
Во пропастехъ во земныхъ?
Уже бы мнѣ не видати
Житія бы суетнаго,
Уже бы не слыхати
Человѣческаго гласу!
И самъ Господь похвалилъ
Тоя пустыни. „Рабы вы Христовы,
Поживите вы боясь Бога,
Уже останошна времена,
Уже послѣдняя кончина.
Народился злой антихристъ,
Злой антихристъ—духъ нечистый,
Какъ рыкнулъ онъ окаянный
Во всѣ концы во земные,
И пустилъ онъ свою злобу
По всей поднебесней.
Не будетъ уходу, не будетъ ухорону,
Ни въ горахъ, ни въ вертепахъ,
Ни въ разсѣлинахъ земныхъ;
Никто отъ него не можетъ укрытися.

№ 8.

А. Щаповъ. „Земство и расколъ", вып. 1-й. Изданіе Д. Е. Кожанчикова. Спб. 1862 г., стр. 87—88.

Прекрасная мати пустыня,
Любезная моя дружина!
Пришелъ азъ тебя соглядати.
Потщися мя воспріяти,
И буди мнѣ яко мати,
Отъ смутнаго міра пріими мя,
Со усердіемъ въ тя убѣгаю.
Пойду по лѣсамъ, по болотамъ,
Пойду по горамъ, по вертепамъ,
Да гдѣ бы въ тебѣ водвориться.
Поставлю въ тебѣ малую хижу,
Полезное въ ней азъ увижу.
Кокушка въ тебѣ воскокуетъ,
Умильный гласъ испущаетъ,
И та мене поучаетъ.
Пойду азъ въ лѣса разгуляться,
Плодовитыя древа соглядати,
И тѣ мнѣ пользу показуютъ,
Труды любить прообразуютъ.
На которомъ деревѣ плода нѣту,
И тѣ мене поучаютъ.

Прекрасная мати пустыня!
Отъ смутнаго міра пріими мя,
Аще изъ тебя и погонятъ,
Прекрасная мати пустыня,
Любезная, не изжени мя.
Не знаю себѣ, что̀ и быти,
Да гдѣ мнѣ главу подклонити,
Понеже антихристовы дѣти
Всюду простираютъ на насъ сѣти,
Хотятъ они насъ уловити,
Антихристу покорити,
А вѣру Христову перемѣнити.
Прекрасная мати пустыня!
Отъ сего лукаваго изми мя,
Потщахся въ тебе убѣжати.

№ 9.

Сборникъ Варенцова, стр. 190. Стихъ напечатанъ съ помѣткою: „бѣглопоповщинской секты; записанъ въ Саратовѣ“.

О прекрасная пустыня!
Нашъ Господь пустыню похваляетъ.
Отцы въ пустынѣ скитаютъ,
Ангели отцемъ помогаютъ;
Апостоли отцевъ ублажаютъ,
Пророцы отцевъ прославляютъ,
Мученицы отцевъ величаютъ,
А всѣ святіи отцевъ восхваляютъ.
Отцы въ пустынѣ скитаютъ,
И горъ воды испиваютъ;
Древа въ пустынѣ процвѣтаютъ,
Птицы ко древамъ прилетаютъ,
На кудрявыя вѣтвія посядаютъ,
Красныя пѣсни воспѣваютъ,
Отцевъ въ пустынѣ утѣшаютъ.
Отцы въ пустынѣ скитаютъ,
И конецъ житія совершаютъ.

№ 10.

[1]) Сборникъ Варенцова, стр. 192—193 стихъ напечатанъ съ помѣткою: „отъ А. С. Павлова“, „стихъ пустынножителей“.

О прекрасная пустыня,
Любимая моя другиня!
Пришли тебя зажигати,

Со мной тебя, мати, разлучати,
Огню ты, мати, предаешися,
Ты со мною нынѣ растаешися,
Душевное мое спасеніе,
Плотское мое оскорбленіе!
За то я тебя почитаю,
И матерью называю,
Что ты льстивую мою плоть оскорбляешь,
Души моей грѣхи очищаешь,
Безмолвная и мати пустыня,
Безмолвная и непразднословная,
Безропотная нестроптива,
Смиренномудреная, терпѣлива.
Теперь ты меня покидаешь,
Въ которую страну посылаешь,
Прекрасная мати пустыня,
Любимая моя другиня?

№ 11.

[1]) Лѣтоп. русской литературы и древности. Изд. Н. Тихонравова. Москва, 1861 г., т. 3, отд. III, стр. 15—16. Стихъ напечатанъ „по рукописи новаго письма“; называется: „стихъ объ антихристѣ“.

Кто бы, кто бы мнѣ построилъ
Во темныхъ лѣсахъ келію?
Кто бы мнѣ поставилъ
Не на жительномъ бы мѣстѣ,
Гдѣ бы люди не ходили,
Гдѣ бы птицы не летали,
Гдѣ тебѣ, Христу, угодно,—
Гдѣ душамъ нашимъ на пользю?
Какъ во римской будетъ власти—
Злый антихристъ народится.
Народится и воцарится.
Онъ пуститъ свою прелесть
По всей области вселеннѣй,
Разоставитъ онъ свои сѣти
По всему міру крещеному,
Онъ исходитъ и прельщаетъ,
Въ свои сѣти уловляетъ.
Самъ Господь Богъ проглаголетъ
И евангельскимъ своимъ гласомъ:
„Вы рабы мои, рабыни,
Православніи христіане!
Вы не весело ходите;
Не забыхъ Бога живите;
И отъ онаго прелестника

Не будетъ вамъ уходу
Ни во градѣхъ и не въ заводѣхъ,
Ни въ селѣхъ и не въ деревнѣхъ,
Ни во темныхъ во лѣсахъ,
Ни во дальнихъ пустыняхъ.
Уходите вы, мои свѣты,
Вы во горы, во вертепы,
Вы во пропасти земныя.
Засыпайтесь вы, мои свѣты,
Вы пеплами и песками,
Еще мелкими хрящами.
Вы постойте, мои свѣты,
За крестъ и за молитву
И за вѣру христіянскую.
Не уморю я васъ, свѣты,
Голодною смертію;
Накормлю я васъ, мои свѣты,
Единой крошечкой Христовой...
Напою я васъ, мои свѣты,
Единой капелькой дождевой;
Подарю я вамъ, мои свѣты,
Подарочки драгіе—
На главы вѣнцы золотые,
И вселю я васъ, мои свѣты,
Во прекрасный рай со святыми;
Огражу я васъ, мои свѣты,
Своей рученькой Христовой.

№ 12.

Сборникъ Варенцова, стр. 202—203. „У Кирѣевскаго стихъ XLII, стр. 219—220 „о Антихристѣ". Отъ А. С. Павлова. Стихъ у Варенцова носитъ названіе: „пѣсня морельщиковъ".

Охъ ты, матушка, пустыня,
Распрекрасная раиня!
Еще кто бъ тебя поставилъ
Среди темнаго лѣсу,
Во зеленой во дубравѣ?
Не слыхать бы въ тебѣ было
Прелестнаго злаго міра.
Пришло времячко гонимо:
Народился злой антихристъ;
Въ сію землю онъ вселился,
На весь міръ вооружился.
Стали его волю творити—
Усы, бороды стали брити,
Латынскую одежду носити,

Трепроклятую траву пити.
Какъ возговоритъ Христосъ, Царь Небесный:
„Охъ вы люди мои, рабы грѣшные,
Рабы грѣшные, неключимые,
Убоясь, вы, Бога живите,
Вы мою волю творите,
Не буянно поступайте,
Не рѣчисто говорите,
Не до-сыта наѣдайтесь,
Не до-пьяна напивайтесь;
Вы бѣгите въ темны лѣсы,
Зарывайтеся песками,
Рудожелтыми хрящами,
Помирайте-ка всѣ гладомъ.
Не умрете—оживете,
Моего царствія не минете".

№ 13.

Сборникъ Варенцова, стр. 197—198. Стихъ напечатанъ съ помѣткою: „У Кирѣевскаго стихъ XII, стр. 129 „о Антихристѣ". Отъ А. С. Павлова". Названіе стиха: „пѣсня морельщиковъ"

Послушайте, мои свѣты:
Послѣднія пришли лѣта.
Народился злой антихристъ,
Напустилъ онъ свою прелесть
По городамъ и по селамъ,
Наложилъ печать свою на людей,
На главы ихъ и на руки,
Что на руки и на персты.
Кто его печать принимаетъ,
Тому житіе пространно;
А кто его печать не принимаетъ,
Тому житіе гонимо.
Убирайтесь, мои свѣты,
Во лѣса, въ дальныя пустыни,
Засыпайтесь, мои свѣты,
Рудожелтыми песками,
Вы песками, пепелами!
Умирайте, мои свѣты,
За крестъ святой, за молитву,
За свою браду честную,
За мою вѣру Христову.
Избавлю васъ, моихъ свѣтовъ,
Отъ злой и превѣчной муки;
Отворю вамъ, мои свѣты,
Врата пресвѣтлаго рая,
Преславнаго моего рая,
Небеснаго моего царства!

№ 14.

Лѣтоп. р. лит. и древн., 1863 г. т. 5, отд III, стр. 81—82. Стихъ сообщенъ А. С. Павловымъ и полученъ послѣднимъ изъ Сибири, отъ учителя Томск. гимназіи Д. Л. Кузнецова; онъ имѣетъ названіе: „Стихъ о послѣднемъ времени".

При концѣ то жизни вѣку,
Будутъ трусы и мятежи,
Будутъ и лживые пророки.
Кто бы, кто бы намъ построилъ
Келью малу, не велику,
Не на житейскомъ бы мѣстѣ,
Гдѣ бы Ему, свѣту, угодно,
Гдѣ душамъ нашимъ на пользу,
Гдѣ бы, гдѣ бы я не видѣлъ
Всего всемірнаго соблазну,
Гдѣ бы, гдѣ бы я не слышалъ
Человѣческаго гласу?
Самъ Господь Богъ прорицаетъ:
„Вы рабы мои, рабыни,
Правовѣрніи христіяне!
Вы не весело живите,
Вы, боясь Бога, ходите!
Уже антихристъ народился,
Змій—собака воцарился;
Онъ разсѣялъ свою прелесть
По всей матери вселеннѣй;
Разметалъ онъ свои сѣти
По всему своему царству;
Онъ и станетъ всѣхъ прельщать—
Въ свои сѣти уловлять:
Кои вы сильніи, боритесь,
А немощные убирайтесь.
И не будетъ вамъ исходу
Ни во градахъ, ни въ заводахъ,
Вамъ ни въ селахъ и ни въ весяхъ,
Не въ лѣсахъ вамъ, не въ пустыняхъ,
Не въ горахъ и не въ вертепахъ.
Уходите вы, мои рабыни,
Во пропасти во земныя
Отъ той прелести отъ злыя.
Засыпайтесь мои свѣты
Вы песками, пепелами,
Еще мелкими камнями.
Вы постойте, мои рабыни,
Вы за крестъ и за молитву,
Вы за истинную вѣру;
Умирайте, мои рабыни,
Вы голодною смертію.

Азъ прикрыю васъ, рабыни,
Своею рукою Христовой,
И подарю азъ васъ, рабыни,
Своими златыми вѣнцами.

№ 15.

Сборникъ Варенцова, стр. 174—166. Напечатанъ съ помѣткою: „Въ сборникѣ Кирѣевскаго ст. XIV, стр. 194–195. Этотъ стихъ принадлежитъ сектѣ глухой нѣтовщины; въ немъ развивается догматъ самосожигательства, будто бы въ его историческомъ значеніи. Этотъ варіантъ представляетъ самый полный текстъ стиха. Полученъ отъ пр. Академіи А. С. Павлова". Стихъ у Варенцова носитъ названіе: „Пѣснь объ Аллилуевой женѣ".

Какъ народился Христосъ въ Виѳлеемѣ.
Какъ крестился нашъ Спасъ въ Іорданѣ:
Антихристы-жиды его замѣчали,
Замѣчали его, устигали,
Злой смерти его предать хотѣли.
И кидался Христосъ во келью
Къ Аллилуевой женѣ милосердой.
Аллилуева жена печку топитъ,
На рукахъ своего младенца держитъ.
Какъ возговоритъ къ ней Христосъ Владыка:
„Охъ ты гой еси, Аллилуева жена милосерда,
Кидай ты свое дѣтище въ печь, во пламя,
Принимай меня, Царя Небеснаго. на бѣлыя руки."
Аллилуева, жена милосерда
Кидала свое чадо во огнь во пламя,
Брала Царя Небеснаго на бѣлыя руки.
Прибѣжали тутъ жидове-архіереи,
Антихристы, злые фарисеи,
Говорили Аллилуевой женѣ пристрашно:
„Охъ ты гой еси, Аллилуева жена молодая,
Ты куда Христа схоронила?
Отвѣчаетъ имъ Аллилуева жена милосерда,
Что кинула она Христа въ пещь, во пламя.
Жидове, книжницы, архіереи,
Антихристы, злые фарисеи,
Подходили къ печкѣ, заглянули,
Аллилуева младенца въ печкѣ увидали,
Заскакали они, заплясали,
Печку заслонками затворили.
И скоро тутъ пѣтухи запѣли.
Антихристы—жидове тутъ пропали.
Аллилуева жена заслонъ отворяла,
Слезно плакала, громко причитала:
„Ужь какъ я грѣшница, согрѣшила!
Чадо свое въ огнѣ погубила!"

Какъ возговоритъ ей Христосъ царь Небесный:
„Охъ ты гой еси, Аллилуева жена милосерда,
Загляни-ка ты въ печь во пламя.“
Увидала въ печи вертоградъ прекрасный.
Въ вертоградѣ травонька муровая,
Во травонькѣ ея чадо гуляетъ,
Съ ангелами пѣсни воспѣваетъ,
Золоту книгу евангельску читаетъ,
За отца за мать Бога молитъ.
Какъ возговоритъ Аллилуевой женѣ
Христосъ, Царь Небесный:
„Охъ ты гой еси, Аллилуева жена милосерда,
Ты скажи мою волю всѣмъ моимъ людямъ,
Всѣмъ православнымъ христіанамъ,
Чтобы ради меня они во во огнь кидались,
И кидали бы туда младенцевъ безгрѣшныхъ.
Пострадали бы всѣ за имя Христа свѣта,
Не давались бы въ прелесть хищнаго волка,
Хищнаго волка, антихриста злаго.
Что антихристъ на землѣ взялъ силу большую,
Погубитъ во всемъ свѣтѣ вѣру Христову,
Поставитъ свою злую церковь.
Онъ брады всѣмъ брить повелѣваетъ,
Креститься щепотью всѣмъ завѣщаетъ,
Мою вѣру Христову хощетъ искоренити.“

№ 16.

Сборникъ Варенцова, стр. 178—179. Помѣчено: „отъ ак. Срезневскаго“, „Стихъ о милостивой женѣ милосердой“.

Милостива жена, милосердная
Бросала свое чадо въ огнь и пламя
Брала самого Христа Бога на руци.
Жиды-супостаты набѣжали
Съ оружіемъ и съ вострыми копіямъ,
Милосливую жену да спрошали:
„Милослива жена, милосердная,
Ты давно ль Христа Бога видала?“
Милосливая жена имъ отвѣчала:
„А вы жиды-супостаты,
Я теперь Христа Бога поймала,
Я въ огонь, во пламень его вогнала.“
Къ огненной печи приходила:
„Ужоль тамъ сгорѣло мое чадо?“
Желѣзныи подпоры отпирала,
Мѣдныи заслони отслоняла:
Во печи трава выростала,

На травѣ цвѣты разцвѣтали,
Во цвѣтахъ младенецъ играетъ,
На ёмъ риза солнцемъ возсіяетъ,
Евангельскую книгу самъ читаетъ,
Небесную силу прославляетъ,
И со ангелами, съ херувимы
И со всею небесною силой.
Милосливая жена милосердная—
Она первая въ раю пребываетъ.
Аллилуя, аллилуя, аллилуя!
Мы славимъ тебе, Христа Бога.

№ 17

Сборникъ Варенцова, стр. 177—178. Напечатано съ помѣткою: „отъ ак. Срезневскаго“, „Стихъ о милостивой женѣ милосердой“.

Милостива жена, милосердная
Топила во градѣ свою келью,
Держала своево чада на ручахъ.
Къ милосливой женѣ милосердныя
Идетъ сама Дѣва Пресвятая.
Несетъ самого Христа на ручахъ.
„Милослива жена милосердная,
„Бросай ты свое чадо въ огнь и пламя,
„Ты бери самого Христа на руци!
„Бѣгутъ жиды-супостаты
„Съ оружіемъ и вострыми копіямъ,
„Хотятъ Христа Бога убити“.
Жиды къ огненной печи приходили,
Въ печи младенецъ стрепехнулся;
Показалъ жидамъ онъ руци и ноги.
Жиды-супостаты срадовались:
„Мы теперь Христа Бога поймали,
„Мы въ огонь, во пламя его вогнали,
„Мѣднымъ заслономъ заслоняли,
„Желѣзнымъ подпоромъ подпирали.“
Жиды прочь отъ печи отходили,
Милостивая жена, милосердная
Не могла Христа Бога содержать,
На его на свѣтлость наглядѣться.
Не стало Христа у ней на ручахъ,
Милостивая жена, милосердная.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук

№ 18.

С. А. Архангелова, „Среди раскольниковъ и сектантовъ поволжья“, стр. 21. Стихъ Нижегородскихъ старообрядцевъ.

Древянъ гробъ сосновый,
Ради меня строенъ,
Въ немъ буду лежати,
Трубна гласа ждати.
Ангелы вострубятъ,
Изъ гробовъ возбудятъ.
Я хотя грѣшенъ,
Пойду къ Богу на судъ.
Къ судьѣ двѣ дороги,
Широкія, долги;
Одна то дорога —
Во Царство небесно,
Другая дорога —
Во тьму кромѣшну.

№ 19.

Русская Мысль за 1885 г., февраль, стр. 135. По статьѣ А. Пругавина: „Самоистребленіе“. Печатаемый стихъ „нѣтовцевъ“ записанъ г. Майновымъ на сѣверномъ поморьѣ. (Историч. Вѣстн. 1881 г., № 12, ст. В. Майнова: „Живые покойники“. →

Нѣсть спасенья въ мірѣ, нѣсть!
Лесть одна лишь правитъ, лесть!
Смерть одна спасти насъ можетъ, смерть!
Нѣсть и Бога въ мірѣ, нѣсть!
Счесть нельзя безумства, счесть!
Смерть одна спасти насъ можетъ, смерть!
Нѣсть и жизни въ мірѣ, нѣсть!
Месть одна лишь братьямъ, месть!
Смерть одна спасти насъ можетъ, смерть!

№ 20.

Лѣтоп. р. литер. и древн., 1863 г., т. 5, отд. III, стр. 80—81. Стихъ сообщенъ А. С. Павловымъ и полученъ имъ изъ Сибири, отъ учителя Томской гимназіи Д. Л. Кузнецова; онъ имѣетъ слѣдующее названіе: „Стихъ Іоанна Предтечи".

Мы проспали, пролежали,
Проходили, прогуляли;
Мы ни въ чемъ вѣкъ проводили,
Христовскую заутреню просыпали,
Воскресенскую обѣдню проядали.
Сослалъ Господь Богъ три дара:
Ужъ какъ первый даръ—крестъ и молитву,
Второй даръ—любовь и милостыню,
Третій даръ—ночное моленье,
Четвертую заповѣдь—читательную книгу.
Читаетъ Іоаннъ Предтечъ,
Самъ слезно плачетъ:
„Вы рабы мои и рабыни,
Вы рабы мои христолюбцы;
Вы постойте, пострадайте
За истинную вѣру,
За крестъ, за молитву;
Приходитъ на насъ послѣднее время:
Народился антихристъ.
Народился, воцарился.
Не долго свѣту свѣтить,
Не долго солнцу сіять, —
Послѣднее пришло время!
Убирайтесь, мои свѣты,
Во дальныя пустыни,
Во пропасти во земныя,
Засыпайтесь, мои свѣты,
Вы хрещами, пепелами,
Пребывайте, мои свѣты,
Во постѣ и во молитвѣ,
Во всенощномъ частомъ моленьи:
Тако избудете отъ антихриста".

№ 21.

Лѣтоп. р. лит. и древн., 1863 г., т. 5, отд. III, стр. 80. Стихъ сообщенъ А. С. Павловымъ и полученъ имъ изъ Сибири, отъ учителя Томской гимназіи Д. Л. Кузнецова; онъ называется: „Стихъ Св. Ефрема Сирина".

На послѣднее сіе время,
Какъ попуститъ нашъ Владыка
За умноженье злобы нашей

Народится сынъ нечистый —
Какъ по имени антихристъ.
Онъ распуститъ свою прелесть
Онъ по городамъ, по уѣздамъ,
Онъ по селамъ по деревнямъ.
Ужъ какъ пишетъ сынъ Васильевъ,
Преподобный отецъ Ефермей:
Вы бѣжите, мои свѣты,
Вы во темные во лѣса,
Вы скрывайтесь, мои свѣты,
Вы во горы во вертепы;
Вы вселяйтесь, мои свѣты,
Вы во пропасти земныя;
Засыпайтесь, мои свѣты,
Вы песками, пепелами;
Обливайтесь, мои свѣты,
Вы горючими слезами;
Пребывайте, мои свѣты,
Во постѣ и во молитвахъ,
Во всенощномъ частомъ стояньи:
Тако избудите отъ антихриста.

№ 22.

Сборникъ Варенцова, стр. 183 — 185. Напечатанъ стихъ съ помѣткою: „Въ сборникѣ Кирѣевскаго ст. XL, стр. 218 — 219; также стихи XLIII и XLIV, стр. 220. Подъ именемъ книги разумѣется истина евангельскаго ученія; ключъ церковный—строгость жизни и чистота вѣры между духовенствомъ. Стихъ полученъ отъ А. Ст. пр. Павлова и называется у Варенцова „пѣснею глухой нѣтовщины, оставшеюся послѣ временъ самосожигательства“. Мы печатаемъ 4 варіанта этого стиха. →

Какъ шелъ старецъ по дорожкѣ,
Черноризецъ по широкой;
Идучи онъ слезно плачетъ,
Во слезахъ пути не видитъ,
Во рыданьяхъ слова не молвитъ.
Какъ на встрѣчу ему идетъ
Самъ Христосъ Царь Небесный.
Какъ возговорить Христосъ старцу,
Самъ Господь Богъ, Царь Небесный:
„Охъ гой еси, старецъ черноризецъ,
Ты о чемъ, старецъ, слезно плачешь,
Ты о чемъ, черноризецъ воздыхаешь?“
Отвѣчалъ Господу старецъ,
Отвѣчалъ Царю Небесному черноризецъ:
„Ой ты гой еси, Христосъ, Царь Небесный!
Какъ мнѣ, Господи, не плакать?
Потерялъ я златую книгу,

Потопилъ ключъ церковный въ морѣ".
Отвѣчаетъ Христосъ старцу,
Отвѣчаетъ Царь Небесный черноризцу:
„Не плачь, старецъ, не плачь, черноризецъ!
Я сыщу тебѣ златую книгу,
Ключъ церковный изъ моря выну.
Ты поди, старецъ, въ пустыню,
Ты спасай тамъ свою душу".
Какъ возговоритъ ему старецъ со слезами:
„Охъ ты гой еси, батюшка Христосъ, Царь Небесный,
Ты поставь-ка мнѣ въ пустынѣ келью,
Гдѣ бы люди не ходили,
Однѣ бы пташки пролетали,
Меня бы старца, потѣшали,
Ото сна бы пробуждали;
Ото сна бъ я пробудился,
На правило становился".
Какъ возговоритъ Христосъ Царь Небесный:
„Ой вы люди, рабы мои — Христовы,
Православные христіане,
Не забывъ Бога, живите,
Не буянно поступайте,
Не рѣчисто говорите.
Народился духъ нечистый,
Духъ нечистый—злой антихристъ,
И пустилъ онъ свою прелесть
По городамъ и по селамъ.
Людей моихъ изгоняетъ,
Въ свою вѣру принуждаетъ,
Въ свою церковь ходить заставляетъ,
Своихъ поповъ поставляетъ,
Своихъ судей посылаетъ,
Свои письма разсылаетъ
По селамъ и по деревнямъ,
По прекраснымъ пустынямъ.
Не сдавайтесь вы, мои свѣты,
Тому змію седмиглаву,
Вы бѣгите въ горы, вертепы,
Вы поставьте тамъ костры большіе,
Положите въ нихъ сѣры горючей,
Свои тѣлеса вы сожгите.
Пострадайте за меня, мои свѣты,
За мою вѣру Христову:
Я за то вамъ, мои свѣты,
Отворю райскія свѣтлицы,
И введу васъ во царство небесно.
И самъ буду съ вами жить вѣковѣчно.

№ 23.

Стихъ напечатанъ въ статьѣ: „О раскольникахъ Вятской губерніи“. Вятскія Губернск. Вѣдомости, 1859 г. №№ 37—38. По заявленію автора статьи—это одинъ изъ стиховъ, какіе поютъ безпоповцы Вятской губерніи, вмѣсто мірскихъ пѣсенъ, во время домашнихъ работъ.

Идетъ старецъ изъ пустыни,
Старецъ слезно плачетъ.
Попадаетъ въ встрѣчу Самъ Господь.
„Что ты, старецъ, плачешь?“
Какъ мнѣ, Господи, не плакать—
Со младыхъ то лѣтъ постригся я,
Одолѣли меня худы мысли и дѣла,
Потерялъ я ключъ церковный (вѣру).
„Старецъ ты въ пустыню возвратися,
Со усердіемъ Богу ты молися,
У синяго моря становися;
Сине море всколыбаетъ,
Рыба ключъ тебѣ взрыгаетъ
На крутой бережокъ,
На желтой песочекъ,
На траву зелену.
Кто эти псалмы услыхаетъ,
И трою въ день пропѣваетъ,
Тотъ будетъ рабъ спасенъ и сохраненъ,
Грѣхи его убавятся, убудутъ,
Помилованъ онъ будетъ.

№ 24.

Сборникъ Варенцова, стр. 185 — 186. Напечатанъ съ помѣткою: „изъ Сборника С. В. Максимова, зап. въ Арх. губ.“, называется: „О старцѣ“.

Идетъ старецъ изъ пустыни,
Идучи онъ слезно плачетъ,
Черноризецъ возрыдаетъ;
А на встрѣчу ему самъ Господь Богъ:
„Чего же ты, старецъ, плачешь?...“
—„Какъ мнѣ, Господи, не плакать?
Я младъ зѣло постригся,
Я всѣхъ добрыхъ дѣлъ лишился,
Потерялъ ключи отъ церкви
И златую твою книгу
Опустилъ я въ черно море“.
И рече ему Господь Богъ:
„Ты стань, старецъ, воротися,
Со слезами Богу молися!

Сомучу я черно море,
Я найду ключи отъ церкви
И златую твою книгу,
И вложу я въ тебя кротость
До скончанія твоего вѣка.
И введу тебя въ свой градъ,
Благословлю я тебѣ твой домъ".

№ 25.

Сборникъ Варенцова, стр. 186—187. Стихъ „записанъ въ Казани отъ Кораблева, который былъ проводникомъ у слѣпыхъ нищихъ", называется: „О старцѣ".

Идетъ монахъ изъ пустыни,
Идетъ онъ, слезно плачетъ.
Попадается ему на встрѣчу самъ Господь Богъ:
„Охъ ты, монахъ, монахъ!
Объ чемъ, монахъ, слезно плачешь?"
— „О Господи, Господи!
Какъ же мнѣ не плакать?
Что недавно меня въ монахи посвѣтили,
Одолѣли меня мысли злыя;
Потерялъ я ключи отъ пустыни,
Потерялъ я въ синее море глубокое".
Опущался монахъ въ море глубокое,
Доставалъ онъ ключи золотые,—
Не досталъ онъ ключи золотые.
— „Мнѣ не жалко ключи золотые,
Жалко книгу золотую въ пустынѣ".—
Вотъ и пишетъ, пишетъ Ефремъ книгу,
Онъ и пишетъ ее со слезами,
Дружьевъ къ себѣ призываетъ:
„Вы послушайте, дружья-братья-христіаны,
Вы такую мою рѣчь неглупу;
Вы пойдемте жить въ горы, во пещёры:
Народился у насъ злой антихристъ".

№ 26.

По рукописи Московскаго Императорскаго Археологическаго Института, собраніе г. Загоскина, № 3. Стихъ имѣетъ названіе: „Молитва святаго Іоасафа царевича великія Индіи, въ пустыню входяща".

Боже, Отче всемогущій,
Боже, Сыне присносущный,

Боже Душе параклите,
Многозарный міру свѣте,
Въ тріехъ лицахъ пребываяй,
Существо си тожде знаяй.
Къ Тебѣ грѣшный прибѣгаю.
Многи слезы проливаю.
Благоволи мя пріяти,
Еже Тебѣ работати.
Донележе даси жити,
Хощу Твой рабъ выну быти.
Тебѣ ради міръ лишаю,
Царство и други оставляю.
Честный вѣнецъ мнѣ въ ничтоже,
Тебѣ ради Христе Боже.
Нѣсть ми воля царствовàти,
Много богатствъ содержати.
Во уметы вся вмѣняю,
Тебѣ, Христе, подражаю.
Нищъ и убогъ хощу быти,
Да съ Тобою могу жити.
Въ лѣсы темны исъ (изъ) полаты
Свѣтлы иду обитати.
Съ града гряду во пустыню,
Любя зѣло въ ней густыню,
Да ту единъ обитаю,
Едину Ти работаю.
Да мя сей міръ не прельщаетъ,
Любве къ Тебѣ не лишаетъ.
Ты ми изволь помощь дати,
Во пустыни обитати.
Яко Твоя воля будетъ,
Даждь, да Твой рабъ въ ней пребудетъ,
Тебѣ выну работая,
Въ совершенство поступая.
Кромѣ Тебе мнѣ ничтоже,
Лѣть творити благо, Боже.
Ты сей путь мой самъ направи,
Да живу Ти самъ настави.
Вся надежда моя въ Тебѣ,
Ты спаси мя живый въ небѣ.
Ты же, дебри и пустыни,
Пріими мя во густыни
Безмятежно въ тебѣ жити,
Богу живу послужити.
Иду внутрь тя обитати,
Ты ми буди яко мати,
Питающи съ древесъ плоды
И дивіими былій роды.
Сладки чаши оставляю,
Токмо твоихъ водъ желаю.

Да возмогу отъ тѣхъ пити,
Токъ отъ очію слезъ точити,
Грѣхи моя омывая,
Бога въ милость преклоняя.
Міра славу, сребро—злато
Цѣнно имамъ, яко блѧто.
Точію то есть ми требе,
Что намъ Господь хранитъ въ небѣ.
Того хощу азъ искати,
Скорби и нужды злострадати.
Труды многи положити,
Токмо дабы въ небѣ быти.
Тѣснымъ путемъ итти тщуся,
Да въ пространствѣ водворюся
Свѣтла неба, въ немъ же сладость
Безконечная и вся радость.
Звѣрей дивіихъ азъ боюся,
Но на Христа надѣюся;
Яко имать укротити
И подастъ ми мирно жити.
Тѣхъ ми паче умніи звѣри
Страшни, иже зли безъ мѣры;
Ибо душу убиваютъ,
Егда оную въ грѣхъ прельщаютъ.
Но отъ тѣхъ мнѣ спаситель
Христосъ будетъ защититель.
Нань-же весьма уповаю,
Всего Ему мя вручаю;
Желаю же Варлаама зрѣти,
Дабы жити купно нама.
Купно, да имъ наставлюся
Богу жити и спасуся.
Онъ мя Богу примирилъ есть,
Свѣтомъ правды просвѣтилъ есть.
Онъ ми жизни вождь да будетъ,
Съ нимъ духъ мой выну пребудетъ.
Съ нимъ здѣ жити азъ желаю,
Съ нимъ по смерти быти чаю.
О даждь, Христе, получити
Съ Варлаамомъ здѣ мнѣ жити,
И по смерти, да съ нимъ Тебѣ
Пою славу въ свѣтломъ небѣ,
Бога Отца величая,
Духа Свята прославляя.
Аминь.

№ 27.

По рукописи Московскаго Археологическаго Института, изъ собранія г. Загоскина.

О прекрасная пустыня,
Пріими мя во свои частины.
Яко мати свое чадо,
Научи мя на все благо.
Въ тихое пристанище,
Безмолвное нѣдро свое.
Любимая моя мати
Потщися мя воспріяти.
Всѣмъ сердцемъ желаю тя,
Во дни и въ нощи милую тя.
На царскія вся полаты
Не хощу взирати.
Покоевъ свѣтлыхъ чертоговъ,
Славы и чести премногія
Бѣгаю, яко отъ змія.
Пустыня моя, пріими мя
Отъ суетнаго прелестнаго
Вѣка сего временнаго.
Изнурю я своя младыя лѣта,
Отвращуся сего свѣта.
О прекрасная пустыня,
Въ любви своей пріими мя.
Не страши мя своимъ страхомъ,
Да не въ радость буду врагомъ.
Пойду я въ твои лузи зрѣти
Различныи цвѣты.
Дивенъ твой прекрасный садъ,
И жити я въ тебѣ всегда радъ.
Древа съ вѣтвми кудрявыми
И листвіе зеленое,
Зыблющеся малыми вѣтры;
Пребуду здѣ своя лѣта.
Оставлю весь міръ прелестный
И буду аки звѣрь дивій.
Единъ въ пустыни бѣгаю,
Во дни и въ нощи работаю;
Се бо свѣта прелести,
Душу хотятъ во адъ свести
И вринути въ пропасть темную,
Во огненныя муки вѣчныя.
Всегда мя врагъ прельщаетъ,
Своя сѣти поставляетъ.
О, прекрасная пустыня,
Отъ всѣхъ суетныхъ изми мя;

И азъ къ тебѣ прибѣгаю—
Жити въ тебѣ желаю.
Скитаюся въ сей пустыни,
Въ дальномъ и дикомъ лѣсѣ.
О, Христе мой, всѣхъ царю,
Азъ Тя, Владыко, всегда благодарю.
Мене грѣшнаго соблюди
И отъ вѣчныхъ мукъ свободи,
И небеснаго царствія,
Радости и веселія
Со святыми сподоби мя въ покой.
И вовѣки вѣкомъ, аминь.

№ 28.

По рукописи Московскаго Археологическаго Института, собраніе г. Загоскина, № 3. Это—варіантъ стиха № 7.

Кто бы намъ построилъ
Мать прекрасную пустыню
Не на жительномъ бы мѣстѣ.
Не слыхать бы намъ и было
Человѣческаго гласу
И женскаго соблазу.
Уже бы началъ горько плакать,
Вы рабы мои рабыни,
Православныя христіяне,
Не забыхъ Бога живете;
Уже въ нынѣшнее
Злый антихристъ народился,
Онъ на царство воцарился,
Онъ на вѣрныхъ воружился.
Онъ и пустилъ свою мерзость
Онъ во всѣ концы земные.
Да не будетъ вамъ уходу,
Ни въ горахъ, ни въ вертепахъ,
Ни въ пропастяхъ земныхъ
Ни въ дальнихъ пустыняхъ.

№ 29.

По рукописи Московскаго Археологическаго Института, собраніе г. Загоскина, № 3. Это—болѣе полный варіантъ стиха, помѣщеннаго въ нашемъ сборникѣ подъ № 9.

О прекрасная пустыня!
И Самъ Господь пустыню похваляетъ,

Отцы во пустыняхъ скитались,
И ангели отцемъ послужили.
Апостоли отцевъ похваляли,
Пророци отцевъ прославляли
И мученицы отцевъ величали.
О прекрасная пустыня!
Отцы во пустыняхъ пребывали
И дивіемъ овощіемъ питались,
Изъ горъ воды испивали.
Древа во пустыняхъ выростали,
Различными цвѣтами расцвѣтали;
Ко древамъ птицы прилетали,
На кудрявы вѣтвія посѣдали.
Они райскія пѣсни воспѣвали,
Отцевъ во пустыни утѣшали.
Отцы у нихъ Богу ся молились,
День и нощь Богу работали—
Колѣнами къ земли припадали
И слезы своя проливали,
Небеснаго царствія прошали.
О прекрасная пустыня!
И Самъ Господь пустыню похваляетъ,
И житію конецъ совершаетъ. Аминь

№ 30.

По рукописи Московскаго Археологическаго Института, изъ собранія г. Загоскина.

Горе тебѣ, душе моя,
Горе тебѣ окаянная и люте тебѣ!
Чужую нищету поишь и кормишь,
А свои у тебя плачутъ.
Самъ Господь учитъ насъ, глаголя:
Кто мене ради оставитъ отца или матерь,
Кто мене ради оставитъ брата и сестру,
Кто мене ради оставитъ жену и чада,
Кто мене ради оставитъ имѣнія и домы,
Кто мене ради оставить всю мірскую прелесть,
И кто мене ради изыдетъ въ горы и въ вертепы,
И кто мене ради умретъ голодомъ и жаждой;
Того бы я назвалъ и другомъ и братомъ,
Того бы я подарилъ и златымъ вѣнцомъ,
Того бы я надѣлилъ и царствомъ моимъ.

№ 31.

По рукописи Московскаго Археологическаго Института, изъ собранія г. Затоскина.

Тебе ради, Господи, покинулъ отца, да и матерь;
Тебе ради, Господи, покинулъ брата и сестру;
Тебе ради, Господи, покинулъ жену, да и чада;
Тебе ради, Господи, покинулъ друзей, да и братей;
Тебе ради, Господи, покинулъ всю мірскую прелесть;
Тебе ради, Господи, покинулъ всю мірскую суету;
Тебе ради, Господи, пошелъ я во пустыню;
Тебе ради, Господи, пошелъ я во дикіе лѣсы;
Тебе ради, Господи, желаю терпѣть вси напасти,
И бѣсовскія страсти, и вся приходящая злая
За твое имя Христово отнынѣ и до вѣка,
Нынѣ и присно и вовѣки вѣкомъ. Аминь.

Отдѣлъ 2-й.

Стихи съ преоблающимъ историческимъ содержаніемъ: указаніе на извѣстныя событія въ старообрядческомъ мірѣ (осада Соловецкаго монастыря, разореніе скитовъ, преслѣдованія, какимъ подвергались старообрядцы, учрежденіе единовѣрія и пр.);—на извѣстныхъ старообрядческихъ дѣятелей (Андрея Денисова и др.); —на отдѣльные эпизоды борьбы старообрядческихъ партій по частнымъ вопросамъ, служившимъ причиною дробленія старообрядчества на отдѣльные „толки“ (напр.: вопросъ о бракѣ).

№ 32.

Ѳ. Буслаевъ, „Русская народная поэзія“, Спб. 1861 г., стр. 431—432. Стихъ взятъ изъ собранія г. Якушкина, называется: „про осаду Соловецкаго монастыря“. О взятіи этого монастыря въ Соловецкомъ Лѣтописцѣ сказано слѣдующее: „На Клементьево мѣсто присланъ съ Москвы воевода Иванъ Мещериновъ съ начальными людьми, да съ нимъ были Московскія стрелцы и Вологоцкія и Устюжскія; да съ Двины стрелцовъ 900 человѣкъ; и Сумскія и Кемскія стрелцы емужъ вручены. И Божіею помощію и великаго Государя счастіемъ, службою и радѣніемъ того воеводы Ивана Мещеринова съ начальными ратными людми, Соловецкій монастырь взяли взятіемъ во 184-мъ (1676) году Генваря въ 22 день. Мятежники Соловецкія порублены и казнены смертію, а иныя разосланы въ сылку въ Колской и Пустозерской остроги, а которыя изъ нихъ соборной церкви покорились и великому Государю вину свою принесли, прощены и жить оставлены въ Соловкахъ“.

На Москвѣ было, на базарѣ,
Собиралися бояре;
Выбирали бояре
Изъ бояръ воеводу,
Выбирали Ивана Петрова,
Изъ того ли роду Салтыкова,
Предъ царскія очи становили.
Какъ возговоритъ православный царь,
Алексѣй-то Михайловичъ,
Его царское величество:
„Охъ ты гой еси, большой бояринъ,
Ты любимый мой воеводушка!
Ты ступай-ка ко морю ко синему,
Ко тому острову ко большому,
Ко тому къ монастырю ко честному,
Къ Соловецкому;
Ты порушь вѣру старую правую,
Постановь вѣру новую, неправую“.
Какъ возговоритъ большой бояринъ,
Любимый царскій воеводушка:
„Охъ ты гой еси, православный царь,
Алексѣй Михайловичъ,
Твое царское величество!
Нельзя объ томъ и подумати,

Нельзя объ томъ и помыслити:
Какъ порушить вѣру старую, правую,
Какъ поставить вѣру новую, неправую!“
Царь разозлился, царь распалился;
Воевода прогрѣшился.
Какъ возговоритъ большой боярин,
Любимый царскій воеводушка:
„Охъ ты гой еси, православный царь,
Алексѣй Михайловичъ,
Твое царское величество!..
Ужъ и дай мнѣ силу не малую, не великую:
Сорокъ полковъ, да все тысячныхъ,
Сорокъ пушекъ, да все мѣдныихъ,
Зелья, пороху сколько надобно“.
Какъ и было въ самый ли Петровъ-то день.
Какъ на синемъ было морюшкѣ,
На большомъ было на островѣ,
Во честномъ монастырѣ было —
Отошла честна заутреня,
Пономарь звонилъ къ обѣденкѣ,
Честны старцы пѣли молебны;
Какъ бѣжитъ пономарь,
Неразумный звонарь:
„Охъ вы гой еси, честны старцы!
Какъ идетъ сила не малая, не великая,
Сорокъ полковъ, да все тысячныхъ,
Сорокъ пушекъ, да все мѣдныихъ,
Зелья, пороху сколько надобно,
Да все войско православное,
Не то идутъ они ратиться,
Не то идутъ они молитися“.
— „Охъ ты глупой звонарь,
Неразумный пономарь,
Да то войско православное,
Не идетъ оно ратиться,
Идетъ оно молитися!“
На ту пору пушкари были догадливы:
Брали ядрушко каленое,
Забивали во пушечку мѣдную,
Палили во тотъ во честной монастырь,
Въ Соловецкій.

№ 33.

Лѣтоп. русск. лит. и древн., 1861 г.,т. 3, отд. III, стр. 90—92. Стихъ напечатанъ „по раскольничьей рукописи начала настоящаго столѣтія“ (т. е. 19-го), называется: „пѣсня объ осадѣ Соловецкаго монастыря“.

Что во сильномъ было царствѣ,
Во Московскимъ государствѣ,
Переборъ былъ болярамъ,
Пересмотръ былъ воеводамъ.
Изъ бояръ ти вобирали.
Въ воеводы сажали
Князя Петра Алексѣева,
По фамиліи Салтыкова.
Посылаетъ Государь-царь
Ко Изосиму и Саватію,
Къ Соловецкимъ чудотворцамъ,
Монастырь разорити,
Старую вѣру порудити (порушити)
И всѣхъ старцовъ прерубити.
Какъ возговоритъ воевода:
„И нельзя, Государь, подумать
На мѣсто святое,
На Игумена честнова
Изосима Саватія—
Соловецкіевъ чудотворцевъ“.
Государь-царь прогнѣвался:
„Ты добро, добро, воевода,
Прикажу тебя казнити,
Руки ноги петерити,
Буёную голову отрубити,
Въ чистое поле пометати“.
Воевода испужался:
„Не вели, Государь, казнити,
Вели слово говорити.
Ты давая силы много
И стрѣльцовъ и солдатовъ“.
Какъ садился воевода
Въ легки онски корабельцы,
Возставала же погода
Съ полуденной сторонки,
Приносила же погода
Къ монастырю святому,
Ко Игумену честному,
Ко Изосиму Саватію—
Соловецкимъ чудотворцамъ.
И стали они стрѣляти,
Стали ружія заряжати;

И стрѣляетъ воевода
Въ соборную божію церковь,
Сбиваетъ воевода
Богородицу съ престола.
И всѣ старцы испужались,
Во едину церковь собирались,
Возлѣ стѣнъ они ходили,
Сами Богу ся молились
И просили они сроку
На три дни на три нощи.
Монастырь разорили,
Старую вѣру порушили
И всѣхъ старцевъ прерубили,
Старыя книги изорвали,
Въ синее море пометали.
И во вѣки вѣкомъ аминь.

№ 34.

Лѣтоп. русск. литер. и древности 1863, т. 5, отд. III, стр. 106 — 108. Стихъ сообщенъ Н. И. Субботинымъ и взятъ имъ изъ старообрядческаго сборника Московск. Дух. Академіи № 431. Напечатанъ стихъ съ слѣдующимъ примѣчаніемъ: Лаврентьевъ монастырь принадлежалъ къ числу обширнѣйшихъ раскольничьихъ монастырей. Онъ находился въ Могилевской губ., въ Бѣлицкомъ (нынѣ Гомельскомъ) уѣздѣ, неподалеку отъ Гомеля, въ имѣніи князя Паскевича. Уничтоженъ въ 40-хъ годахъ при настоятелѣ игуменѣ Аркадіи. По разореніи монастыря Аркадій ушелъ за границу и тамъ бѣлокриницкимъ митрополитомъ Кирилломъ произведенъ въ епископы съ названіемъ Браиловскаго. Ему приписываютъ и сочиненіе стиха о разореніи Лаврентьевскаго монастыря. Стихъ этотъ, положенный на голосъ, составляетъ доселѣ любимую канту у раскольниковъ.

Въ „сборникѣ для исторіи старообрядчества“ Н. Попова (Москва, 1866 г. т. 2-й, вып. 4-й, стр. 98 — 99) мы находимъ варіантъ того же стиха, который печатаемъ полностью подъ слѣдующимъ №, въ виду значительныхъ разночтеній съ вышеприведенною редакціей его. По поводу происхожденія стиха г. Поповъ сообщаетъ слѣдующее: „послѣдній настоятель Никольскаго (иргизскаго монастыря) былъ монахъ Корнилій, который съ другими иноками (болѣе виновными) былъ сосланъ въ закавказскій край весною 1837 года... Въ скоромъ времени (1840 г.) ссыльные на Кавказъ монахи прислали на Иргизъ слѣдующую о себѣ вѣсть къ своимъ единовѣрцамъ“.

Стихъ имѣетъ въ напечатанной Н. И. Суботинымъ редакціи названіе: „Пѣснь умильна Лаврентьева монастыря“.

Боже! пріидоша времена до насъ,
О нихъ пророкоша еще прежде насъ.
Пустыня была всѣмъ прибѣжище;
Нынѣ ужъ тамъ нѣтъ прибѣжища.
Разсылаютъ насъ, разлучаютъ насъ...
Ради бъ неразлучно идти за Кавказъ.
Не противимся Божіей воли,
Идемъ во своя мы по неволи.
Оставляемъ храмы, пречудно созданы,

Златомъ и сребромъ богато убраны.
За царя молить и въ поли будемъ
Про житье свое въ вѣкъ не забудимъ.
Пущай владѣютъ чужимъ насильно;
Скоро Судія воздастъ обильно:
Равенъ у него и царь и воинъ,
Богату и нищу судія единъ.
Иргизскія воды въ море утекли;
Его жителей вонъ вытѣснили.
Поселили ихъ близь Ленкорана,
Имъ свобода тамъ вся вполнѣ дана...
Араратъ гора и Аракс рѣка
Въ сосѣдствѣ у нихъ въ послѣдни вѣка;
Каспійское море ихъ обливаетъ,
Песчаная степь ихъ обливаетъ (вѣроятно—обсыпаетъ?);
Снѣговыя горы покрываютъ ихъ,
И рѣка Ефратъ недалече ихъ.
Дождались и мы жестокой зимы,
Выслали всѣхъ насъ безъ всякой вины.
Мы во всемъ власти повинуемся,
За обидящихъ насъ Богу молимся.
Построимъ кущи вмѣсто свѣтлыхъ келій,
Мы будемъ въ молчаніи, вмѣсто громкихъ пѣній,
Поминать мы будемъ про житье свое,
Жили при рѣкѣ, при быстрой Узѣ.
Но время быстрѣе сей нашей рѣки.
Оно унесло младые вѣки.
Цвѣла обитель болѣе ста лѣтъ;
Нынѣ опустѣла, уже ея нѣтъ.
Звонъ былъ удивленный, аки громъ гремѣлъ;
Соборъ разныхъ птицъ громко пѣсни пѣлъ.
Теперь все замолкло и нѣтъ ничего:
Погибло, потлѣло, травой заросло.
Перестаньте пѣть веселыя птицы,
Скоро улетайте за море отъ насъ,
Скажите за моремъ, что ужъ насъ тутъ нѣту,
Къ намъ не прилетайте къ будущему лѣту.
Пущай распѣваетъ здѣсь одна сова,
Летучія мыши, воробьевъ стада.
Прохожій не можетъ безъ слезъ пройти,
Разсматривая разны предметы.
Никого не видать, никто не встрѣчаетъ;
Онъ, все обзирая, главою качаетъ.
Гдѣ праведный судъ?—Его не стало.
Какъ превратное время настало.

№ 35.

См. примѣчаніе къ предыдущему стиху.

„Боже пріидоша времена до насъ, о нихже прорекоша еще прежде насъ. Пустыня была всѣмъ прибѣжище, а нынѣ и тамъ нѣтъ убѣжища: разсылаютъ насъ и разлучаютъ насъ; ради—неразлучно итти за Кавказъ. Не противимся мы Божіей воли, идемъ все мы по неволѣ. Весь свѣтъ намъ отечество; гдѣ бы ни умирать жизни маловременной намъ не избѣжать.

Оставляемъ на Иргизѣ храмы пречудные: убраны златомъ и сребромъ, богато созданными. Теперь же должны мы Богу молиться въ полѣ; будемъ мы прожитіе свое и вѣкъ свой не забывать про Иргизъ. Нынѣ иргизскія воды въ море утекли, а жители вонъ вытѣснены. Поселили ихъ близь Липкѣрани; имъ свобода вся полна дана на мѣстѣ Вѣлѣ. Араратъ горы и Ассиръ рѣка ихъ пещанный засыпаетъ; ихъ снѣговыя горы покрываютъ; и рѣка Ефратъ не далеко отъ нихъ. Дождались мы жестокой зимы. Построили мы кущи вмѣсто свѣтлыхъ келей, гдѣ мы будемъ въ молчаніи жити: вмѣсто громкихъ пѣній, поминать мы будемъ про житіе свое; вѣкъ не забудемъ, какъ жили при рѣкѣ быстрой Иргизъ; но прошло время, быстрая воля наша какъ рѣка унеслась мгновенно.—Вѣра (на Иргизѣ) цвѣла и обитель болѣе ста лѣтъ была; а нынѣ уже опустѣла: звонъ былъ удивительный—аки громъ гремѣлъ. Соборъ разныхъ птицъ сладко пѣсни пѣли! а теперь всѣ замолкли и нѣтъ ничего: погибло, потопло и травою заросло. Перестаньте пѣть веселыя птицы; скоро улетите за моря отъ насъ. Вы скажите тамъ за моремъ, что ужъ насъ тутъ нѣтъ! Къ намъ же прилетайте къ будущему лѣту: пущай распѣваютъ тутъ одна сова, летучія мыши, воробьино стадо. Тогда никто не можетъ безъ слезъ пройти, разсматривая разные предметы. Но никакой путешественникъ насъ тамъ не увидитъ, и никто его не встрѣтитъ. И онъ всѣхъ обзираетъ и головою качаетъ: гдѣ прежнія жители Иргиза—ихъ не стало; какое превратное время настало!“

№ 36.

Русская старина 1878 года іюнь, стр. 342—345. Стихъ сообщенъ г. Аполлономъ Можаровскимъ съ слѣдующимъ примѣчаніемъ: „этотъ „Стихъ“, писанный по уставному, случайно найденъ мною въ одной изъ старопечатныхъ книгъ, отобранныхъ у раскольниковъ во время разоренія нижегородскихъ скитовъ въ 1853 и слѣд. годахъ (см. „Историческій очеркъ единовѣрія“, соч. М. С. Спб. 1867 г. стр. 178—181; „Нижегородка“, Гацискаго, за 1876 г. стр. 35) и переданныхъ мѣстною консисторіею въ распоряженіе Нижегородской семинаріи въ качествѣ пособія при преподаваніи миссіонерскихъ наукъ противъ раскола“. Стихъ имѣетъ слѣдующее названіе: „Стихъ о разореніи скитовъ“.

Что на югѣ и на сѣверѣ,
На восточной на странѣ,
Протекала рѣка быстрая,
Рѣка быстрая—славный Керженецъ.

Какъ по той рѣкѣ по Керженцу
Много было скитожителей,
Къ правой вѣрѣ ревнителей.
Какъ цвѣла тутъ вѣра старая,
Вѣра старая—христіанская,
Не менѣе двухсотъ лѣтъ;
Изо всѣхъ странъ собиралисъ,
Невозбранно жить поселялись;
Пустыня была всѣмъ прибѣжища,
А нынѣ нѣту намъ убѣжища.
Первой былъ по всѣмъ лѣсамъ
Славный скитъ Оленевской;
Не мѣстами онъ былъ славенъ,
Не приволіемъ былъ украшенъ:
Онъ славенъ былъ и украшенъ
Всѣмъ духовнымъ благолѣпіемъ:
У насъ были здѣсь моленны,
Подобны онѣ были раю,
Уряжены святыми иконами,
Украшенны духовнымъ пѣніемъ.
Служба была ежедневная,
Молитва къ Богу непрестанная;
У насъ былъ звонъ удивленный,
Удивленный, аки громъ гремѣлъ;
У насъ не было мѣстъ привольныхъ,
А всѣмъ было изобильно;
У насъ было мѣсто блатное,
Но намъ вездѣ казалось раемъ:
Въ рощахъ птицы распѣвали,
Соловьи насъ утѣшали,
Примѣръ намъ подавали.
Но Господь насъ посѣщаетъ,
Въ послѣдніе дни все прекращаетъ:
Въ осмитысящномъ вѣку
Въ триста шездесятъ первомъ году (1853)
Послалъ на насъ Господь гнѣвъ свой,
Гнѣвъ ярости, судъ безъ милости:
Нашихъ ради прегрѣшеній
Прогнѣвался Царь небесный.
По Божію попущенію,
А по царскому повелѣнію,
Въ Нижній славной градъ,
Во Семеновскій бѣдной уѣздъ,
Въ Оленевской славной скитъ
Собирались, соѣзжались
Все къ намъ не милостивіи судіи;
Прочитали они намъ указъ
Отъ моленныхъ намъ былъ всѣмъ отказъ,
Всѣ часовни растворяли,
Храмы Божіи разоряли,

Царскія двери снимали,
Всѣ святыя иконы обирали,
Какъ жиды Христа вязали,
Въ Нижной городъ отсылали.
Не успѣли они того окончить,
Начали и о насъ размышлять,
Въ томъ же году черезъ три мѣсяца
Еще грянула на насъ туча грозная—
Вторый вычьли намъ указъ:
Пачьпортницамъ отъ скита всѣмъ отказъ,
Высылаютъ бѣдныхъ—выгоняютъ,
По отечествамъ всѣхъ разсылаютъ,
Всѣхъ убогихъ и безродныхъ
Инокинь и схимницъ въ девяносто лѣтъ.
Но еще они намъ предлагали
И совѣтъ подавали:
„Вы своихъ мѣстъ не лишайтесь,
Вамъ жить будетъ пространно,
И жить будетъ невозбранно“.
Во единъ гласъ отвѣщали всѣ:
„Не пріемлемъ новой церкви,
Не нарушимъ свою вѣру;
Только мы ходимъ по воли,
Не желаемъ жить пространно
Для душевнаго спасенія“.
Собирались вси дѣвицы
И младыя крилошанки,
Вси плакали и рыдали,
Къ Богу руцѣ воздѣвали:
„Оле, оле, увы намъ грѣшнымъ,
Почто мы на свѣтъ родились!
Откуды пріиде на насъ такая
Неожиданная напасть;
Мы теперь должны будемъ
По чужимъ дворамъ скитаться,
Мы теперь будемъ подобны
Праотцу нашему Адаму:
Адамъ праотецъ изъ рая изгнанъ бысть
Плода ради вкушенія,
А мы изгнаны бысть
Своего ради прегрѣшенія!
Увы, прекрасный нашъ раю,
Прелюбезный и драгій скиту!
Знать намъ въ тебѣ не живати,
Святыя службы не стояти;
Такія радости не видати,
Духовныхъ пѣсенъ не пѣвати!
Воспріимемъ ревность многу,
Припадемъ ко всещедрому Богу:
Боже, жизнь нашу управи

Всемогущею рукою,
Чтобы въ морскихъ волнахъ не погрязнуть,
Чтобы въ мірѣ жить—не погибнуть.
Богомъ собранное стадо,
Духовныя и любезныя сестры!
Насталъ часъ разлученія,
Умолкнулъ часъ духовнаго пѣнія,
Вездѣ слышимъ плачъ и рыданія,
Младыхъ со старыми разлученія:
Кто насъ старыхъ припокоитъ,
И кто насъ убогихъ пропитаетъ?
Не своей волей разлучаемся мы,
А по царскому повелѣнію,
А по Божію попущенію".

№ 37.

Лѣтописи русской литературы и древности 1863 г., т. 5, отд. II, стран. 149—152. Сообщено А. С. Павловымъ съ помѣткою передъ текстомъ: „изданіе Высоковскаго единовѣрческаго монастыря". Стихъ напечатанъсъ названіемъ: „Плачъ Городецкихъ раскольниковъ при постройкѣ единовѣрческой церкви". Сравн. Чтен. въ общ. люб. дух. просвѣщ., 1875 г., сентябрь, стр. 579—586. Село Городецъ, находящееся въ Балахнинскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи, на берегу р. Волги, было однимъ изъ крупнѣйшихъ центровъ старообрядческаго міра. Бѣглопоповская старообрядческая община пользовалась особымъ авторитетомъ не только по своему богатству, но и по убѣжденію старообрядцевъ, что ее никто не можетъ уничтожить въ силу особыхъ привиллегій, данныхъ ей Императрицею Екатериною II-ю. Обращеніе Городецкихъ бѣглопоповцевъ въ единовѣріе, описываемое въ стихотвореніи, было въ началѣ 50-хъ годовъ 19 столѣтія (1851—1853).

Плачъ и разное молвище
При часовнѣ на кладбищѣ;
Толпы многи собирали
И всѣ жалостно рыдали:
„Настало время отпаденья
Отъ противна повелѣнья;
Да и зло уже не мало
Въ Городцѣ у насъ возстало:
Сильно насъ отяготили,
Строить церковь испросили,
Да какую жъ?—Благословенную,
Отъ древности повелѣнную!
Неужель на то рѣшаться,
При часовнѣ поселяться?
Да и что за благодать—
Вдругъ часовню разорять?
А тому дѣлу затѣйникъ
Отъ часовни былъ измѣнникъ,—
Нельзя мыслить тутъ инако:
Злу всему повиненъ Марко,

Марко пакостникъ Малевскій
Вздумалъ сей поступокъ дерзкій!
Да и прочи съ нимъ прельстились,
Отъ часовни удалились.
Имѣть церковь восхищались
Къ благословенной подписались;
И съ восторгомъ вездѣ трубятъ,
Что деревянну церковь срубятъ.
А потомъ пришелъ указъ:
Выстроить церковь у насъ.
Ахъ, увы, увы не мало!
И поповъ у насъ не стало;
Не имѣть чтобъ потаенныхъ
Намъ, кромѣ благословенныхъ.
Охъ, послѣдни видно вѣки,
Что прельстились человѣки—
Отъ архирея благословляться
И единовѣрцами назваться!
Это нѣсть единовѣрье,
А отъ насъ лишь отдаленье—
Концысторіей заняться,
Ей въ правленіе предаться.
Лучше головы положимъ,
А свое мы не отложимъ.
Не ужели мы не въ состояньи
Поповъ судить не въ постояньи?
Судить сами ихъ умѣемъ
И правила разумѣемъ.
Хотя не священныя лицы,
Какъ то бываетъ во столицы.
Поповъ мы сами разбираемъ,
Мы ихъ судимъ, запрещаемъ.
Нынѣ жъ древность всю растлили,
Себѣ церковь испросили!
Нут-ко, мужіе, старайтесь,
Отъ новостей удаляйтесь;
Сумму многу собирайте,
Въ Москву, Питеръ поѣзжайте;
Раздавайте, не щадите,
Длительность дѣлу ищите
И всѣ мѣры принимайте,
Церковь строить не пущайте.
Поупрямьтесь, милы братцы,
Часовенны старобрядцы,
И бунтуйте, не сумнитесь,
И начальства не страшитесь;
Къ защищенью всякъ спѣши,
Стой въ одно, хоть колъ теши!
Въ противность же что случится,
То мы должны откупиться.

Пошлемъ въ разныя селенья
Съ повелѣньемъ объявленья,
Что часовню разоряютъ,—
Въ церковь нову претворяютъ.
Тѣ, услышавъ вѣсть ужасну,
Помощь сдѣлаютъ прекрасну.
А ревностны богачи,
Торговые брадачи,
Сильно за сіе возстанутъ,
Отъ часовни не отстанутъ;
Повѣренныхъ изберутъ,
Тысячъ много имъ дадутъ,
Чтобъ тѣмъ случай имъ избрати
Противъ церкви воевати.
Гдѣ ни взялся Калугеръ,
Варсанофій лицемѣръ:
Скитску ревность объявляетъ,
Къ сему дѣлу приступаетъ,
Да еще съ брадой сѣдой,
Къ деньгамъ съ совѣстью жъ такой.
Въ повѣренны ихъ избрали,
На расходы денегъ дали:
Чрезъ Москву и Петербургъ
Обогатились они вдругъ.
Пріѣхавши, говорили,
Что мы деньги раздарили;
Еще бы тысячъ двадцать пять,
Такъ бы можно поступать.
Тутъ всѣ розно говорили,
О повѣренныхъ судили:
Иной стоялъ въ изумленьи,
Другой плакалъ въ нетерпѣньи, —
Какъ почтенна Софья мать—
Такъ вотъ честь ей приписать:
Всѣхъ ревностью удивила,
На собраньи говорила:
„О вы бѣдны и богаты!
Будьте въ деньгахъ щедроваты;
Отъ отступникъ отражайтесь
И отъ церкви откупайтесь.
Время купли наступаетъ,
Власть къ часовнѣ приступаетъ.
Вы же сильны богачи,
Часовенны товмачи,
Кладовыя отпирайте,
Тѣмъ теперь только и взять,
Что тысячи развязать;
Если будете скупиться,
То часовня претворится
Въ церковь Божью, въ новый храмъ.

Охъ, какой же будетъ страмъ!
Чего мы не ожидали,
То почувствовать намъ дали:
Можно-ль было вображать,
Чтобъ попа Василья взять?
Очевидно отъ насъ взяли,
Руки и ноги перевязали,
Повезли въ вѣчной удѣлъ,
Гдѣ судимъ ему предѣлъ.
Ужъ не даромъ я недавно
Видѣла въ нощи, какъ явно,
На яву и не во снѣ
(Тутъ дрожали всѣ плеснѣ)
Тако дивно откровенье:
Что часовня въ разореньѣ —
Наша мила она мать
Хощетъ въ вѣрѣ пострадать —
Будто звонъ и крестъ съ ней сняты,
Главы нѣтъ, одни палаты".
Облившись слезой ушла,
Гдѣ дорога ей пришла;
И такъ спѣшно удалилась,
Что не видно, гдѣ и скрылась.
Вдругъ преставъ тутъ Меценатъ
Отъ градскихъ высшихъ палатъ,
Почтеннѣйшій на видъ отецъ
Пришелъ къ собранью въ Городецъ.
Собранье обратило взоры
Къ нему и на него укоры.
Ставъ онъ, какъ на второмъ судищи,
Сказалъ: „несчастное кладбище!"
А самъ вздохнулъ и замолчалъ.
Народъ ему многъ закричалъ:
„Умремъ! Хоть головы рубите,
Благословеннаго въ часовню не водите,
Попа такого не желаемъ,
Вси слезно просимъ и рыдаемъ.
Довольны мы до днесь и тѣмъ,
Снабдилъ святой Иргизъ насъ чѣмъ.

№ 38.

Чтен. въ Общ. любит. дух. просв., октябрь, 1875 г., стр. 237; статья свящ. Н. Копьева: „Раскольничьи стихотв. противъ единовѣрія". Это стихотвореніе носитъ названіе: „Плачь ревнителей Рогожскаго кладбища", и трактуетъ объ обращеніи поповцевъ Рогожскаго кладбища къ единовѣрію и объ учрежденіи на кладбищѣ единовѣрческой церкви, что произошло въ 1854 г. Въ томъ же году произошло присоединеніе къ единовѣрію значительнаго количества симбирскихъ старообрядцевъ, о чемъ вспоминаетъ авторъ „Плача".

Настало время отпаденья,
(О, ты противно позволенье!)

Отъ дальнихъ странъ еретиковъ,
Заблуждшихся сибиряковъ;
И нашихъ первыхъ возмутили,
Обѣдню съ спросу отслужили.
Ахъ, гдѣ жъ теперь ужъ благодать,
Часовню станутъ церковью звать;
Но ужель—и благословенной,
Отъ новости повелѣнной!..
И льстивой мздой омрачились,
Попы на то согласились...
Гдѣ-жъ ревность старыхъ христіанъ,
Теперь здѣсь стадо аріанъ;
Погибло все и возмутилось,
И зло симбирское свершилось...
О чада древности любезны!
Явился звѣрь сибирской бездны...
Стрегите души, удаляйтесь,
Съ рогожскими не сообщайтесь;
Такой обѣдни берегитесь,
Украдкой тщательно молитесь,
Сибирску ересь проклинайте,
Поповъ—попами не считайте:
Наемники—они, мздоимцы,
Коварные лицепріимцы;
По ревности когда бы жили,
Такой обѣдни не служили,
Затѣй сибирскихъ не внимали,
А стариковъ бы почитали!..
Послѣднія времена настали,
У насъ служить обѣдню стали,
Сибирскаго ради хотѣнья
И съ новаго же позволенья...
Увы, какой развратъ святынѣ,
Подобно стало, какъ и въ Римѣ!
Куда-жъ бѣжать отъ нововводства,
Вездѣ ослабло руководство;
Вездѣ старинное хладѣетъ,
И всякъ по прихоти радѣетъ.
Наскучили часы съ вечерней,
Захотѣлось службы обѣдней.
Какая-жъ больше сего напасть,
Коль въ новопозволенность попасть!
О мужи старозакоснѣлы!
Почто вы нынѣ не толь смѣлы:—
Попамъ такую волю дали,
Чего отъ вѣка не слыхали!
И какъ вамъ возможно было зрѣть,
Чтобъ позволенному обѣдню пѣть;
Обрядъ старинной погубити,
Часовню въ церковь претворити!

И старцы наши возстонали,
Безграмотны умы пеняли:
Почто обычаи измѣнили,
Обрядъ старинной изказнили?
О зло несносное вселилось,
Изчадье новостей явилось!
Гдѣ древня сила самовластна,
На новость-ли была согласна?!
Попы не смѣли на затѣи,
Цѣпей страшилися ихъ шеи:
Хотя мзду лестну накопляли,
Но старинѣ не измѣняли...
Попали въ сѣть новатіанства,
Кладбищенское христіанство!
Кричатъ старухи изъ всей силы:
Возстаньте предки изъ могилы,
И зрите, что стало съ нами
И со всѣми нашими попами...
Увы! обѣдня, а не часы,
Погибли всей древности красы!

№ 39.

Чтен. въ Общ. любит. духовн. просвѣщ. за 1875 г., августъ, стр. 505—508; статья священ. Н. Копьева: „Раскольничьи стихотворенія противъ единовѣрія". Стихотвореніе напечатано по рукописи библ. Моск. Дух. Академ., № 17, л. 21—23, и носитъ названіе: „Изображеніе единовѣрческія церкве". Авторъ его—Гаврилъ Ларіоновичъ Скачковъ, жившій съ 1745—1821 г.

Явилась церковь вновь, имѣя двѣ личины,
Хранитъ разгласные уставы и всѣ чины...
Всѣмъ кажется она, что хвалитъ старину,
Но купно содержитъ въ себѣ и новину.
На двухъ ногахъ она, а храмлетъ обоими,
На всѣ страны скользитъ затѣями своими,
Чинъ древности хранитъ, и любитъ новины,
Пріемля тайны всѣ отъ нихъ, что ей даны...
Дѣйствителей же тѣхъ къ себѣ не пріобщаетъ,
И кто согласенъ имъ молиться не пущаетъ.
А славится она, что вѣры есть одной,
Сама жъ бѣжитъ отъ нихъ, себя лишь мнитъ святой...
Раздѣлъ почто творить, когда всѣ святы тайны,
Сомнѣніе имѣть и толь разсудки странны,
Обманываться такъ и рѣчи умножать,
Себя и прочихъ всѣхъ безъ пользы утруждать?..
Единовѣрчески имѣешь, церковь, чины,
Нелестно ты скажи, открой своя личины,
Всѣмъ правду объявляй, а ложь отрини прочь:

Она вѣдь не спасетъ діаволова дочь.
Поди стезей прямой, яви твое желанье,
Себѣ имѣешь гдѣ спастися упованье;
Веди туда и всѣхъ, кто путь не знаетъ правъ,
Кто мысльми ослабѣлъ и въ вѣрѣ есть не здравъ.
Имѣетъ умъ кто цѣлъ, разуменъ въ своемъ дѣлѣ,
Того ты не учи, онъ правость знаетъ въ вѣрѣ...
Сама же о себѣ старайся разумѣть,
Отъ клятвы чтобъ избыть, съ святыми миръ имѣть.
Но кто съ святыми миръ имѣть не возжелаетъ,
Тотъ самъ себя на вѣкъ спасенья отчуждаетъ.
Спасенія себѣ на вѣки отчуждить,
И вѣчной радости съ святыми отлучить,
О горе и бѣда! во адъ во вѣкъ вселиться,
Въ гееннѣ огненной съ бѣсами водвориться...
Отъ сихъ помилуй насъ, всесильный Богъ единъ.
Тебѣ хвала и честь отъ всѣхъ всегда! Аминь!

№ 40.

Чтен. въ Общ. любит. духовн. просвѣщ., 1875 г., августъ, стр. 510—513; по статьѣ священ. Н. Копьева: „Раскольничьи стихотворенія противъ единовѣрія“. Стихотвореніе напечатано по рукописи библіотеки Виѳанской духовн. семинаріи и составляетъ часть написаннаго прозою сочиненія: „Повѣсть о церкви единовѣрческой и къ ней прилагающихся, и что оная значитъ, и откуду произыде, и какъ она существуетъ“. Сравни рукопись Моск. Румянц. Музея (библ. Большакова), № 272, л. 37 обор.—39.

Вотъ невообразимое чудо,
Отъ всѣхъ послѣдствій весьма худо;
Сдѣлали чудное прошеніе,
И въ вѣчное себѣ поношеніе.
Просятъ отъ клятвы разрѣшить,
Да и что же на нихъ наложить;
Но да чья же сія есть клятва,
Да и къ чему-жъ имѣть пріятства;
Кто же дерзнетъ кого проклинать,
Той самой клятвѣ не миновать;
Хотятъ русски клятвы разрѣшать,
Греки той же клятвѣ предавать;
Вить русски съ греками согласны,
Будьте старовѣрцы безопасны ..
Вотъ старовѣрцамъ явилась бѣда,
Растетъ ни пшеница, ни лебеда;
Существуетъ въ нихъ какъ бы вѣра,
Не найдешь такого примѣра;
Старо,—черно, ново и бѣло.
Изъ разнствія сихъ не будетъ цѣло...
Одна церковь, а два въ ней лица,
Навѣрно не найдешь ей конца.

Откуду же она произыде,
И что важно изъ ней изыде
Дивно: книги стары имѣетъ.
Священство ново разумѣетъ;
Невѣжьство свое исполняетъ,
И клятвѣ всюду подпадаетъ.
Отъ сего разньства она пестра,
И клятву изнесть себѣ остра;
И отъ церкви клятвѣ подлежитъ,
Сунода въ семъ проситъ разрѣшить...
Книги и все древне — неправо,
Святѣйшій Синодъ сдѣлалъ здраво,
И кругомъ себѣ уже связа,
И всему міру винну показа.
Единовѣрчески подъ виною,
Синодъ разрѣшилъ ихъ новиною.
Чего въ свѣтѣ не было и нѣсть,
Въ нынѣшнемъ вѣкѣ родилось и есть.
Хотя клятву мнимо разрѣшили,
Паки въ ней во вѣки осудили;
Значитъ, кую клятву разрѣшать,—
Къ тому опять въ ней не оставлять...
Когда двуперстіе проклято,
Чѣмъ же знаменаться есть свято?..
Нынѣ клятву разрѣшаютъ,
Добро и зло вмѣстѣ мѣшаютъ.
Паки клятвою знаменаться,
Сей фуфѣ (?) должно всѣмъ смѣяться.
Сказано: клятвы разрѣшаемъ,
Однако связанныхъ оставляемъ.
Правда, если кого въ смолѣ мыть,
То послѣдуетъ худши быть.
Правильно двуперстіе проклинать,
Знаменаться же зачѣмъ оставлять?..
Нынѣ вить какъ не знаменуйся,
Только со всѣми согласуйся;
Благословеніе ни во что,
И клятва нынѣ есть ни за что...
И церковь сія двуименна,
И многимъ есть недоумѣнна;
Единовѣрческа зовется,
Дивно: старо съ новымъ плетется,
Одно съ другимъ не согласуется;
Вотъ эта вервь изъ песку свита,
Для невѣждъ изъ всѣхъ металловъ слита...
Разнствія здѣсь ничего не разберешь,
Добро отъ зла никакъ не отвлечешь,
Клятвы и благословенія
Никто не сдѣлаетъ раздѣленія.

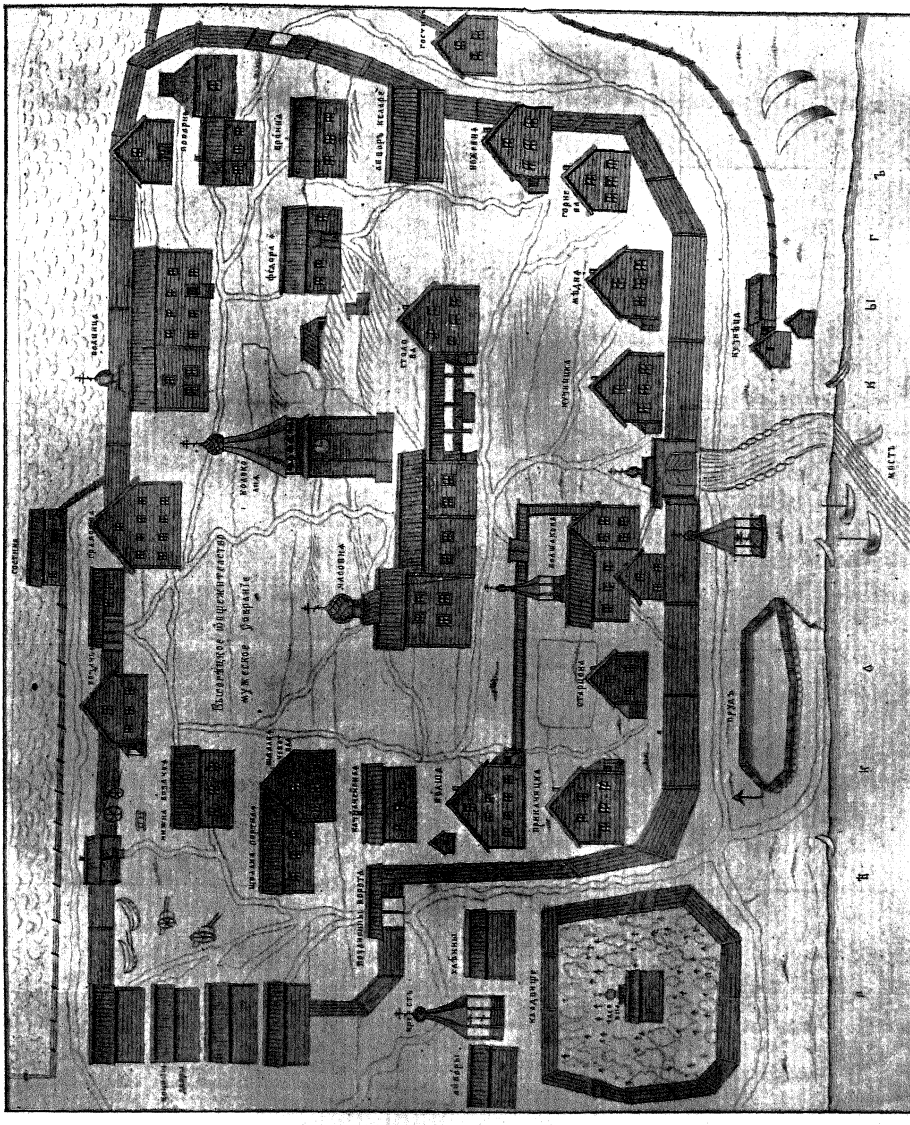
№ 41.

Сборникъ Варенцова, стр. 179 — 183. Стихъ напечатанъ съ **помѣткою**: „Извлечено изъ рукописи Поморцевъ“ и имѣетъ слѣдующее названіе: „**Стихъ пре-**
болѣзненнаго воспоминанія озлобленіи каѳоликовъ“.

По грѣхамъ нашимъ, на нашу страну
Попусти Богъ такову бѣду:
Облакъ темный всюду осѣни,
Небо и воздухъ мракомъ потемни,
Солнце съ небеси скры своя лучи,
И луна въ нощи свѣтлость помрачи,
Но и звѣзды вся потемниша зракъ,
И дневный свѣтъ преложися въ мракъ.
Тогда твари вся ужаснушася,
Но и бездны вся содрогнушася.
Егда адскій звѣрь ся разрѣши,
Отъ заклепъ твердыхъ нагло изкочи,
О коль яростно испусти свой ядъ
Въ каѳолическій красный вертоградъ!
Зѣло злобно врагъ тогда возревѣ,
Каѳоликовъ родъ мучити повелѣ,
Святыхъ пастырей вскорѣ истреби,
Увы жалости! огнемъ попали.
Четы иноковъ уловляхуся,
Злымъ наказаніемъ умерщвляхуся,
Всюду вѣрніи закалаеми,
Аки класове пожинаеми.
Тогда вѣрніи горцѣ плакаху,
Зѣло жалостно Богу взываху:
„Время лютости, Боже, сократи,
Отъ мучительства злаго защити,
Аще не твоя помощь сохранить, —
И избранныхъ всѣхъ адскій змій прельстить.
Охъ увы, увы лютыхъ тѣхъ временъ,
Охъ увы, увы скорбныхъ оныхъ дней!...
Како лютый звѣрь садъ нашъ погуби,
Вся древесія вскорѣ попали.
Аще помянемъ благочестіе
И пресвѣтлое правовѣріе,
Егда процвѣталъ кринъ церковный,
Зѣло блисталъ санъ священный,
То не можемъ быть безъ рыданія,
И безъ скорбнаго воздыханія.
Охъ увы, увы благочестіе,
Увы древнее правовѣріе!
Кто лучи твоя вскорѣ потемни?
Кто блистанія тако измѣни?
Десято-рожный звѣрь сіе погуби,

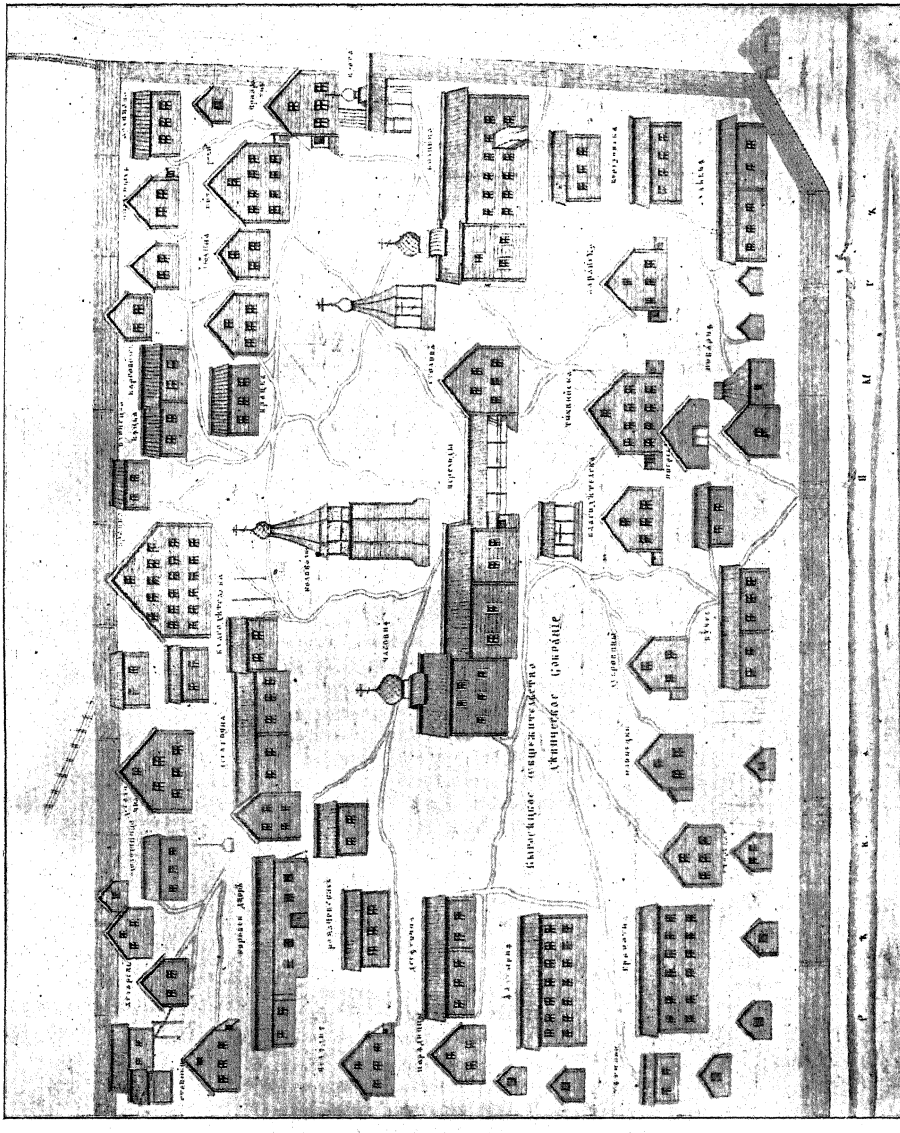
Седмиглавый змій тако учини,
Весь церковный чинъ звѣрски преврати,
Вся преданія злобно истреби.
Церкви Божія истребишася,
Тайнодѣйствія вси лишишася,
Но и пастыри поплѣнилися,
Жаломъ діавола умертвилися.
Зѣло горестно о семъ плачемся,
Увы бѣдни вси сокрушаемся,
Что вси пастыри посмрадилися,
Въ еретичествѣ потопилися.
Оле бѣдствія намъ безъ пастырей!
Оле лютости безъ учителей!
По своей волѣ вси скитаемся,
Отъ звѣрей лютыхъ уязвляемся,
Всюду бѣдніи утѣсняеми,
Отъ отечества изгоняеми;
За грѣхи наши днесь родилися;
Въ таковы бѣды попустилися.
Почто въ юности мы не умрохомъ,
Въ самой младости мы не уснухомъ?
Избѣжали бы сихъ плачевныхъ дней,
Не видали бы лютыхъ сихъ временъ,
И мы горцѣ вси выну плачемся,
Преболѣзненно сокрушаемся.
Вавилонская любодѣйница
И скверная чародѣйница
Представляетъ всѣмъ чашу мерзости
Подъ прикрытіемъ малымъ сладости,
И мы слабіи тѣмъ прельщаемся,
Сластолюбіемъ уловляемся.
Увядаетъ днесь благочестіе,
Процвѣтаетъ все нечестіе.
Лжеучители почитаются,
На каѳедрахъ возвышаются;
Вѣрныхъ соборы истребляеми,
Сонмы мерзости умножаеми;
Вся пророчества совершаются,
Предсказанія исполняются;
И чего еще хощемъ ожидать,
Посреди міра долго пребывать?
Уже жизнь сія скончевается,
И день судный приближается.
Ужаснись, душе, суда страшнаго
И пришествія преужаснаго.
Окрылись, душе, крилы твердости,
Растерзай, душе, мрежи прелести.
Ты пари, душе, въ щащи темныя,
Отъ мірскихъ суетъ удаленныя.
Поминай вѣрныхъ тамо малъ соборъ,

ТАБЛИЦА № 6.



Выгорѣцкое общежительство. Рисунокъ взятъ изъ книги: „Исторія Выговской старообрядческой пустыни". Издана по рукописи Ивана Филипова Д. Е. Кожанчиковымъ, Спб. 1862 г.

ТАБЛИЦА № 7.



Выгорѣцкое общежительство. Рисунокъ взятъ изъ книги: „Исторія Выговской старообрядческой пустыни“. Издана по рукописи Ивана Филипова Д. Е. Кожанчиковымъ, Спб. 1862 г.

Укрываются посредѣ холмовъ.
Не страшись, душе, страха тлѣннаго,
Не убойся ты огня вѣчнаго.
Изливай, душе, рѣки слезныя,
Простирай мольбы къ Богу многія,
Крѣпко на него уповай,
Во вѣки его прославляй.
Господи, Ісусе, сыне Божій, помилуй насъ. Аминь.

№ 42.

Библіогр. Записки 1858 г., т. 1-й. столб. 49—52. Статья А. Н. Пыпина: „Замѣтки о рукописной литературѣ простого народа". 1. Старовѣрческій стихъ объ Андреѣ Денисовѣ". Стихъ напечатанъ съ слѣдующими поясненіями: „Стихотвореніе это мы встрѣтили въ новѣйшемъ сборникѣ раскольничьихъ стихотвореній, недавно пріобрѣтенномъ публичною библіотекою въ Петербургѣ. Сборникъ наполненъ или старинными кантами и псальмами, или народными стихами, или собств. сочиненіями раскольниковъ на разные случаи ихъ прошлой и современной жизни. Стихотвореніе объ Андреѣ Денисовѣ имѣетъ слѣдующее заглавіе: „Риемы воспоминательны о киновіарсѣ Выгорѣцкаго общежительства Андреѣ Діонисіевичѣ, вкратцѣ всего житія его". Въ сборникѣ эти „Риемы" составляютъ 38-й стихъ, но статьи въ ней (въ немъ?) перемѣшаны, такъ что подъ этой цифрой помѣщена только половина стихотворенія, а другая его половина находится въ ст. 36-мъ".

1. Рожденія.

Европа ты славнѣйшая,
Мужа сего изнесшая,
Въ Россійскомъ царствѣ хранящи,
Въ Поморскихъ краяхъ держащи.
Возрастивши его млада
Въ предѣлѣ Олонца града,
Рождшася въ селѣ посадскомъ,
Въ славномъ Рядкѣ повѣнѣцкомъ,
Иже домъ оставль юностнѣ,
Сшедъ въ пустыню ревностнѣ,
Вселися въ ней младолѣтенъ,
Сый седьмнадесятолѣтенъ.

2. Пребыванія.

Тогда, тогда проявися,
Пустыня Выгска открыся.
Во всю бо Русь произыде
И концы ея объиде.
Еже и многъ народъ собра,
Зря въ себѣ пастыря добра,
Отъ всѣхъ Богомъ предъизбранна,
И во всѣхъ имъ одаренна,

Сего отца пречестнаго,
Учителя всеблагаго,
Поморію пресладчайша
Выгорѣціи же дражайша.

3. Дѣянія.

Горы бо холмы въ ней чистилъ
Храмы молитвъ тамо ставилъ,
Киновіи двѣ согради,
Аки красны вертограды.
Многи скорби, многи бѣды
Сперва подъя многолѣтны,
Гладъ, наготу съ нищетою
Во всѣхъ всего скудотою;
Сего ради въ страны ходя,
Христолюбцевъ сонмы водя,
Во пустыни населяя
Въ древней вѣрѣ наставляя.

4. Славы.

Тѣмъ же вездѣ объявися,
Учительствомъ уяснися,
По всѣмъ краямъ пронесеся,
Во всякій слухъ внесеся,
И въ царскихъ устнѣхъ вѣщаемъ,
И въ синодскихъ обношаемъ,
Яко церковной учитель,
Старовѣрцевъ всѣхъ учитель.
Зане бысть и въ санъ украшенъ,
Отчелѣпства главы страшенъ (?)
Вѣрою возраста средня,
Честію же власъ просѣда.

5. Представленія.

И по сихъ всѣхъ умертвися,
Зѣлно главою томився
Двѣма нощеденства токмо,
Премѣнися здѣшнихъ скорбно,
Пятьдесятъ шестаго лѣта
Скончавши своего вѣка.
Преставися благочестнѣ,
Знаменався крестомъ честнѣ,
Сый того исповѣдникъ,
Печатлѣвся, какъ побѣдникъ.
Погребенъ бысть отъ чадъ своихъ
Рыдающихъ ъ слезахъ многихъ.

6. Жалости.

Ахъ, ахъ, свѣтъ намъ явный,
Евангельски въ мірѣ сіявый,
Пастырю нашъ прелюбезный
Учителю намъ полезный—
Андрей Діонисьевичъ!
Вскую скоро тако скрыся,
Гробомъ смертнымъ покрыся,
Насъ остави сиротѣти,
Во всѣ дни своя скорбѣти,
Зане горько обиженныхъ,
Отъ тя скоро отторженныхъ,
Аки плѣнники рукою,
Смертны лютости косою.

7. Плача.

О, о, о, нашъ умиленный,
Въ горьки слезы окропленный
Сице тя, предрагу главу,
Спущшимъ просто въ вѣчну славу.
Ни мало бо завѣщавши,
Ахъ ничто къ кому вѣщавши,—
О нашего несчастія,
Люто зѣло сердца съядша,
Ниже словъ драгихъ получше (т. е. получивше)
О сладкихъ очесъ случше (?)
Богу всетворцу извольшу,
Такъ судбами сотворшу.

8. Поминовенія.

Тѣмъ же молимтися, Боже,
Покой душу въ райскомъ ложѣ
Сего вѣрнаго ти раба,
Воина церковна храбра,
Теченія си скончавша
И вѣру зѣло соблюдша.
Прочее, царю превѣчный,
Соблюди въ животъ вѣчной,
Правды вѣнцемъ вѣнчавая
Повивъ (?) гласомъ скончавая,
Милость показуя надъ нимъ
Въ безконечны вѣки аминь.

№ 43.

Русская Старина, 1879 г., № 9, стр. 165—167. Стихъ напечатанъ съ пометкою: Сообщилъ М. И. Лилеевъ (г. Нѣжинъ). „Стихъ этотъ взятъ изъ раскольнической рукописи: „о законномъ и правильномъ бракосочетаніи“, по времени написанія относящейся къ первому десятилѣтію настоящаго вѣка“ (т. е. 19-го); стихъ напечатанъ съ названіемъ: „Стихъ брачный“.

Богъ творецъ всесильный
Создалъ человѣка:
Самовластвомъ почитая
И свою милость являя
Адаму и Еввѣ —
И всей съ ними твари.

Адаму вѣщаетъ,
Потомъ же и Ною:
Вы раститесь, умножайтесь,
И всю землю наполняйте,
Господствуйте всѣми
Созданными тварьми.

Въ Канѣ Галилейстей
На бракъ Спасъ приходитъ,
Перво чудо сотворяя,—
Воду въ вино претворяя,
Славу показуя
Божества своего.

Бракъ благословляя,
И самъ почитая,
Яко тайну толь пречестну
И его церкви полезну,
И многими вѣки
Тако предпочтенну.

Мы же восклицаемъ,
Бога прославляемъ:
Яко тайна есть велика,
Юже самъ Господь уставилъ.

Милость всѣмъ являя,
Себе прославляя.
Любители браковъ
Съ веселіемъ зрите:
Торжество днесь цѣломудро,
Какъ Богъ хощетъ сочетати
Двоихъ въ плоть едину
Вѣчно, нераздѣльно.

Бракъ имѣть законный
Вѣрнымъ есть полезно:
Въ любви купно пребывати,
И другъ другу угождати
Честно и похвально,
И Богу пріятно.

Апостолъ великій
Тако возглашаетъ:
Жену лучше есть имѣти,
Нежель жити беззаконно,
Понеже бракъ честенъ
И Богу пріятенъ.

Молчите, презлобніи,
Хулители браковъ!
Вы уста своя стѣстните,
И языкъ удержите—
Хулы износити
На тайну велику.

Бракъ тайна велика,
И во всѣхъ почтенна.
Такъ апостолъ научаетъ:
Во образъ Христа и церкви
Вѣчно то пребудетъ
Въ вѣрныхъ человѣцѣхъ.

Дѣвство есть прекрасно,
И Богу пріятно:
Когда истинно сіяетъ,
Чистотою такъ блистаетъ,
Какъ луча̀ пресвѣтла
Прекраснаго солнца.

Дѣвство предпочтенно
Въ небесныхъ жилищахъ:
Съ Христомъ купно обитаетъ,
Со Ангелы воспѣваетъ
Пресладкія пѣсни
Богу преблагому.

Дѣвство есть пречестно,
Но многимъ не вмѣстно.
Такъ бракъ Богъ самъ уставилъ,
И свою власть въ немъ прославилъ
Въ пользу человѣкомъ
На вѣчные роды.

Дѣвы ликовствуйте,
Жены ликовствуйте,

Мужи купно возгласите,
И творца вси восхвалите,
Бракъ честенъ уставльша
Людямъ во спасенье.

Мы же христіянски
Бракъ вси почитаемъ:
Отбѣгаемъ сопротивныхъ,
Не пріемлемъ и всѣхъ лживыхъ.
Хвалимъ вси согласно
Дѣвственно живущихъ.
Гдѣ любовь витаетъ,
Тамъ Богъ пребываетъ.
Всѣ вражды онъ прогоняетъ
И миръ вѣчный тамъ вселяетъ,
Крѣпко утверждая
Житіе законно.

Гдѣ Богъ сочетаетъ,
Кто тѣхъ разлучаетъ?
Той есть Богу сопротивникъ,
Хульникъ Божіихъ законовъ,
Лести утвердитель,
И врагъ и губитель.

Вѣрніи Христіяне
Симъ вы не внимайте,
Но священному писанью
Токмо вѣру вы имѣйте,
Враговъ отгоняйте,
Сущихъ враждотворцевъ.

Имѣйте вы двое
Любовь другъ ко другу;
Ложе чисто соблюдайте,
Безъ порока и соблазна,
Да будетъ отъ Бога
Награда вамъ многа.

А мы Бога хвалимъ,
Васъ же поздравляемъ,
И вси купно вамъ желаемъ
Благочестно въ мирѣ жити,
Богу угождати
На многая лѣта.

№ 44.

Это — варіантъ предыдущаго стиха, напечатанный Н. Поповымъ въ „Сборникѣ для исторіи старообрядчества“, т. 2-й, стр. 263—264, Москва. 1866 г. Стихъ напечатанъ съ помѣткою: „Концертъ новобрачнымъ, пѣваемый въ домахъ на старообрядческихъ бракахъ (поповщины)“.

„Богъ Творецъ всесильный“ создалъ человѣка, самовластвомъ почте его, и свою милость являя (Адаму и Евѣ) ему и всѣмъ съ съ ними созданнымъ тварямъ.—Адаму вѣщаетъ, потомъ же и Ною: вы раститесь умножайтесь и всю землю наполняйте, и господствуйте всѣми созданными тварьми. Въ Кану Галилейскую на бракъ Спасъ пріиде, первое чудо сотворяя, воду въ вино претворяя, славу показуя Божества своего. Бракъ благословляя, кой самъ почитая яко тайну толь пречестну и церкви полезну, и многими вѣки предпочтену. Мы же восклицаемъ, Бога прославляемъ за тайну велику: юже самъ Господь Владыка уставилъ, милость свою являя, себѣ прославляя. Любители браковъ! съ веселіемъ зрите торжество, кое есть цѣломудренно: какъ Богъ самъ ихъ сочеталъ двоихъ въ плоть едину, вѣчно нераздѣльно. Дѣвы ликовствуйте, жены торжествуйте. Мужи купно возгласите, и Творца всѣхъ восхвалите. Бракъ честенъ уставленъ людямъ во спасеніе. Апостолъ Павелъ говоритъ: „лучше жену имѣти, нежели жить беззаконно, понеже бракъ честенъ и Богу пріятенъ“. Бракъ тайна великая и почтена, какъ Апостолъ возвѣщаетъ: во образъ Христа и церкви вѣчно пребывати въ вѣрныхъ человѣцѣхъ. Молчите презлобніи хулители браковъ; вы уста своя сожмите и языки удержите, хулу не износите на тайну велику. Мы же христіански бракъ вси почитаемъ, и не пріемлемъ сопротивное и всю лжу отвергаемъ. Хвалимъ вси согласно дѣвственно живущихъ: дѣвство есть прекрасно и Богу пріятно, оно истинно чистотою сіяетъ, какъ лучъ прекраснаго солнца блистаетъ. Дѣвство есть пречестно, но многимъ не вмѣстно, потому Богъ самъ бракъ людямъ уставилъ, и своимъ присутствіемъ (въ Канѣ) прославилъ, и предалъ въ пользу человѣкамъ на вѣчныя роды. Бракъ имѣть законный вѣрнымъ людямъ есть полезно, въ любви купно пребывати, и другъ другу угождати честно и похвально, и Богу пріятно. Гдѣ любовь витаетъ, тамъ Богъ пребываетъ. Всѣ вражды Онъ прогоняетъ и миръ вѣчный тамъ вселяетъ; крѣпко утверждаетъ бытіе законно. Коихъ Богъ совокупитъ, кто тѣхъ разлучитъ: той есть Богу сопротивникъ, хульникъ, іезуитъ, лести утвердитель и врагъ и губитель. Вѣрніи христіане! симъ вы не внимайте, но священное писаніе поминайте, коимъ враговъ препирайте. Вы юніи имѣйте любовь другъ къ другу. Ложе чисто соблюдайте безъ порока и соблазна, да будетъ отъ Бога награда всѣмъ многа. Мы же бога хвалимъ, васъ же поздравляемъ и всѣ купно въ благочестіи жити и любви желаемъ, Богу угождати на многа лѣта!

№ 45.

Ѳ. В. Ливановъ. Раскольники и острожники. Т. I, стр. 129; издан. 4, Спб. 1872 г. Въ этомъ и слѣдующемъ стихахъ излагается ученіе старообрядцевъ ѳедосѣевскаго толка о бракѣ. Требованіе обязательнаго безбрачія повело въ практическомъ отношеніи къ крайней нравственной распущенности ѳедосѣевскихъ общинъ и массѣ преступленій для сокрытія слѣдовъ запретныхъ видовъ любви.

Дѣвство каждый сохраняй,
Тайну брака не сознай:
Холостой не женись,
Староженный воздержися,
Дѣвка замужъ не ходи,
Староженка не роди.
Тайна брака истребися,
Дѣтородство запретися...
Что къ зачатью человѣка
Нынѣ къ жизни душу вѣка
Богъ Творецъ не посылаетъ
Самъ діаволъ помѣщаетъ:
Сатана зиждетъ людей
Множествомъ числомъ семей;
Въ томъ невѣрны помогаютъ (т. е. брачащіеся)
И враги тожъ пособляютъ.
Сына, дочь не сочетать.
Мать, отца за бракъ изгнать.
Чистоту мы умножаемъ,
Вѣру дѣвства защищаемъ.
Повивалками не быть (повелѣваемъ),
Повиваньемъ не служить.
Вѣру твердо сохраняйте
И въ родахъ не помогайте...
Тверды въ вѣрѣ пребывайте
Жизни брачной не примайте...
Страсть любовну поправляти,
Покаяньемъ очищати.
Насъ отцы за грѣхъ простятъ,
Въ райско мѣсто помѣстятъ.

№ 46.

Ѳ. В. Ливановъ. Раск. и острожн. Т. I, стр. 130. Издан. 4, Спб. 1872 г. Смотр. примѣчаніе къ предыдущему стиху.

Новоженка сохрани (правило)
Изъ горшка (дѣтей) млекомъ корми.
А не грудію своею
И не мерзостью твоею,
Но коровьимъ молокомъ

Для спокойствія о томъ.
Мать, отца ихъ (дѣтей) разлучати,
Купно жить не позволять,
По деревнямъ разгонять.
Вмѣстѣ будутъ проживати—
Ихъ дѣтей не отпѣвати
Не крестить всегда нигдѣ...
Вѣра наша (ѳедосѣевская) лучше всѣхъ
Въ чистотѣ, что въ насъ успѣхъ.
Ѳедосѣвы научили,
Вѣру дѣвства учредили,
Въ вѣрѣ нашей брака нѣтъ —
Будетъ знать хоть цѣлый свѣтъ...

№ 47.

По рукописи Московскаго Археологическаго Института, изъ собранія г. Загоскина. Стихъ называется: „Похвала дѣвственникомъ".

О дѣвственницы, невѣсты Христа Бога нашего,
Сына Божія Творца небеснаго.
Внимайте и слышите, какъ онъ ублажаетъ васъ:
Блаженни чистіи сердцемъ, яко тіи Бога узрятъ.
Блаженни соблюдшія тѣлеса своя чиста, не оскверненна
Одежды жениховы, сіи убо невѣсты Христовы.
О дѣвственницы, похвала Божія есте.
О дѣвственницы, красота небесная есте вы.
О дѣвственницы, ангеломъ есте подражатели.
О дѣвственницы, жители небеснаго града.
О дѣвственницы, собесѣдницы есте вышнимъ силамъ.
О дѣвственницы, церкви Божія есте вы.
О дѣвственницы, Духу Святому почивалище.
О дѣвыя, поклонницы есте святыя Троицы.
О дѣвственницы, невѣсты Христа всѣхъ царя и Бога.
О дѣвыя, царицы есте чистоты ради.
О дѣвственницы, домы Божіи есте.
Святый Іоаннъ Златоустый похваляя васъ глаголетъ;
Овогда дщерми васъ наричетъ.
Овогда чада Божія васъ именуетъ.
Овогда домъ Божій васъ сказуетъ.
Иногда солнце вы называетъ.
Овогда рай васъ наричетъ.
Иногда доброплодныя древеса васъ именуетъ,
Приносяще плоды, ово во 100, ово 60, ово же 30.
Овогда звѣзды пресвѣтлыя васъ называетъ.
Овогда небесный Сіонъ васъ сказуетъ.
Овогда дѣвами васъ именуетъ.
И есте правило дѣвству, ублажая васъ,

Чертогами Божіими называетъ,
И супругами Христовыми васъ причитаетъ.
О дѣвственницы, жертва жива и алтари Христовы,
Каменіе горняго Іерусалима.
О дѣвственницы, путники и ходатаи на небо.
О дѣвственницы, древесія райскія.
О дѣвственницы, твердыня Божія.
О дѣвственницы, огненное дыханіе имате къ Богу.
О дѣвственницы, наслѣдницы небесныя,
Ангеломъ подобницы бысте.
О дѣвственницы, похвала цѣломудрію.
О дѣвыя, равни серафимомъ,
Порожѣни быша отъ Святаго Духа.
О дѣвственницы, подобницы апостоломъ быша,
Пріемше пророчество исповѣдницы
Бываете жилище Святаго Духа.
Очищени отъ скверны, отъ демонъ непобѣдимы,
Отъ похоти воздержни.
О дѣвственницы, побѣдители діаволи,
И бѣсовъ прогонители.
О дѣвственницы, пшеница убо Царская,
Неимущая плевелъ, подобна многоцѣнному бисеру.
О дѣвыя, се мало здѣ потрудистеся на земли,
Праведно поживше, да на небеси отъ трудовъ
Своихъ въ покой во вѣки почіете.
Егда же восхощеши къ вѣчному
И безсмертному жениху взыти
И дѣвства его ради сохранити,
Тогда Христосъ тя яко дщерь любитъ,
И яко Господь о рабѣ промышляетъ,
И яко дѣву соблюдаетъ, и яко рая ограждаетъ;
И яко удъ объемлетъ, и яко о главѣ промышляетъ;
И яко вѣнецъ украшаетъ, и яко зеницу ока хранитъ;
И яко корень насаждаетъ, и яко основаніе держитъ;
И яко виноградъ хранитъ, отребляетъ,
И яко овча пасетъ пастырь,
И яко женихъ обручаетъ, и яко очистилище прощаетъ;
И яко женихъ въ добротѣ дѣвства соблюдаетъ;
И яко мужъ о женѣ щадѣніемъ промышляетъ,
Тако и Христосъ о душахъ ихъ о вѣрныхъ своихъ печется.
И милость свою надъ ними показуетъ.
Іоаннъ Златоустый пишетъ:
Аще мужъ и жена престанутъ отъ грѣха
И воздержатся отъ скверны блуда
И ложа своя Бога ради нескверна сохранятъ,
И сіи убо во истину нарицаются дѣвственницы
Воздержанія и добродѣтели ради,
Укрѣплены бо суть отъ Святаго Духа.
Писаніемъ святымъ увязавъ умъ свой по воли Божіей
Разумѣніемъ словъ на горѣ со агнцемъ 100 и 40 и 1000.

Сіи суть горняго Іерусалима жители.
Глаголетъ бо апостолъ: неоженивыйся печется,
Како угодити Господеви,
А оженивыйся печется, како угодити женѣ.
Господня печаль во царство ведетъ,
А женняя печаль въ муку влечетъ.
Богу нашему слава, нынѣ и присно
И вовѣки вѣкомъ. Аминь.

№ 48.

Θ. В. Ливановъ. Раскольники и острожники. Т. I, стр. 130; издан. 4, Спб. 1872. Этотъ стихъ представляетъ собою отзывъ Андреяна Сергѣева о послѣдствіяхъ „бракоборнаго“ ученія старообрядцевъ Θедосѣевскаго толка.

Фараонъ дѣтоубійца,
Иродъ злобный, кровопійца.
Грѣхъ тогда легчае былъ:
Мужескъ полъ одинъ убилъ;
Бракоборъ же (Θедосѣецъ) взаконяетъ
Оба пола умерщвляетъ.

№ 49.

Стихотвореніе это написано было кѣмъ то на надгробномъ камнѣ умершаго (15 авг. 1821 г.) настоятеля Московской Покровской Монинской молельни Гавріила Ларіонова Скачкова. Оно составлено по поводу возникшихъ послѣ смерти Скачкова споровъ объ употребленіи при бракосочетаніяхъ раскольниковъ написаннаго Скачковымъ „брачнаго канона“. Антипъ (Андреевъ), упоминаемый въ стихотвореніи, — преемникъ Скачкова по настоятельству Монинской молельней, умершій въ 1836 году. Мы заимствуемъ стихотвореніе изъ письма Захара Θедорова Бронина (зятя Скачкова) „о Церковномъ мирѣ“, начинающагося слѣдующимъ воззваніемъ: „Почтенное общество! Желаю пребывати въ единомысліи церковномъ. Какъ святымъ Θеодору и Θеофану еретики начертили на лицѣхъ ругательные стихи, такъ и вслѣдствіе вашего неосмотрительнаго отверженія брачнаго канона на камнѣ (могильномъ) ревностнаго защитника истины, покойнаго отца нашего, Гавріила (Ларіонова Скачкова), написали слѣдующее: (далѣе слѣдуетъ стихотвореніе).

Изъ Сборника Н. Попова: „Матеріалы для исторіи безпоповщинскихъ согласій въ Москвѣ: Θеодосіевцевъ Преображенскаго кладбища и поморцевъ Монинскаго согласія“. Москва 1870, стр. 97.

„О горько плачевны слухи,
Прислали ко мнѣ нечисты духи,
Яко бы новобрачный Канонъ у васъ оставленъ,
Или вы не видите, что Антипъ прославленъ?
У меня въ рукахъ брачны свѣщи и обѣты,
А вы моего ученія наги и раздѣты.
Увѣряетъ васъ мой портретъ,

Будете давать мнѣ отвѣтъ.
Послушай же, мой намѣстникъ, Антипо,
Тебѣ наше новое разумѣніе открыто.
Други, вамъ самимъ извѣстно,
Что хорошо жить ни какъ невмѣстно.
Почувствуйте, почувствуйте!—
Слушаемъ, слушаемъ".

№ 50.

Изъ книги Н. Попова „Матеріалы для исторіи безпоповщинскихъ согласій въ Москвѣ, Ѳеодосіевцевъ преображенскаго кладбища и поморцевъ монинскаго согласія". Москва 1870 г. стр. 172. Стихъ помѣченъ: „С. Петербургъ 13 октября 1836 года" и подписанъ именемъ „Андреяна Сергѣева"; онъ имѣетъ названіе: „Надгробная новожену".

Подъ камнемъ симъ лежитъ
Отличный человѣкъ:
Ни холостъ, ни женатъ
Онъ былъ во весь свой вѣкъ.
Святой иконой ихъ
Хотя благословляли,
Во скверности ложить
Святыней покрывали.
Онъ звалъ жену свою
Хозяйкою всегда,
Законною-жь женой
По Вѣрѣ никогда.
Любовника отцы,
Пѣвцы что отпѣвали,
Съ любовницей его
Друзья здѣсь провожали.

№ 51.

Лѣтоп. р. лит. и др., 1863 г., т. 5, отд. III, стр. 83–84. Стихъ сообщенъ А. С. Павловымъ, который получилъ его изъ Сибири, отъ учителя Томской гимназіи Д. Л. Кузнецова.

А вы гой еси, ангеля крылаты!
Вы небесной рай намъ отверзайте,
А вы праведныя души пропущайте,
А вы грѣшныя души задержайте!
А котора душа тяжко согрѣшила—
Въ утробѣ младенца погубила,
Ей не будетъ во вѣкъ прощенья,
На второмъ суду не бывати,
Самово Христа въ очи не видати!

№ 52.

Сборникъ Варенцова, стр. 187—188. Стихъ напечатанъ съ помѣткою: „Отъ пр. А. С. Павлова“ и—названіемъ: „Пѣсня послѣдователей Петрова крещенія и другихъ сектъ“.

Кто Бога боится, тотъ въ церковь не ходитъ,
Съ попами, дьяками хлѣбъ—соль не водитъ,
Къ Богу съ покаяніемъ часто прибѣгаетъ.
Стой-ка съ покаяніемъ предъ Святымъ Спасомъ:
Обрадованъ будешь архангельскимъ гласомъ:
Лягъ-ка съ рабой Божіей съ Христовой любовью:
Причаститъ тебя Ангелъ Христовою кровью.
Кайся-ка поутру, встань-ка въ умиленьи:
Получишь отъ Спаса Петрово крещенье.
Кайся съ воздыханьемъ, запершися въ клѣти,—
Избавленъ ты будешь діавольской сѣти.
Самъ Спасъ исповѣдникъ, самъ Спасъ и причастникъ,
Въ Христовой любви праздникомъ есть праздникъ.

Отдѣлъ 3-й.

Стихи сатирическаго характера, въ насмѣшливо-ѣдкомъ тонѣ обличающіе недостатки жизни, обычаи, гражданскіе порядки и всякаго рода „новшества“, укоренившіяся въ православномъ обществѣ, и—недостатки жизни старообрядческаго міра.

№ 53.

Лѣтоп. р. лит. и древн., 1863 г., т. 5, отд. III, стр. 42—43. Стихъ напечатанъ съ помѣткою редакціи: „изъ раскольнической тетрадки настоящаго столѣтія“ и—названіемъ: „Раскольничья сатира прошлаго вѣка“.

Пышность нынѣшняго время
Оставляетъ при крещеніи данное человѣку бремя;
Днесь исполняется пророческое пророченіе
И философское разсужденіе:
Нынѣ мало кто тщится Богу угодить,
А болѣе любятъ въ весельѣ пожить.
А особливо на держащихся новыя вѣры
Могу показать многіе примѣры:
Потому что молодой человѣкъ тщится щепетко ходить
И одежду по нѣмецки носить:
На шеѣ чтобъ были подвязаны косынка или платокъ,
И на головѣ чтобъ былъ зачесанъ хохолъ на одинъ бокъ,
Еще чтобъ были панталоны, капотъ, жилетъ и сапоги смазные,
Пуховая шляпа, фракъ, сертукъ и перчатки бѣлявые,
Если же еще положить въ карманъ часы,
То какой еще лутче этой красы?
А совершеннолѣтній старается чище бороду обрить,
И еще туто-жъ многіе любятъ табакомъ носъ набить.
Да говорятъ, что табакъ употреблять грѣшно,
А у насъ давно въ моду взошло.
Естли жь сбросить лѣность, что не хочется писать,
То еще можно нѣсколько о духовномъ дѣлѣ показать:
Во первыхъ пѣвчіе имѣютъ за службою камартонъ
Для того, что они съ него берутъ запѣвательный тонъ;
Ежели жь поютъ, то руками махаютъ,
Потому что чрезъ сіе тактъ пѣнія наблюдаютъ;
И каждый изъ нихъ притопываетъ ногою,
Яко же Исаакій Далматскій предъ сатаною;
За обѣдней напереди женщины или дѣвушки стоятъ,
На которыхъ больше иконъ люди глядятъ,
Ибо у нихъ груди почти совсѣмъ наружѣ;
Но что сего Богу противнѣе и хуже?
Потому что ихъ больше Бога почитаютъ,
А именно которые съ вожделѣніемъ прилежно взираютъ—

Но какая жъ тутъ Богу воздается честь?
Ей ей, друзья, воистину нѣсть!
Теперь посмотримъ на ихъ молитву,
Или, лучше сказать, на удобную ко грѣху ловитву:
Ибо онѣ стоятъ, оттопыря ногу,
И не по подобію молятся Богу:
Крестятся — около рта мотаютъ,
На подобіе, какъ на балалайкѣ играютъ,
Если жъ которая вздумаетъ по ниже поклониться,
И опять раздумаетъ, чтобы чрезъ сіе не посрамиться
И не уподобиться бы деревенскому мужику —
Неученому дураку.
Случается кто кого спроситъ: „что то я васъ за обѣдней не видалъ?“
На что и отвѣтствуетъ: „да я и не бывалъ,
Потому что мнѣ поликмахера не пришлось у себя застать,
И такъ некому было голову убрать“.
Естли же кто божественную книгу имѣетъ,
Станетъ читать и въ ней мало разумѣетъ:
Сейчасъ ее сложитъ и на свое мѣсто положитъ,
Скажетъ про себя: „О! мнѣ не до тебя;
Я вѣдь не монахъ, живу въ мірскихъ суетахъ
У меня есть Адская Почта, исторіи и Арабскія Сказки,
Которыя научатъ, какъ показать обхожденія и ласки“.
Словомъ сказать, что не имѣютъ въ домѣ ладона и кадила,
А имѣютъ табашныя курила,
И всѣ утверждаютъ,
Будто бы отъ ладона кинарейки умираютъ,
А отъ табаку весело воспѣваютъ;
И говорятъ, что академисты всѣ табакъ употребляютъ
И намъ не возбраняютъ.
Изъ такихъ многіе говорятъ: „какъ придутъ къ намъ послѣдніе вѣки,
Будутъ жить въ растлѣнномъ житіи человѣки“.

№ 54.

Костромск. Епарх. Вѣдом., 1901 г., № 23, стр. 651—653. Въ статьѣ Іоанна Иванова: „Соблазнительное поведеніе многихъ православныхъ мірянъ и членовъ духовенства, какъ одно изъ препятствій къ обращенію раскольниковъ и сектантовъ въ православіе“. Стихъ называется: „Стихъ о усердныхъ и первыхъ прихожанахъ въ великороссійскую церковь и о ихъ учителяхъ“.

„Кто несмысленъ, какъ скотина,
И имѣетъ нравъ звѣрей,
Въ томъ нечестія вся тина,
Нѣтъ евангельскихъ дверей.
„Кои всѣхъ животовъ свирѣпыхъ
Дерзостью нрава превзошли

И обычаи всѣ нелѣпые
Явно въ церковь привнесли,
„Тутъ тотъ вѣрной христіянинъ,
Не имѣетъ кто власовъ,
И остригся, какъ поганинъ,
И стоятъ, какъ у бѣсовъ.
„И тотъ тутъ первый христіянинъ.
Кто обрилъ себѣ браду,
Обругался какъ латынинъ,
И это дѣло всѣмъ въ виду.
„Эвти глаженые люди
Къ тайнамъ ходятъ—не рѣдятъ,
А всегда ли чистъ онъ будетъ,
О томъ ни мало не радятъ...
„Церковь мать ихъ пріемлетъ,
Тѣхъ всѣхъ вѣрныехъ людей,
Яко чадовъ всѣхъ объемлетъ,
Всѣхъ богатыхъ и судей.
„А кто добрыхъ всѣхъ лишившись,
Тотъ и вѣренъ есть для тѣхъ,
Табакъ курити научившись,
Православнѣе тотъ всѣхъ.
„Табаку съ собою взявши,
Въ храмъ молитвенной пойдутъ,
На колѣну тамъ припадши,
Славу Богу воздадутъ.
„Какъ придутъ въ храмъ помолиться
Тѣ злосмрадные козлы,
Табакомъ воня явится,
Гдѣ стоятъ тутъ тѣ ослы.
„Тутъ и женской полъ явится
Со развитымъ волосамъ,
Отъ коихъ весь вредъ родится,
Въ тѣхъ жилище есть бѣсамъ.
„Нѣтъ различья женъ съ мужами
Ради вида волосовъ,
Не стыдятся предъ мужами
Обнажить всѣхъ волосовъ.
„Съ сатанинскими приборы
Дамы съ модами придутъ,
И различными уборы
Иноземцевъ превзойдутъ.
„Кто похулитъ праву вѣру,
Тотъ имъ вѣрный и слуга.
Кто безчиненъ есть безъ мѣры,
Тотъ и слѣдуетъ туда.
„Кто отецъ святыхъ ревнитель
Ихъ преданію всегда,
Отъ Никоновыхъ любитель
Такой хулимъ завсегда...

„Все ихъ дѣло и правленіе
Стару вѣру нарушать,
Только въ томъ и утѣшеніе—
Табакомъ носъ забивать.
„Въ томъ ихъ подвиги и мѣры—
Нарушать святыхъ посты,
Тѣ учители лицемѣры,
Одна рѣчь, однѣ хвосты.
„Нарушить святыхъ прѣданье
Не имѣти въ томъ бѣды,
Ради Спаса тѣхъ страданья
Потерять ихъ и слѣды...
„Всѣ ученія тамъ новы,
Нѣтъ тамъ древности слѣда.
Всѣмъ чинамъ тамъ перемѣна,
Какъ не быть у нихъ вреда?

№ 55.

Русская Мысль 1881 г., кн. I, стр. 314, статья А. С. Пругавина. „Значеніе сектантства въ русской народной жизни"; стихъ взятъ изъ статьи Вескинскаго: „Странники или бѣгуны въ русскомъ расколѣ", Православный Собесѣдникъ.
Эта интересная челобитная сохранилась, къ сожалѣнію, только въ приводимомъ отрывкѣ. Полный текстъ ея не отысканъ.

Всепресвѣтлѣйшій и милостивый Творецъ,
Создатель небесныхъ и словесныхъ овецъ!
Проснмъ мы слезно, нижайшія твари,
Однодворцы и экономическіе крестьяне,
О чемъ, тому слѣдуютъ пункты:
1) Не было въ сердцахъ нашихъ болѣсти,
Когда не раздѣлены были мы на волости;
И всякому крестьянину была свобода,
Когда управлялъ нами воевода,
Тогда съ каждаго жила
По копѣйкѣ съ души выходило.
2) А какъ извѣстно всему свѣту,
Что отъ исправника и секретаря житья нѣту,
По наукѣ ихъ, головы и сотскіе—воры,
Поминутно дѣлаютъ поборы,
Поступаютъ съ нами безчеловѣчно,
Чего не слыхать было вѣчно.
Прежде тиранили, ненавидя Христовой вѣры,
А сіи мучатъ, какъ не дашь денегъ или овса мѣры.
Всѣ наши прибытки и доходы
Потребляютъ земскому суду на расходы.
3) Суди насъ, Владыко, по человѣчеству,
Какіе же слуги будемъ мы отечеству?
До крайности дошли, что нечѣмъ и одѣться,

Въ большіе праздники и разговѣться.
Работаемъ, трудимся до поту лица,
А не съѣдимъ въ Христовъ день куринаго яйца;
Ядимъ мякину, обще съ лошадьми...
А какъ придетъ весна,
То жены наши начнутъ ткать красна
Исправнику, секретарю и приказнымъ;
Съ каждаго домишку
Берутъ по полпуду льнишку,
И сверхъ того для своей чести
Собираютъ по полфунту овечьей шерсти;
Даже со двора по мотку нитокъ,
Каковъ бы ни былъ нашъ пожитокъ.
И какъ они въѣзжаютъ,
То плутъ—десятскій съ сотскимъ изъ дому всѣхъ выгоняютъ,
А тѣхъ только оставляютъ, которыя помоложе.
Да ужъ и говорить о томъ непригоже!
Пріѣзды ихъ весьма для насъ обидные,
Тебѣ, Владыко нашъ, Самому очень видные.
Просимъ мы тебя слезно, простирая руки,—
Какъ нынѣ страждутъ адамовы внуки,
Отъ властителей такихъ велика намъ бѣда—
Избавь насъ, Господи, отъ земскаго суда.

№ 56.

Ѳ. В. Ливановъ. Раскольники и острожники, т. I, стр. 234 и дал.; Спб., издан. 4-е, 1872 г. Краткій варіантъ этого стиха, подъ названіемъ: „Справедливая критика на табакъ", напечатанъ проф. Н. И. Субботинымъ въ Лѣтописяхъ русской литер. и древностей за 1863 г., т. 5, отд. III „смѣсь". Отмѣчаемъ подъ строкою разночтенія редакціи стиха, напечатаннаго Н. И. Субботинымъ.

Вельзевулъ, бѣсовскій князь съ рогами [1]),
Съ хвостомъ и опаленными крылами,
Презлой враждебникъ душъ и лжеотецъ,
Предвидя міру нашему конецъ
И убоясь горѣть одинъ въ геенне вѣчной,
Умыслилъ грѣхъ ввести безчеловѣчный.
Онъ думалъ въ адѣ тысячу годовъ:
Какой бы ископать глубокій ровъ,

---

[1]) Вмѣсто первыхъ 16-ти строфъ стихъ имѣетъ такое начало:
„Враждебникъ нашихъ душъ и лжи отецъ
Предвидѣлъ вѣка близкій конецъ.
Страшась горѣть въ геенне безконечной,
Умыслилъ грѣхъ ввести безчеловѣчной
И въ тартарѣ зубами заскрипѣлъ,
Какъ левъ, разверзши челюсти, взревѣлъ:
Коль горестно душа моя томится"...

И коимъ бы грѣхомъ могъ міръ весь погубить,
Душами грѣшными полнѣе адъ набить?
И въ тартарѣ зубами скрежеталъ.
Какъ левъ, разверзши челюсти рыкалъ,
Ревѣлъ; всѣ адски зданія трещали,
Отъ страха легіоны трепетали.
Съ лютѣйшею досадою онъ рекъ:
„По что крушусь, страдаю цѣлый вѣкъ?
„Ахъ! горестно душѣ моей томиться,
„Что ѳиміамъ Мессіи лишь курится.
„По что распятый Онъ Маріинъ сынъ
„Пріемлетъ днѣсь почтеніе одинъ?
„Я зрю: хотя уже развратенъ свѣтъ,
„Но мнѣ благоуханной жертвы нѣтъ.
„Уже я скверны моды издавалъ.
„Училъ піянству, драки воздвигалъ;
„Но все душа моя не насытилась,
„И новое желаніе явилось.
„Сердце какъ огонь горитъ [1]),
„И тѣми жертвами я все еще не сытъ.
„Пущай издамъ на свѣтъ отличну моду,
„Дай отниму молитвенну свободу,
„Отмстить Мессіи выдумкой хощу [2]),
„Чѣмъ рану нестерпиму излечу [3]).
. . . . . .
. . . . . .
Изрекъ сіе и безъ вѣсти пропалъ,
Какъ-будто въ адѣ у себя онъ вѣчно не бывалъ, —
Въ бездонный тартаръ шумно опустился
И въ размышленіе презлое погрузился,
И долго думалъ тамъ: какой бы грѣхъ
Противить Бога могъ поспѣшнѣй всѣхъ? [4])
Оттуда долго бѣсы его ждали,
И скрылся онъ зачѣмъ, того не знали.
Ну, и выдумалъ же тамъ сей адскій асмодей
Препагубнѣйшій грѣхъ для всѣхъ людей.
Что жъ выдумалъ премерзко утѣшенье
И не раскаянно всѣмъ людямъ прегрѣшенье....[5])

---

[1]) Вмѣсто этой строфы: „Еще вновь сердце во мнѣ горитъ,
Я тѣми жертвами весьма не сытъ“.
[2]) Вмѣсто этой строфы: „Прелестно ремесло подать хочу“.
[3]) Послѣ этого стиха имѣются слѣдующіе:
„Пилатъ, что на Голгофѣ водрузилъ,
Тѣмъ древомъ сердце мое пронзилъ.
Страдалъ ей тысячу и больше лѣтъ,
Погибъ мой умъ, къ лечьбѣ надежды нѣтъ“.
[4]) Вмѣсто этой и четырехъ слѣдующихъ строфъ:
„Поспѣшней могъ прогнѣвать Бога всѣхъ.
Оттолѣ долго бѣси ожидали,
Почто же скрылся, всѣ того не знали“.
[5]) „ „На нераскаянное прегрѣшенье“.

И вдругъ изъ тартара какъ огнь явился
И съ радостью въ челѣ[1]) на тронѣ очутился.
Немедленно начальство тьмы собралъ
И планъ обдуманный имъ скоро разсказалъ.
Увы![2]) кричали всѣ, чѣмъ честь явили,
И всѣ полки знамена преклонили.
Тутъ Вельзевулъ далъ князю тьмы такое приказанье:
Достать травы, чтобъ приложить старанье,
Послать за табакомъ, гдѣ бралъ Веспуцый.
Сейчасъ и полетѣлъ бѣсъ куцый,
Слуга на зло послушный и ретивый
И хватъ къ дѣламъ, непромахъ, торопливый,
Какъ молнія въ Америку слеталъ.[3])
Еще принесъ вязанку онъ кореньевъ
Для смрадныхъ, мерзкихъ трубочныхъ куреньевъ.
Все это Вельзевулъ велѣлъ смолоть, подправить,[4])
И когда бѣсъ мололъ, то въ тотъ горшокъ,
Подсыпалъ дьяволъ адскій порошокъ,[5])
Чтобъ всѣхъ всегда манилъ и привлекалъ
И въ вѣкъ бы адской силы не терялъ...
Размолотый табакъ, приманчивый, куражный,[6])
Навѣкъ волшебной силою преважный
Князь тьмы сперва отпробовать изволилъ самъ,[7])
Потомъ велѣлъ подать его и всѣмъ бѣсамъ.
И вотъ съ него тогда развеселились,
Играли, прыгали, какъ будто всѣ взбѣсились;
Безъ рома, безъ шампанскаго вина,[8])
Толпа бѣсовъ куражна и пьяна:
Пошли веселья пляски, ликованье,
Такъ точно, какъ у пьяницъ въ собраньѣ;
Какъ въ рощѣ Марьиной, иль въ маскарадѣ,
Куражились такъ бѣсы всѣ во адѣ.
Табакъ всѣ нюхали и поздравлялись,
Другъ съ другомъ всѣ по братски обнимались —
И громко всѣ: виватъ! ура! кричали,
За выдумку почтенье отдавали.
Но сильно новостью тутъ Вельзевулъ занялся[9])
И всею силою зло вымыслить старался.

---

[1]) Словъ: „въ челѣ“ нѣтъ.
[2]) Вмѣсто „Увы!“—„Ура!“
[3]) Послѣ этого: „Съ папушами діаволу предсталъ“. Слѣдующихъ двухъ стиховъ нѣтъ.
[4]) Вмѣсто этой строфы: „А онъ его велѣлъ смолоть, подправить,
Но чтобъ покрѣпче былъ, велѣлъ золы подбавить“.
[5]) Слѣдующихъ двухъ строфъ нѣтъ.
[6]) Вмѣсто этой строфы: „Разъѣмистый, приманчивый, куражный“.
[7]) „ „ „Князь тьмы сперва отпробовалъ самъ,
Потомъ начальникамъ и всѣмъ бѣсамъ“.
[8]) Этой и слѣдующихъ 7-ми строфъ нѣтъ.
[9]) Эта строфа: „Тутъ новостью Вельзевулъ занялся“.

Желаемый предметъ [1]) чтобъ получить,
Бѣсовской прихоти людей чтобъ научить, [2])
Послалъ бѣсовъ къ развратному народу,
Чтобъ научить и выпустить всѣмъ моду:
Какъ нюхать въ носъ табакъ и въ чемъ его хранить,
Какъ трубки работать и какъ табакъ курить. [3])
. . . . . .
. . . . . .
И чтобъ скорѣй табакъ всѣ полюбили,
Отвергли Божій страхъ и Бога позабыли, [4])
Важнѣй всего къ концу привесть успѣхъ,
Порожнимъ носъ не былъ бы чтобъ у всѣхъ, [5])
И чтобъ нельзя было молитвы сотворить,—
Всѣхъ научили бы ртомъ трубки закурить. [6])
Но для такой бѣсовской моды новой
Во адѣ трубки не было готовой.
Тогда дьяволъ на вѣчную насмѣшку, [7])
Изъ ада вытащилъ горящу головешку,
Сперва чубукъ съ аршинъ къ ней прикрѣпилъ,
Потомъ и табакомъ всю крѣпко начинилъ; [8])
Послѣ того придумалъ бѣсъ коварный
У чубука конецъ для рта янтарный;
Потомъ придумалъ въ хитрости единой
У чубука извить конецъ, какъ хвостъ змѣиный;
Затѣмъ велѣлъ, чтобъ бѣсъ больнымъ тутъ притворился
И хитрымъ бы обманщикомъ явился:
Чтобъ взявши въ ротъ чубукъ, по улицамъ ходилъ,
Держа кисетъ въ рукахъ, табакъ вездѣ курилъ,
Кто ни спросилъ бы: что ты дѣлаешь такое?
„Лечусь, чтобъ отвѣчалъ,—се есть лекарство дорогое“.
— Но гдѣ ты, скажутъ, взялъ толь странное лекарство?—
Скажи: „Ходилъ за море въ дальне царство —
„Божуся княземъ, что адомъ управляетъ, [9])
„И коего могущество весь миръ пугаетъ.—
„Клянусь! берусь я крѣпко за него,
„Кури! ты здравый будешь отъ него;
„Табакъ курить и нюхать въ носъ способно,
„Всегда оно для каждаго пригодно,
„Табакъ тебѣ неложный есть цѣлитель,

---

[1]) „ „ „Желаемый успѣхъ“...
[2]) „ „ „Бѣсовской прихоти всѣхъ обучить“.
[3]) Послѣ этого: „Вдругъ табакерки выдумать не могъ,
То сатана велѣлъ насыпать въ рогъ“.
[4]) Эта строфа: „Отвергли Божій страхъ и адъ забыли“.
[5]) „ „ „И не былъ бы порожній носъ у всѣхъ“.
[6]) „ „ „Всѣхъ научили трубки ртомъ курить“.
[7]) „Діаволъ далъ на вѣчную посмѣшку“.
[8]) Слѣдующихъ четырехъ строфъ нѣтъ.
[9]) Вмѣсто этой и слѣдующей строфъ:
„Божусь Царемъ, кой міръ весь покоряетъ,
Его держава царства устрашаетъ“.

„А я наставникъ твой и вѣчный покровитель;
„Кто нюхаетъ, хоть юнъ, хоть во сто лѣтъ,
„Бываетъ здравъ, уменъ и скуки нѣтъ;
„И въ горѣ кто, онъ тѣхъ увеселяетъ,
„И всякую болѣзнь онъ вскорѣ исцѣляетъ". [1])
Вотъ какъ князь тьмы, правитель всей геены,
Пустилъ куренье въ ходъ по всей вселенной. [2])
Коль злой обманъ придумалъ сатана!
Всѣ мнятъ: утѣха въ боли намъ дана.
Опомнись ты, табачникъ грѣховодникъ...
Ужель нашъ Богъ грѣху виновникъ?
Въ дни міросданія Творецъ, Богъ всѣхъ, [3])
Ни что не сотворилъ для злыхъ потѣхъ,
Хотя жъ и произвелъ сіе творенье,
Уже ль на грѣхъ и скверно утѣшенье?
Увы! вездѣ умножился табакъ,
И безъ него не могутъ жить никакъ...
Друзья! возрите въ путь протекшихъ лѣтъ:
Стоялъ и безъ забавъ бѣсовскихъ свѣтъ.
Бывали встарь военны полководцы,
Судьи, князья и мудры мореходцы;
Бывали князи сильны, патріоты, [4])
Любили пить, имѣли къ роскошамъ охоты; [5])
Немало бывало эллинскихъ софистовъ,
Зѣло ученѣйшихъ академистовъ:—
Изъ нихъ хотя и грѣшенъ кто бывалъ,
Но табака сего никто не зналъ! [6])
Днѣсь онъ вездѣ, и паче же всего
Кто до свѣта хоть всталъ, то тотчасъ за него.
Коль злы вошли премерзкія забавы: [7])
Игрушка сатаны [8]), душамъ отравы!
Вездѣ въ чести пресмрадный сей табакъ,
Губитель душъ есть адскій сей мышьякъ.
Американская сія чума [9])
Лишила міръ духовнаго ума...
Въ немъ кроется магическая сила,

---

[1]) Вмѣсто этой строфы: „И боленъ чѣмъ, все вскорѣ исцѣляетъ".
[2]) „ „ „Пустилъ се ремесло по всей вселенной".
[3]) Эта строфа: „Въ дни міросданія Создатель всѣхъ"...
[4]) „ „ „Тогда бывали крезы-патріоты"...
[5]) Вмѣсто слѣдующихъ двухъ строфъ:
„Бывали пресвященные владыки
И силою ума зѣло велики".
[6]) Слѣдующихъ двухъ строфъ нѣтъ.
[7]) Вмѣсто этой строфы: „Вотъ такъ примерзкая вошла забава"...
[8]) „Игрушка дьявольска"... Слѣдующихъ за этимъ двухъ стиховъ нѣтъ.
[9]) Вмѣсто этой строфы:
„Какъ море разлилась сія чума,
Лишился міръ...."

Которая, какъ бездною морской, людей всѣхъ поглотила. [1])
Какъ злой халдейскій чародѣй,
Привлекъ табакъ навѣкъ къ себѣ людей: [2])
Волшебно дѣйствіе въ себѣ являетъ,—
Кто нюхаетъ его, по смерть не покидаетъ [3]).
И что приманчивѣй на свѣтѣ такъ,
Какъ мерзкій сей пресмраднѣйшій табакъ?
Кой грѣхъ душѣ вредительнѣй природѣ,
Лютѣй чумы свирѣпствуетъ табакъ въ народѣ.
Колико протекло ужъ тысячъ лѣтъ,
И наконецъ бѣсъ издалъ прихоть въ свѣтъ, [4])
Коль зло пристрастіе, и зрѣть то слезно —
Любитель табака кричитъ свое: полезно!
Хотя на пользу намъ онъ сотворенъ,
Но въ беззаконіе употребленъ.
Ничто иное есть трава сія табакъ,
Какъ американскихъ странъ природный злакъ.
Онъ горекъ, какъ полынь: и всякъ курящій
Воняетъ такъ, какъ трупъ гнилой, смердящій;
Любимая вседневно жертва бѣсу,
Погибель вѣрная, хоть безъ корысти и интересу.
. . . . . .
. . . . . .
Табакъ змѣиный ядъ и смерти жало,
Въ геенѣ погрузилъ онъ и пожегъ не мало.
Табакъ табачникамъ зловредная стихія;
Коль не помрутъ, то будутъ всѣ больные.
Онъ усыпляющій зло—опіумъ,
Заснуть въ грѣхахъ приводитъ добрый умъ.
Теперь разставлена всѣмъ сѣть бѣсами;
Ихъ ловятъ всѣхъ, какъ зайцевъ тенетами.
Почто жъ въ странѣ одной табакъ Богъ сотворилъ?
Досель о семъ никто не изъяснилъ.
И Америку пока не обрѣтали,
Дотоль его народы всѣ не знали;
Лелѣялъ же его одинъ климатъ.
Не нюхали—и не былъ онъ проклятъ.
Въ послѣднее жъ престранно время
То душевредное и злое сѣмя
Вездѣ рождаетъ щедрая природа
Для прихотей роскошнаго народа.
Ну, разсудите мудро, здраво всякъ:
Уже ль для носа сотворенъ сей злакъ!
И вотъ всѣ люди хвалятъ, превозносятъ,

---

[1]) Вмѣсто этой строфы: „Какъ талисманомъ міръ обворожила“.
[2]) „ „Вовлекъ и пріучилъ къ себѣ людей“.
[3]) „ „Понюхай, какъ магнитомъ привлекаетъ“. Слѣдующихъ четырехъ строфъ нѣтъ.
[4]) Этимъ „Справедливая критика на табакъ“ оканчивается по варіанту Н. И. Субботина.

Изобрѣтателю всѣ честь приносятъ;
Вездѣ въ міру табакъ какъ польза блещетъ,
Въ сердца губительны перуны мещетъ.
Не тѣмъ ли скверный онъ полезенъ,
Что по пристрастію для всѣхъ любезенъ?
Бѣсовскій сей таинственный магнитъ
Носамъ царей, вельможъ ужъ льститъ...
Теперь ужъ табакомъ, какъ видимъ мы,
Занялись многіе ученые умы,—
А вслѣдъ за ними по пятамъ
Легко погрязнуть въ тартарѣ и намъ.
Дивлюсь я вамъ зѣло, табакофилы:
Скажите про его цѣлебны силы?
Отъ жалости къ грѣху сему, дерзаю —
На сцену васъ ученыхъ вызываю:
Скажите мнѣ вы только мудрецы,
Иль вы вожди, священные отцы:
Вамъ мудрости ключи поручены,
Вы должному людей учить посвящены,—
Кто исцѣлился табакомъ въ припадкѣ
Иль выздоровѣть успѣлъ отъ лихорадки?
Кто отъ чахотки исцѣлился
И вожделенной жизнью обновился?
Когда табакъ въ Россіи не бывалъ,
Уже ль народъ безъ время умиралъ?
По простотѣ своей какъ табаку не знали,
Уже ль больны въ постелѣ всѣ лежали?
И если правда, что вышній Творецъ
Произрастилъ его на тотъ конецъ,
Дабы болѣзни всяки исцѣлялъ,
Веселья бъ даровалъ, мокроты изсушалъ,
Чтобъ табакомъ болѣзни всѣ цѣлились,
То какъ Юпитеру бъ тогда всѣ поклонились?
Коль вѣрно бы цѣльбу имъ получали,
То вѣрно лекарямъ во всемъ недокучали?..
Напрасно собрана тогда лекарствъ аптека,
Когда и табакъ отъ болей лечитъ человѣка.
Ахъ! ахъ! что вѣдь я болтаю
И изъ границъ ума ужъ выступаю!
Нѣтъ! мы должны благодарить природу,
Что дала цѣлительный табакъ народу,
Который всѣхъ въ болѣзняхъ здравіемъ даритъ;
И въ горѣ другъ, и въ скукѣ веселитъ.
Не такъ лишь скоро имъ исцѣлѣваютъ,
И скоро отъ него весь духъ свой испускаютъ.
Но всѣ твердя напрасно: „ахъ!“ табакъ бранятъ:
Онъ любъ, хорошъ, молольщикъ виноватъ.
Полезенъ злакъ, да мелетъ кто? уродъ!
И какъ онъ можетъ пользовать народъ?
Вотъ мальчикъ кто: или солдатъ старикъ —

Что взять на нихъ?—иль сущій пень мужикъ.

. . . . . .

. . . . . .

Пойми, чудакъ, не отъ того онъ плохъ,
Но искони его лишилъ даровъ всемудрый Богъ.
Клянусь, въ немъ пользы нѣтъ вѣдь никакой
Кромѣ потѣхи лишь бѣсовской злой.
Воззри жъ, мудрецъ въ протекшія лѣта,
И явится о табакѣ вся правда безъ отвѣта.
Во время злобной язвы моровой
Больнымъ не дѣлалъ пользы онъ собой;
Когда жъ холерой Богъ свой гнѣвъ являлъ,
Тогда табакъ ничуть не помогалъ:
Хотя кто нюхалъ въ носъ, а кто курилъ,
Но помощи никто не получилъ.
Вотъ нынѣ всѣ курятъ и носъ душатъ,
Болѣзней же нимало не тушатъ.
Коль въ мірѣ пользой онъ явился,
То отъ подагры, напримѣръ, хоть кто имъ исцѣлился?
Кто трудится, кричитъ, всю ночь не засыпаетъ,
Тотъ нюханьемъ лишь сонъ свой прогоняетъ,
И въ семъ не вижу пользы превеликой—
Весь сонъ легко прогнать и чемерикой.
Отъ ней и прочихаешься и протрезвишься
Сейчасъ, какъ будто вновь переродишься.
Я вѣрю: табакъ есть Божіе творенье, —
Тогда кроши въ уху иль щи и листья и коренья,
Имъ посыпай похлебку вмѣсто перца
Для очищенія отъ кашля, болей сердца.
Коль будешь ѣсть его во щахъ или сухой,
То нѣтъ грѣха, проклятія долой —
И не поступитъ онъ въ такое званье,
А нюхать въ носъ—бѣсовъ очарованье.
Коль онъ не ядъ, то пей его вмѣсто чая —
Пусть рвота хоть пройметъ тебя тогда лихая.
Дерзнетъ ли кто сказать хулу на нищу,
Коль данъ табакъ богатому и нищу?
Проникни, виждь, о терпѣливый Боже!
Всѣ беззаконія сіи на что похожи?
Носъ даровалъ ты запахъ обонять,
Не табакомъ же тертымъ набивать,
А люди неестественно всѣ поступаютъ
И поминутно табакомъ носы ихъ наполняютъ.
Да! выкинулъ же бѣсъ новую фигуру.
Хоть всякій злакъ на службу Богъ создалъ,
А въ носъ всыпать табакъ не приказалъ.

. . . . . .

Услышъ, вздрогни, табачникъ, и внемли:
Творишь не бывшій грѣхъ на всей земли;
Пройди исторію всѣхъ странъ, вѣковъ,

Прочти всю миѳологію боговъ,—
Увидишь, что табакъ у нихъ не прославлялся,
Имъ изъ боговъ никто не забавлялся!
Дай осѣдлаю быстраго Пегаса
И съѣзжу до высокаго Парнасса
Тамъ не найду ли трубки съ чубукомъ.
Иль табакерочки забытой съ табакомъ.
Недавно можетъ боги въ ссорѣ были
И трубку и кисетъ сронили.
Оттуда ѣду, мнѣ встрѣтился поэтъ:
Видалъ, сказалъ, чудесъ тамъ тьмы, а трубокъ нѣтъ.
И правда: хоть на Парнасѣ боги были,
Но табаку не нюхали и не курили;
Искусный врачевства богъ Апполонъ
Не изобрѣлъ ли бы куренье онъ?
Коль пользу къ здравію въ немъ увидалъ,
Въ край свѣта бъ купидона сослалъ.
Древнѣйшій медикъ, славный Иппократъ
Искуснѣйшій, но паче всѣхъ стократъ
Онъ тонко свойство травъ всѣхъ изучалъ,
Изъ нихъ аптеку дивную собралъ,
Въ наукѣ весь свой вѣкъ препроводилъ,
Но въ табакѣ и онъ добра не находилъ:
И ни обрѣтши въ немъ ни пользы, ни веселья,
Почелъ его за сущее бездѣлье...
Египетской земли вседревніе народы—
У нихъ боговъ имѣлись огороды
Насажены, и въ весну выростали,
А табаку они не засѣвали.
Когда бъ табакъ явился тамъ какъ нова тварь,
Сейчасъ ему воздвигли бы алтарь,
И благовоніе когда бъ въ немъ находили,
Съ рогами Апису тогда бы имъ кадили:
По горькости и злому смраду,
Считали бъ дымъ сей злой подобнымъ аду.
Когда же пирамиды создавали,
Сей злакъ бы зодчимъ въ пищу раздавали.
Египтяне охочи были для приправъ,
Они приготовляли все изъ травъ
По уложенью той земли законовъ,
Тамъ травъ имѣлося до триста миліоновъ,
Родились тамъ: чеснокъ, морковь, салатъ,
Петрушка, лукъ, капуста и шпинатъ,
Все множество всѣхъ травъ и пустарнакъ,
Но слуху нѣтъ: родился ль тамъ табакъ!
Какъ беззаконенъ не былъ Вавилонъ,
А нюхать и курить не выдумалъ и онъ.
Въ немъ роскошь всяка находилась,
Сія же мерзость и въ ономъ не открылась.
Царь Александръ, сей обладатель свѣтомъ,

И онъ не занимался трубкой и кисетомъ.
Сей государь все воинство свое любилъ,
Тѣхъ жаловалъ, тѣхъ золотомъ дарилъ...
Квинтъ Курцій же сего не написалъ,
Что воинамъ табакъ онъ выдавалъ.
Есть люди съ локоть именемъ пигмеи,
Ихъ обижаютъ журавли и змѣи;
Коль змѣи гдѣ всѣ въ клубъ совьются,
Тогда пигмеи всѣ полкомъ сберутся,
Вкругъ змѣй табакъ сей раскладутъ,
Зажгутъ его и змѣевъ тамъ пожгутъ...
Воззри съ высотъ и виждь, Царю Небесный,
Вотъ что творитъ поклоникъ твой тѣлесный!
Ты на хвалу его создалъ и славу,
А бѣсъ вручилъ ему табачную забаву...
Его Ты малымъ чѣмъ отъ ангеловъ умалилъ,
А бѣсъ и нюхать и курить его заставилъ!
Когда творилъ его, то та ли воля у Тебя была,
И ноздри твари сей на то ль она дала?
Не ѳиміамъ ли въ церкви обонять?
А онъ табакомъ привыкъ ихъ набивать.
Когда діаконъ церковь всю кадитъ,
И у него носъ полонъ табакомъ набитъ,
То какъ же не понять,
Что ѳиміама онъ не можетъ обонять?
Иной пожалуй и лжецомъ меня сочтетъ
И съ горькою досадой мнѣ речетъ;
Почто жъ благій Творецъ небесный Царь
Произрастилъ сію прелестну тварь?
Опомнись ты, табачникъ! и внемли:
Для блага все создалъ Богъ на земли.
Древа и злакъ на пользу созданы,
Людями же во зло употреблены.
На то ль пенька росла и лѣсъ родился,
Чтобы Іуда въ петлѣ удавился?
На то ль росли и дубъ и кипарисъ,
Чтобъ кудрями Авессаломъ повисъ?
Своя ихъ воля въ смерти той была
И до конца презлаго довела...
Содѣланъ мечъ враговъ ихъ убивать,
Разбойникъ же воленъ имъ правыхъ погублять.
Каменья, злато и сребро
Владыкой созданы намъ на добро,
Но золото вѣдь какъ цѣнится:
Кто купитъ онымъ рай, другой и въ адъ вселится.
. . . . . .
Уже ль на то древа произрастали,
Дабы жиды на нихъ Христа распяли?
О всякой вещи такъ должно судить,
Какъ спасти она, такъ можетъ и губить.

Коль тяжекъ грѣхъ! ахъ, ужасъ обнимаетъ,
Трясутся члены, сердце обмираетъ!
Страшусь писать, не знаю, что начать,
Продолжить ли, иль бросить и молчать?
Нѣтъ! бросить жаль; трудился очень много,
Дай, помощи въ томъ попрошу у Бога.
Стихъ буду за стихомъ чуть-чуть тянуть,
Пускай меня за то табачники клянутъ...
Я правильно табакъ сей охуждаю,
Въ немъ двѣ причины явныхъ обрѣтаю;
Во-первыхъ онъ соблазнъ для всѣхъ,
А во-вторыхъ, противо естества есть грѣхъ.
Прильпни языкъ къ гортани людямъ тѣмъ,
Толкуетъ кто, что нѣту грѣха въ немъ.
Коль благовѣстіе прочтемъ Христово,
Найдемъ мы тамъ разительное слово,
Которое усты святыми рекъ,
Когда былъ въ мірѣ Богъ, какъ человѣкъ;
Кто соблазнитъ единаго, сказалъ, то горе,
И лучше съ жерновомъ погрязнуть въ морѣ.
Великъ вредъ бѣсъ всей церкви учинилъ,
А все табакъ причиной послужилъ.
И коль велика пагуба случилась—
Несмѣтно душъ отъ церкви отлучилось,
Онъ тысячи симъ ядомъ соблазнилъ
И въ тартаръ огненный навѣкъ ихъ погрузилъ.
Симъ злакомъ въ мірѣ семъ всегда и всюду,
Какъ червякомъ рыбакъ, онъ ловитъ всѣхъ на уду.
Адъ, видя, что Христосъ ужъ воплотился,
Замучилъ сатану, чтобъ вооружился
И искушать Спасителя бъ напалъ;
Христосъ же побѣдилъ его и узами связалъ.
И тысяча лѣтъ уже протекло,
Когда огнемъ его и жупеломъ пекло,
И лишь отъ узъ свободу получилъ,
Онъ табакуренію людей научилъ.
Людей вовлечь во адъ геенски силы
Кромѣ сихъ средствъ ничто не находили.
И вотъ теперь табакъ всѣ Ноевы потомки
И нюхать и курить начали въ перегонки.
И изъ Италіи и изъ земли нѣмецкой
По всей землѣ разнесъ его изъ аду бѣсъ дворецкій.
Коль много церковъ вся о семъ скорбѣла,
Учила всѣхъ, кляла,—не одолѣла!
Россійскій государь, царь Алексѣй,
Издалъ указъ по всей землѣ своей:
Табачную торговлю воспретилъ,
Ослушниковъ кнутомъ нещадно билъ;
Тогда кто нюхалъ, ноздри рвали,
На каторгу въ работу ихъ ссылали.

Такъ вздумали высокіе умы
Пресѣчь въ корню заразу сей чумы!
Такой совѣтъ изшелъ изъ устъ священныхъ,
Изъ ада чтобъ извлечь людей своихъ крещеныхъ.
О Божіе словесное творенье:
Оставь табакъ, бѣсовъ злыхъ ухищренье!
Покинь привычку злую люту,
Брось трубку изо рта хоть на минуту:
И вычистить изъ носа табакъ, утрись,
Молитву сотвори, перекрестись.
Хощу вѣщать я слово Божіе,
Какъ нюхать есть занятіе негожее.
Не сказку вамъ, а диво разскажу
Не вѣритъ кто, тѣмъ въ книгѣ укажу.
. . . . . .
Что видѣлъ древле явно мужъ святой,
Какъ жилъ во тьмѣ сей праведникъ честной?
Онъ зрѣлъ: какія всей прелести міръ несутся.
Какъ царства всѣ отъ злобы возмятутся.
И зрѣлъ онъ: вотъ вавилонская блудница
Сидитъ одѣта какъ царица.
Сколь ни былъ святъ: зрѣлъ въ ужасѣ сію,
Сидящую на седьмо-главномъ змію.
Зрѣлъ онъ: какъ убрана она въ одежду дорогую,
Въ рукѣ держала чашу золотую,
Одѣяна въ порфиру и виссонъ,
Чѣмъ изобиленъ былъ тотъ Вавилонъ.
Зрѣлъ: какъ гордо ѣхали верхомъ,
Весь свѣтъ объѣхавши кругомъ,
Потомки Ноевы. Вотъ толпа верхомъ летитъ,
А слѣдъ за ней, ахъ! табакомъ смердитъ.
Хотя ужъ въ чашѣ той и были лишь подонки,
Но и съ нихъ пьянѣли Ноевы потомки.
Вотъ отколь табакерки круглы ваши
И вотъ почему подобны онѣ чашѣ!
. . . . . .
. . . . . .
Теперь съ сей притчи скинемъ темну маску.
Симъ видимъ притчи сей развязку:
Что скотъ не ѣлъ, топталъ въ ногахъ,
Вотъ нынѣ то чернѣется въ носахъ.
Пчела и медъ съ цвѣтковъ сихъ не беретъ,
А скотъ отъ горькости листовъ не жретъ;
Израиль же возлюбленный Христовъ
Табакъ не выпущаетъ изъ перстовъ.
Хоть въ праздникъ, хоть и въ постъ грѣха не знаетъ
И день и ночь куритъ и въ носъ табакъ пихаетъ.
. . . . . .
. . . . . .
О! времена златыя бывшихъ лѣтъ!

Когда не зналъ сей страсти цѣлый свѣтъ,
Какія добродѣтели тогда сіяли,
Какъ свято праздники, посты всѣ соблюдали!
О, лютый бѣсъ! что ввелъ ты въ сихъ земляхъ!?
Всѣ націи, во всѣхъ странахъ,
Будь то міряне или езупты,
Табакомъ носы у всѣхъ теперь набиты.
Какъ чинъ планетъ смотря на все сіе стопть
И какъ земля отъ скверны сихъ не дрожитъ!?
Во всѣхъ націяхъ молится ль кто идетъ,
Всякъ табакъ за пазухой несетъ.
Священные чины, пасторъ иль пономарь—
Всѣ съ табакомъ идутъ въ олтарь.
Когда все это я съ предками соображаю,
Не безъ вины отъ горести страдаю.
И вправду: днѣсь желѣзный вѣкъ насталъ,
То дѣлаетъ, что свѣтъ семь тысячъ лѣтъ не зналъ.
О! адскій смрадъ табакъ! грѣховъ всѣхъ злѣе
Табакъ піянства тысячу разъ грѣшнѣе.
Пьяница, когда онъ трезвъ бываетъ,
Предъ Богомъ самъ себя въ томъ осуждаетъ,
Табачникъ же не сознается, что согрѣшилъ,
Ходь до обѣдни носъ сто разъ набилъ.
Табачники вовѣкъ не вразумятся.
Не нюхаетъ кто, на того всѣ злятся,
Во-истину, онъ самый корень злобы,
Влекущій всѣхъ во адскія утробы!
Предвѣстникъ яко бы о немъ писалъ,
Когда таинственно все предсказалъ:
„Сей горестью, сказалъ, велику пакость сотворитъ,
„Людей тѣмъ многихъ осквернитъ;
„Она злобой въ мірѣ ирозябаетъ
„И жаломъ всѣхъ грѣховнымъ уязвляетъ;
„Какъ въ бурно время огнь въ дровахъ родится,
„Табакъ въ народѣ такъ прихотью плодится“.
Не нюхаетъ кто смрадный сей табакъ,
Всѣ говорятъ: раскольникъ тотъ или дуракъ.
Блудникъ, піяница и самый тать
Грѣшатъ они и могутъ перестать,
Табакъ же сей по смерть не оставляютъ
И въ самомъ гробѣ страстью истлѣваютъ.
Вотъ какъ о табакѣ умомъ я разсуждаю,
Чѣмъ не понравлюсь никому, о томъ заранѣ знаю.
Теперь клянутъ меня ученые академисты,
И разругали въ прахъ увы! натуралисты;
Ругаютъ и попы, купцы, дворяне,
Клянутъ французы, шведы и армяне;
Клянетъ премерзкій турокъ и испанецъ,
Ругаетъ, осердясь, и пьяный итальянецъ.
И сей табачныхъ націй смрадный сбродъ,

Отъ трубокъ провонявшій сей народъ,
Боюсь, соборъ вселенскій соберутъ,
Меня анаѳемѣ пожалуй предадутъ...
Въ библійскихъ бытіяхъ нашли они и чтутъ,
Кричатъ отъ радости и громко вопіютъ:
„И видѣ Богъ, что въ мірѣ все добро
Блистало какъ въ горнилѣ серебро".
Послушай же ученый кабинетъ,
Крестьянской мой смиренный сей отвѣтъ:
Змій былъ мудрѣйшій изъ всѣхъ звѣрей—
За что же проклялъ его всѣхъ Царь царей?
За что проклялъ безсмысленно твореньe?
Его невинно было преступленье,
Лишь сатанѣ орудіемъ служилъ,—
За то проклятье получилъ.
Табакъ змінну должность исполняетъ
И за табачниковъ проклятье получаетъ.
Онъ, какъ змій,—орудіе бѣсовъ,
Погибель есть людей изъ прихоти носовъ.
Изрінь изъ головы пустое мнѣнье,
Которо всѣяло бѣсовское умѣнье;
Что будто малъ табачный грѣхъ,
Нѣтъ! сведетъ во адъ онъ непремѣнно всѣхъ!
Адамъ и Ева прародители
Всякихъ грѣховъ въ раю были творители,
Однако жъ за единъ плодъ пострадали,
И изъ за яблока ихъ вонъ изгнали,
И твари всей каковъ ударъ случился!
Весь міръ тогда проклятіемъ покрылся.
Табакъ такое жъ преступленье,
Какъ яблока адамово вкушенье,
Вѣрь! за сей-то грѣхъ земля теперь страдаетъ,
Народъ отъ голода за-часто помираетъ.
Табакъ въ странахъ нашихъ явился—
Отъ вони воздухъ засмрадился.
Но Богъ грѣха сего не потерпѣлъ
И казни ангеламъ послать велѣлъ:
Немедленно державы возмутились,
Кровопролитія и войны явились.
Послалъ холеру, гладъ и людямъ моръ,
Скоту падежъ, въ религіяхъ раздоръ,—
И еслибъ Богъ завѣта радугой не положилъ,
То бъ міръ за то вторично потопилъ.
Теперь народъ въ табакъ совсѣмъ влюбился.
Курить и нюхать сталъ, и ахъ! совсѣмъ вздурился.
Зри всякъ, какъ послѣ тысящи осьми сотъ лѣтъ,
Когда Евангельскій просіялъ свѣтъ,
Создатель намъ въ сороковой недавній годъ
Изволилъ искусить народъ.
Велѣлъ вездѣ смертельну гладу быть,

Узнать: не могутъ ли лишь съ табакомъ пробыть?
И вотъ хотя табакъ вездѣ родился,
Но съ нимъ однако же народъ бездушенъ палъ и сокрушился.
Хоть нюхать стали въ носъ и начали курить:
Но не могли отъ табаку спасенья получить.
Какъ зла приманка въ юдоли сей земной!
Для всѣхъ прелестенъ сталъ смрадъ травяной.
Отъ табака народъ ничѣмъ не отучимъ:
Огнемъ и тартаромъ не устрашимъ:
Изъ безднъ глубокихъ океана
Удобнѣй вытащить левіаѳана.
Какъ въ сей потѣхѣ страстной
Табачникъ гибнетъ изъ прихоти опасной;
И вѣдь такую жадность всѣ къ табаку имѣютъ,
Что, какъ рыба безъ воды, умрутъ и околѣютъ;
Коль день одинъ травы той не случится,
Тоскуетъ человѣкъ по ней, крушится.
Свинья не столь зимой пожретъ мякины,
Сколь въ носъ понхаютъ сей сквернины.
Вонми! умомъ и словомъ одаренный
Ты волей передъ животными почтенный,
Убойся табаку и вразумись,
Престань курить, жить трезво научись.
Какъ ты живешь неосторожно,
О томъ и вздумать невозможно;
Взгляни: берутъ табакъ сложеніемъ трехъ перстъ,
Чѣмъ на себѣ изображаютъ крестъ:
Ужели Троицѣ досаду не творятъ,
Когда за каждый часъ персты свои сквернятъ?
Не любитъ бѣсъ молитвы и поста,
Вотъ нюхаетъ табакъ безъ знаменья креста;
Смрадъ входитъ въ мозгъ, душа гдѣ обитаетъ,
Темнитъ весь умъ и душу омрачаетъ,
И начали усы всѣ подбривать,
Когда нельзя носъ зельемъ набивать,
И кто усовъ своихъ не подбриваетъ,
У тѣхъ отъ табаку носъ подпрѣваетъ.
Теперь вообрази благоразумный всякъ,
Ужели не бѣсовской выдумки табакъ?
Кто трубку въ ротъ возьметъ курить,
Ужели можетъ онъ молитву сотворить?
Взгляни: табачники сойдутся гдѣ въ кружокъ,
Сейчасъ возьмутъ изъ пазухи рожокъ,
И буде съ сотню ихъ сберутся,
Да табака того не додерутся
Войди въ огромные чертоги,
Гдѣ царствуютъ земные полу-боги,
Иль въ пышно убранные кабинеты,
Гдѣ въ златотканье всѣ одѣты;
Не обрѣтешь ты въ залахъ ладона, кадила—

Табачныя одни блестятъ курила.
Лишь трубокъ множество съ оправой золотой
Стоитъ на мѣстѣ кіоты Божіей святой.
И въ залахъ всѣхъ лишь трубки да кисетъ,
Кадила же и ладона нигдѣ тамъ нѣтъ.
Слова Апокалипсиса свершились;
Отъ табаку купцы обогатились,
И для такой зловонной смрадной моды
Построили обширные заводы, —
А изъ купцовъ кто ладономъ торгуетъ,
Тотъ раззорился нынѣ и горюетъ...
Безспорно днѣсь насталъ прекрасный вѣкъ,
Какъ чисто и модно одѣтъ всякъ человѣкъ.
Всѣ о политикѣ читаютъ,
За модой моду измѣняютъ,
Отъ вѣка не было подобной красоты.—
Лишь подъ носомъ у всѣхъ нѣтъ чистоты!
Взгляни: какъ отъ табачной вони тѣло
Отъ мозга и до пятъ ужъ просмердѣло.
Наполнится весь шаръ земной
Сей мерзостью зловонной и дрянной;
Понюхай ихъ, какъ вонь отъ нихъ есть зла;
Воняетъ табакомъ, какъ въ осень отъ козла.
О! Боже, всевидящее око,
Сколь надъ бѣсами ты высоко!
Табачный злакъ Богъ на краю свѣта сотворилъ,
Пространствомъ странъ и моремъ отдѣлилъ,
А когда бы въ немъ нужда была,
Вездѣ бъ природа намъ ее произвела.
Я вѣрю, и табачный злакъ добро,
И пользуетъ, какъ въ черный день сребро,
И свойство разное ему Богъ даровалъ,
Чтобъ лютыя болѣзни исцѣлялъ;
Но выслушай мой другъ любезный,
Кому табакъ въ нуждахъ полезный?
Коль у богатаго поселянина
Разболится лѣтомъ вся скотина,
Или сказать вамъ толкомъ съ проста—
Падетъ на скотъ вошь или короста, —
Тогда дѣйствительно варитъ онъ злы лопуши
И моетъ спину, шею всю и уши.
Еще посредствомъ сего табака
Бываетъ въ мірѣ польза велика:
Когда течетъ отъ поворотовъ Рака
И вступитъ Фебъ въ путь линій зодіака,
Тогда отъ ярости лучей
Въ скотѣ бываетъ множество червей.
Тогда табакъ тотъ трутъ и засыпаютъ,
И всѣхъ червей тѣмъ въ ранахъ заморяютъ.
Какой же бѣсъ содѣлалъ всѣмъ обманъ,

Безхвостый адскій черный сей цыганъ,
Что стыдно мудрымъ людямъ и сказать,
Увѣривъ, будто въ нюханьѣ здоровье слѣдуетъ искать.
Ахъ! какія новости въ сей вѣкъ настали,
Какую пропасть деньгамъ изыскали!
Что воспрещали нюхать всѣмъ законы—
Теперь на то теряютъ милліоны.
Въ какую роскошь народъ весь впалъ,
Что дѣдъ и пращуръ нашъ во вѣкъ не зналъ.
Въ Россіи табаку до прежде и фунта не бывало,
Нынѣ же придетъ корабль его—и тутъ все мало.
Эхъ! алчно нюхать стали какъ носами,
Не наготовятся имъ кораблями!
И нетокмо что въ большой, но въ малый носъ
Потребно стало пудъ иль цѣлый возъ.
Вождь злой тѣмъ недоволенъ былъ,
Что трубку съ табакеркой всѣмъ вручилъ,—
И издалъ вотъ еще куреніе сигарокъ,
Этотъ проклятый содомскій недогарокъ.
Дрянь эта черна не долѣе перста,
И носитъ подобіе змѣинаго хвоста.
Но люди за честь курить сигарку поставляютъ,
И зелье то дымить во грѣхъ не полагаютъ,
Не думая, что угожаютъ бѣсовскимъ тѣмъ потѣхамъ,
Во вредъ душѣ, къ спасенію неуспѣхамъ.

. . . . . .

Вотъ какъ сатана всѣхъ нюхать обучилъ
И послѣ этого ко аду возопилъ:
„Будь веселъ адъ! я совершилъ всю злобу,
Всѣхъ мучить будь готовъ, раздвинь утробу,
Табачниковъ намъ принимать пора,
Къ намъ тучей полетятъ табачныя тѣла!..“
Да, люди! сомнительно, чтобъ рай тѣ получили,
Кои табакъ не воздержась курили:
И кто всю жизнь свою лишь носъ свой набивалъ—
Не можетъ быть, чтобъ Царство увидалъ.
Такъ грѣхъ сей мерзостью обиленъ,
Безмѣрно Духу Божію противенъ;
И еслибъ кто вселенскій былъ учитель,
Столпъ церкви, мудрый міру просвѣтитель,
И Духа Божія сподобленъ онъ,—
Табакъ весь Божій Духъ изгонитъ вонъ.
Въ табачный кто кружокъ лишь бы попалъ,
Ужъ у того умъ здравый весь пропалъ.
Вотъ мудрый приточникъ царь Соломонъ —
О женскихъ прихотяхъ писалъ такъ складно онъ,
Огонь и адъ и похоти жены
И люта смерть имъ вѣрно сравнены:
Но еслибъ былъ тогда и сей табакъ,
Навѣрно бы объ немъ прибавилъ бы онъ такъ:

„Жена, огонь и адъ все покоряютъ,
И лопухи табачные всѣмъ міромъ управляютъ".
И правда! до той поры несытно всякъ куритъ,
Пока всю голову ему вскружитъ.
И чудо! есть такой еще народъ,
Что кладетъ табакъ за губу и жуетъ какъ скотъ.
Человѣкъ! измѣрь, сколь бездна ада глубока,
Грѣха сего столь пропасть велика!
Когда бъ чернилами содѣлалась морей всѣхъ влага,
Пространство неба было бы бумага
И въ перья звѣзды обратились,
Въ писцовъ всѣ ангелы переродились,
И всѣ писали бъ книги къ поученью, —
То табачниковъ не научили бъ отвращенью,
Отъ табака не возмогли бы отучить
И не съумѣли бъ ихъ къ спасенью обратить,
Хотя бъ огненный исподній океанъ
Грозилъ пожрать народъ табачныхъ странъ,
И адскій зѣвъ страшилъ всѣхъ поглотить,—
То и тѣмъ табачниковъ не можемъ устранить.
Тогда сей грѣхъ лишь сгибнетъ-пропадетъ,
Когда се время на косу падетъ!
И что жъ послѣдуетъ за грѣхъ потомъ
Знакомъ кто съ трубкой, съ мерзкимъ табакомъ?
За добродѣтель будетъ воздаянье,
А за табакъ жди адско наказанье.
Удобнѣй міру нашему въ хаосъ переродиться,
Чѣмъ слову Божію не совершиться.
А Богъ усты своими рекъ:
Когда былъ въ мірѣ ты, мой человѣкъ,
За всяко слово праздное ты дашь отвѣтъ,
Грѣха же табачнаго тягчѣе въ свѣтѣ нѣтъ.
Вонми! что видно изъ сего Христова слова?
А то, что за табакъ кромѣшная готова!

№ 57.

Русская Старина 1879 г. № 9, стр. 163—165. Стихъ сообщенъ Аполлономъ Можаровскимъ. Онъ находится въ рукописномъ стихотворномъ сборникѣ, отобранномъ у раскольника деревни Монастырки, Балахнинскаго уѣзда, и переданномъ Нижегородскою Консисторіей въ семинарскую библіотеку, при отношеніи отъ 30-го октября 1878 года за № 7650. Самый сборникъ состоитъ изъ $6^1/_4$ листовъ въ 8 д. обыкновенной бумаги (7 № Говарда и Рязанцевыхъ) и заключаетъ кромѣ этого стиха (начальнаго л. 1—5) еще 12 статей, преимущественно сопѣлко-бѣгунскаго содержанія; писанъ по уставному обыкновенными чернилами; заглавія же статей и начальныя буквы стиховъ—киноварью". Стихъ имѣетъ слѣдующее названіе: „Стихъ нѣкоего человѣка о измѣненіи предѣлъ его"

Братіе вонмите,
Вси друзья мои,

Внятно приклоните
Ушеса свои:
Я хвалимку вамъ спою
Про судьбинку про свою,
Про житіе жестоко
Про младыя лѣта.

* * *

Въ 18-мъ лѣтѣ жизни своея
Въ юношескомъ цвѣтѣ отъ души всея
Возгнушался я всему міру
И послѣдовалъ въ пустыню,
Желая спастись; съ суетой простился.

* * *

Младыя тамъ лѣта
Я мирно провождалъ,
Суеты навѣта вовсе я не зналъ,
Отъ печали былъ свободенъ
И худѣйшими доволенъ:
Въ пищи и одеждѣ—въ потребахъ тѣлесныхъ.

* * *

Вѣрою ограждаясь
Въ нуждахъ и скорбѣхъ,
Любовію питаясь
Съ надеждой терпѣлъ.

* * *

Не роскошно тамъ я жилъ:
Болотную воду пилъ
И хлѣбъ ѣлъ ячменной
Иногда съ корою.

* * *

Кушалъ безъ роптанья
Отъ трапезы той,
Не имѣлъ страданья,
Веселясь душой;
Книгъ во чтеньи упражнялся,
Отъ прелестей отвращался;
Видъ имѣлъ степенной
И взоръ былъ умильной.

* * *

Воздыхалъ сердечно
Въ юной жизни той
И думалъ такъ вѣчно
Прожить безъ страстей.
Лѣта младыя миновались,
Совершенные настали;
Сталъ я немощенъ,
Гораздо слабѣя,

* * *

Почувствовалъ страсти,
Сталъ объ нихъ страдать,

Грѣховныя сласти
Началъ помышлять.
Сталъ я духомъ колебаться,
По немножку уклоняться
Отъ поста и молитвы
Отъ пустынной жизни.

* *
*

Скучно на единѣ!
Безмолвная жизнь въ дикой во пустынѣ
Наскучила мнѣ.
Я съ пустыней распростился,
Въ міръ мятежный уклонился;
Обязался мечтою
Мірской суетою:
Чего я гнушался—
Случилось со мной,
Чего отвращался—
Вижу надъ собой.
Сталъ почаще умываться,
Въ кафтанъ синій одѣваться;
Лѣстовку оставилъ,
На крючокъ повѣсилъ.

* *
*

Братіе явите милости своя
Меня не блазните, зря грѣхи моя.
Прошу въ прочемъ извинить,
Что горелочку сталъ пить;
Я вѣдь не до пьяна,
Только для здоровья.
Пьянъ не напиваюсь,
Свой законъ храню
Трезвости: веселія
Ради разгуляюсь я.

* *
*

Еще больше что случится
Во всемъ должно извиниться:
Я вѣдь не архангелъ,
Я вѣдь не безплотный.

* *
*

А кто подозрѣваетъ
Брату своему,
Меня осуждаетъ
Я тому скажу:
Прошу честно самимъ жить,
Мнѣ за всѣхъ не умолить;
На меня не надѣйтесь—
Я вамъ не ходатай.

№ 58.

Н. Поповъ. Сборникъ для исторіи старообрядчества, т. 2, вып. 4, стр., 190—192. О происхожденіи стиха сказано слѣдующее: „въ Иргизскихъ монастыряхъ устроены были школы для обоего пола; иноки, во имя царствія небеснаго, принимали и оставляли въ монастыряхъ малолѣтнихъ сиротъ, какъ мальчиковъ, такъ и дѣвочекъ, постригали ихъ въ иноки лѣтъ 15-ти. Одинъ изъ такихъ молодыхъ постриженниковъ въ одно время отъ скуки въ своей келіи написалъ эти вирши“ (стр. 189—190).

Прошу выслушать мой слогъ,
Кой въ печали сложить могъ:
Живучи въ скиту, я по ревности постригся,
Жизни слезной пріобщился, чтобы міръ вовсе забыть.
Отъ усердья пожелалъ имѣть то, что я не зналь и не ожидалъ.
Не сравнялось двадцать лѣтъ,
Не успѣлъ я познать свѣтъ,
Отъ коего себя удалилъ.
Искренняя ревность къ спасенію во мнѣ рано
Какъ и соблазнъ явился,
И я (съ міромъ) съ своими простился,
Чтобъ ихъ вовсе не видать,
Говоря: вы простите старые и младые
Знакомые и родные, лишаюсь всѣхъ васъ;
Жить подвижно начинаю, а совсѣмъ того не знаю,
Что подвигъ сей великъ.
Не успѣвши начать, уже желаю окончать
И въ прежнемъ видѣ быть.
Началъ думать, колебаться и совѣстію смущаться:
Да ужь негдѣ того взять, что съумѣлъ потерять.
Но такъ тому и быть.
Извольте на меня посмотрѣть: я вѣдь монахъ.
Черну рясу надѣваю (суконную)
Главу куклемъ украшаю (клобукъ)
Очи низу зрятъ, міръ и знать не хотятъ.
Кто въ монахахъ не бывалъ,
Тотъ нужды, горя не видалъ,
Живучи въ міру.
Вся монашеская отрада: хлѣбъ (ржаной),
Вода,—и вся награда, живи и не тужи.
Щи и кашу (изъ пшеницы) поставляютъ,
За хорошій почитаютъ—за славный обѣдъ.
Пирожка (калача) кусокъ дадутъ,
Смотри на него и тутъ,
Не знай когда его и съѣсть.
Разъ въ недѣлю испекутъ,
По кусочку раздадутъ,
Какъ бы точно просфиру.
Вмѣсто водокъ. сладкихъ винъ,
Поставляютъ квасъ одинъ,

За гостя чтутъ. По обѣдѣ всѣ по кельямъ,
И какъ будто отъ бездѣлья,
Должны правило нести (келейное, иноческое).
Не успѣлъ я отдохнуть,
Меня въ церковь зовутъ: все къ вечерни и къ мольбѣ.
Прошу, впрочемъ, извинить меня и не посудить,
Что нынѣ веселъ я.
Больше нѣтъ здѣсь (въ скиту) веселья,
И какъ будто отъ бездѣлья
Сей стишокъ пою.
И если болѣе что случится,
И въ томъ могу я извиниться,—
Я еще не старикъ.
Съ этихъ лѣтъ будемъ поститься,
Вокругъ лѣствки (четки) томиться,
Возлетишь съ ней высоко.
Отъ этого гордость явится
И вредный помыслъ родится:
Что будто бы я и святъ.
Ты Избавитель Творецъ мой (небесный),
Защититель и Отецъ,
Ты знаешь мои страсти и напасти,
Кои я терплю по ревности многой.
Я не зналъ что будетъ впереди;
Но должно быть сколько не тужи,
А не воротить, предѣлъ нельзя перемѣнить.
Перестану много толковать,
И только вѣрно сказать: кто нудитъ меня?
Когда съ горя и досады поискать пойду отрады,—въ деревню за лѣсокъ [1]);
Коль возьму въ руки костыль
И пойду за монастырь (скитъ),
Въ слѣдъ за мной уже бѣгутъ; схватили,
Точно вора на цѣпь присадили,
И какъ бродягу волокутъ
Въ скитъ, *подъ началъ* отдадутъ.
И всякій на меня взирая
И бродягой называя;
Полагая, что будто бы я пьянъ,
Хотя вина и не видалъ.
А начальникъ зазѣваетъ,
Протрезвить меня повелѣваетъ.
Я, оправдываясь, начинаю божиться и креститься;
Но мнѣ вѣры нѣтъ, и приведя въ келью запрутъ,
Ключъ отцу евангельскому отдадутъ, —
И тутъ хоть умирай

---

[1]) Около монастырей на Иргизѣ есть вблизи деревни: Давыдково, Пузаниха, гдѣ находятся кабаки, здѣсь-то и получали отшельники себѣ всевозможныя развлеченія. Примѣчаніе Н. Попова.

№ 59.

Н. Поповъ „Сборникъ для исторіи старообрядчества“, т. 2, вып. 4-й, „Историческіе очерки бѣглопоповщины на Иргизѣ съ 1762—1866 г.; Старообрядческіе монастыри“. Москва, 1866 г., стр. 137—138. Этотъ стихъ былъ сочиненъ однимъ изъ иноковъ Верхне-Никольскаго старообрядческаго скита на Иргизѣ въ $^1/_2$ XIX в. и, написанный церковными буквами на большомъ листѣ, былъ прибитъ ночью на воротахъ сосѣдняго скита Верхне-Успенскаго, въ обличеніе иноковъ послѣдняго, позволявшихъ себѣ пользоваться нѣкоторыми „мірскими“ благами, не согласными съ правилами скитской жизни (напр. чаепитіемъ, для чего въ скиту имѣлись самовары). Стихъ произвелъ большой соблазнъ и негодованіе „братіи“; авторъ стиха, названнаго „Газетой ада“, былъ найденъ и, послѣ поруганія и заушенія, изгнанъ изъ скита; однако и осмѣянныя въ стихѣ „новшества“ подверглись, на нѣкоторое время, изгнанію. Этотъ стихъ былъ очень популяренъ, подвергался нѣкоторымъ измѣненіямъ. Подъ названіемъ „газеты ада“ онъ напечатанъ въ заграничныхъ сборникахъ: „Международная библіотека“, т. XXI, стр. 115 и у Кельсіева, т. III. Варіантъ стиха по редакціи Междунар. Библіотеки помѣщаемъ подъ слѣдующимъ №.

Вышла газета изъ ада, какая будетъ грѣшнымъ отъ сатаны награда, и въ безконечный вѣкъ не будетъ душамъ ихъ отрады. Нынѣшній вѣкъ, зри всякъ человѣкъ: грѣхъ скончался, (т.-е. ничто не считается за грѣхъ) истина охромѣла, любовь простудою больна, честность и вѣрность въ отставку вышла, а вѣра осталась во Іерусалимѣ. Ложь нынѣ присутствуетъ въ судопроизводствѣ; самочинніе въ монастыряхъ проживаетъ, тщеславіе игуменствуетъ, братоненавидѣніе экономомъ поставлено. Совѣсть попрана ногами, благодѣяніе таскается по міру, а терпѣніе скоро лопнетъ.

Во адѣ, судейской палатѣ, на тронъ или на сѣдало сатана сѣлъ, и закричалъ весьма яро: что грѣшниковъ во адѣ мало? Бѣсъ услужливый выскочилъ и рекъ: еще не скончался вѣкъ, а когда скончается вѣкъ, тогда ты будешь душамъ и тѣлесамъ отецъ. Тогда сатана послалъ бѣсовъ размѣрить адскую глубину, гдѣ бы можно было грѣшныхъ посадить за вину.

Вотъ являются въ месоадъ изъ круга благородныхъ судей и приказныхъ людей. Сатана, увидавши ихъ, привѣтствуя кричитъ: честнѣйшіе господа, пожалуйте сюда, я васъ отмѣнно угощу, огонь и жупелъ возгнѣщу. У меня вмѣсто *самовара* во адѣ, есть большой котелъ, въ немъ я прикажу смолу и олово растопить, чтобы ваши скаредны и жаждущи души промочить. Впослѣдствіи сихъ, явились чернецы-монахи; сатана, обращаясь къ нимъ, говоритъ; святіи отцы, вы зачѣмъ сюда зашли, или въ рай пути не нашли? Вы продолжали жизнь свою въ монастыряхъ, вамъ должно быть въ райскихъ краяхъ. При сихъ словахъ подскочилъ бѣсъ безъ хвоста и рекъ: они не наблюдали поста, лѣнивы были Богу молиться, надобно съ ними поскорѣе рѣшиться. Тогда косой бѣсъ повелѣлъ съ нихъ мантіи и камилавки скинуть и во тьму кромѣшную ихъ вринуть. Вслѣдъ за ними изъ міру притащили бѣсы ростовщика. Сатана, смотря на него, спросилъ: ну, другъ, скажи, сколько ты процентами денегъ накопилъ? Банкиръ горько возопилъ, говоря: „я успѣлъ столько въ жизни денегъ накопить, что могъ бы весь адъ твой откупить“.

„Э, другъ мой! ты вѣрно и здѣсь хочешь роскошно проживать, пора тебѣ въ преисподней побывать, возразилъ сатана; тамъ узнаешь, какъ обижать бѣдныхъ, и будешь тамо въ самыхъ послѣднихъ. За этимъ притащили бѣсы опойцу. Сатана сказалъ: экъ ты, другъ мой, до чего пилъ, что и душу свою погубилъ. Вслѣдъ за симъ явилась на сцену адскую толпа многочисленная странниковъ и нищихъ. Сатана, увидѣвши ихъ, сказалъ: вы на бѣломъ свѣтѣ бѣдствовали и скорбѣли, и здѣсь мѣста готовить себѣ не велѣли; нищи слышавши то, схватили кошели и въ царство небесное побрели“.

№ 60.

Смотри примѣчаніе къ предыдущему стиху.

Вышла газета изъ ада, какая будетъ грѣшнымъ отъ сатаны награда. И безконечные вѣки не будетъ душамъ ихъ отрады.

Въ нынѣшній вѣкъ зри всякъ человѣкъ. Грѣхъ скончался, истина охрамѣла, любовь простудою больна. Честность и вѣрность въ отставку вышла. Вѣра ушла въ пустыню. Совѣсть попрана ногами, благодѣяніе таскается по-міру. Терпѣніе скоро лопнетъ. Ложь нынѣ присутствуетъ, безчиніе въ монастыряхъ проживаетъ, гордость съ монахами познакомилась. Тщеславіе игуменствуетъ. Братоненавидѣніе икономъ поставлено. Невѣжество старѣйшенствуетъ.

Сатана, предвидя кончину сихъ дней, приказалъ бѣсамъ адъ наполнить разныхъ огней. Послалъ бѣсовъ размѣрить адскую глубину, гдѣ бы можно грѣшныхъ посадить за вину. Потомъ сатана въ сѣдъ на сѣдало, закричалъ на бѣсей весьма яро, что грѣшныхъ во адѣ мало. Бѣсъ подскочилъ и рекъ, что еще не скончался вѣкъ, а когда придетъ міру конецъ, тогда ты будешь многимъ душамъ отецъ.

Предстали предъ князя тьмы безпопечительныя чернецы; онъ смѣясь сказалъ: вы зачемъ, святіи отцы, сюда пришли, или въ царство небесное пути не нашли. Знать вы весь вѣкъ богатства ради, а не прокормленія, мзду збирали, того ради и пути въ царство небесное потеряли. Вы препровождали жизнь въ монастыряхъ, вамъ и должно быть въ райскихъ краяхъ. Но видно вы въ небреженіи жили, что въ моей области честь себѣ и жизнь заслужили. Бѣсъ подскочилъ безъ хвоста и сказалъ, что они не наблюдали поста. Лѣнивы были Богу молиться, надобно съ ними поскорѣе рѣшиться. А когда и помолятся, и то внѣ ума, того ради Богъ на нихъ вознегодова. Предалъ ихъ твоему разсужденію, чтобы доставить ихъ разному мученію. Косой бѣсъ повелѣлъ съ нихъ мантіи скинуть, и во тьму кромешную вринуть.

Притащили бѣсы опойцу во адъ, сатанъ сказалъ: ехъ ты до чего допилъ, что и душу свою погубилъ. Припасите про него адскую темницу, вверзите его туда до страшнаго суда, а когда труба вострубитъ, тогда и не волею его въ смолу горячею погрузить убѣдитъ.

Явились на тотъ свѣтъ гордые господа. Бѣсъ кричитъ изъ ада: Честнѣйшіе господа, пожалуйте сюда; я васъ отмѣнно буду угощать, огнь горящій и жупелъ велю возгнѣщать. Я, милостивыя государи, повелю чай грѣть не въ самоварѣ; но для роскошныхъ и жирныхъ здѣсь есть во адѣ большой котелъ на взвары.

Растоплю олово на мѣсто пуншу, чтобы вамъ промочить скаредную и жаждущую душу. Сатанъ сказалъ бѣсу: что стоя рычишь, долго медлишь, багромъ ихъ не тащишъ: косой давно тому уже радъ, облапя ихъ вельможъ и потащилъ во адъ.

Привели бѣсы ростовщика во адъ, который процентами богатство распространялъ, а излишнея неимущимъ не раздавалъ, наипаче къ себѣ присовокуплялъ; бѣсъ сказалъ: ну другъ мой, скажи-ка намъ, много ли ты процентами денегъ накопилъ; онъ горько возопилъ, и сказалъ: я успѣлъ столько процентами денегъ накопить, что могъ бы весь твой адъ откупить. Сатана въ насмѣшку, видно ты здѣсь хочешь роскошно проживать, время тебѣ въ преисподнею побывать. Тамъ узнаешь какъ обижать бѣдныхъ, понеже тамъ и самъ будешь въ самыхъ послѣднихъ.

А нищимъ сатанъ сказалъ: вы зачѣмъ сюда пришли, или въ царство небесное пути не нашли, вы о грѣхахъ день и нощь болѣли, и тѣмъ во адѣ себѣ мѣсто заготовить невелѣли. Здѣсь мѣста всѣ заняли вельможи, ибо они и въ житіи своемъ были во всемъ мнѣ угожи. Нищіи то слышавши, ухватили кошели, въ царство небесное и побрѣли.

№ 61.

Θ. В. Ливановъ, „Раскольн. и острожн.“, т. 4, стр. 161—162; издан. 1, СПБ. 1873 г.

Пришла газета
Съ того свѣта;
Въ нынѣшній вѣкъ
Смотри всякъ человѣкъ:
Правда сгорѣла,
Истина охромѣла,
Добрую совѣсть закопали,
Смиреніе ногами попрали;
Славолюбіе епископомъ стало,
Сребролюбіе всѣми обладало;
Въ первыхъ предстали сатанѣ
Монахи и чернецы
Пьяницы и подлецы;
Привели священника
Озорника-болтушку,
Плута и мотушку;
Сатана главою потрясъ,
Испустилъ громкій гласъ:
При церквахъ всѣ пребывали,

А волю мою совершали:
Табачищемъ носы набивали,
Вино и пиво пили,
Ровно воду въ ротъ свой лили;
Безъ памяти напивались
И какъ свиньи валялись,
О себѣ и стадѣ своемъ не пеклися,
Чтобы души ихъ и ваши спаслися;
Только приносы ихъ обирали,
А должныхъ молитвъ не возсылали;
Назывались богомолы и учители,
А были злы, какъ мучители;
Затѣмъ явилися гордые купцы
И бояре господа:
Сатана рюхнулъ по свиному:
А, честнѣйшіе господа,
Пожалуйте сюда;
Накормлю я вашу жадну душу:
Стоплю олово, солому и сѣру
Какъ сладку грушу;
Наполню ими ненасытны ваши глотки
Вмѣсто сладкой водки.
Наконецъ пришли нищіе духомъ
Съ голоднымъ брюхомъ;
Сатана ихъ не взлюбилъ
И немного говорилъ:
Зачѣмъ вы, глупые, пришли,
Иль на небо пути не нашли!
Вы о грѣхахъ день-ночь болѣли,
И во Адѣ себѣ мѣста готовить не успѣли;
Здѣсь всѣ мѣста заняли люди не простые,
Богатые, толстые:
Господа вельможи,
Что мнѣ всегда угожи,
Нищіе ухватили свои кошели,
Въ Царство небесное побрели.

Отдѣлъ 4-й.

Стихи, содержаніемъ которыхъ служатъ разсказы изъ св. исторіи и разныя нравоучительныя мысли: о необходимости покаянія, о молитвѣ, страшномъ судѣ, мздовоздаяніи, адѣ и раѣ и пр.. Стихи этого отдѣла мало имѣютъ въ себѣ типично старообрядческихъ положеній и примыкаютъ по содержанію и формѣ къ псальмамъ и кантамъ слѣпцовъ и другихъ калѣкъ.

№ 62.

По рукописи Московскаго Археологическаго Института, изъ собранія г. Загоскина.

Ева согрѣшила, Адама прельстила;
Законъ преступила, Богу согрубила;
Умъ свой погубила, во тьму помрачила;
Весь родъ нашъ отгнала отъ рая свѣтлаго;
Адамъ вопіяше къ Богу со слезами:
Увы мнѣ грѣшному, увы беззаконному,
Уже азъ не слышу архангельскаго гласа;
Уже азъ не вижу райскія пищи;
Адамъ вопіяше Богу со слезами:
Боже милосердый, помилуй насъ грѣшныхъ.
Провѣщаетъ Ева, Адаму глаголя:
Адаме, Адаме—ты мой господине,
Не велѣлъ намъ Богъ жити въ прекрасномъ раю.
Ничто же вкушати отъ райскія пищи;
Сослалъ насъ Господь Богъ на трудную землю,
Намъ хлѣба снѣдати отъ потнаго лица;
Намъ правдою жити, а зла не творити.
Господь породился, во Іорданѣ крестился;
Законъ просвѣтился, весь міръ обновился.
Мы братіе и друзи прибѣгнемъ мы къ церкви.
Проліемъ мы слезы къ вышнему Богу,
А Онъ насъ избавитъ отъ вѣчныя муки.
Житіе наше временное, слава наша суетна;
Очи наши—ямы, руцѣ наши—грабли;
Что очи завидятъ, то руки заграбятъ.
Какъ дастъ намъ Богъ много, а намъ кажется мало.
Не можемъ мы нынѣ ничимъ ся наполнить.
Какъ будемъ мы мертвы, прижмемъ руцѣ къ сердцу;
А богатство наше кому ся останетъ.
Души наши пойдутъ по своимъ по мѣстомъ;
Тѣло наше будетъ червемъ на снѣденіе;
Кости наши будутъ земли на преданіе.
Тогда не пособитъ имѣніе наше;
Развѣ намъ пособитъ милостыня наша,
Что нищимъ давали отъ праведныхъ трудовъ.
Покинемъ мы гордость, возлюбимъ мы кротость.

Накормимъ мы алчныхъ, напоимъ и жаждныхъ.
Одеждемъ мы нагихъ одѣяніемъ своимъ.
Проводимъ мы мертвыхъ до Божіи церкви.
Уже намъ съ ними послѣдняя дружба.
Родителей нашихъ должны помнинати,
А насъ Богъ помянетъ, на престолѣ сидя;
И мы тѣмъ пріимемъ небесное царство.
Нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

№ 63.

По рукописи Московскаго Археологическаго Института, изъ собранія г. Загоскина.

Рече Господь ко Каину:
Каине, гдѣ братъ твой Авель?
Рече Каинъ ко Господу:
Господи, не стражъ есмь брату своему.
Еще рече Господь ко Каину:
Каине, что неправду глаголеши:
Кровь его отъ земли вопіетъ ко мнѣ.
Познася Каинъ и убояся.
Начатъ вопити, рыдати и горько плакати.
Увы мнѣ грѣшному, увы беззаконному,
Камо бѣжу, или камо скрыюся.
На небеси самъ живеши, во адѣ же смерть поправъ.
Во глубинѣ морстей и ту рука твоя Владыко,
Яко силенъ и крѣпокъ Богъ
И великъ и премудръ Господь.

№ 64.

Стихъ напечатанъ въ Пермскихъ Губерн. Вѣдомостяхъ за 1883 г., въ № 13, съ наименованіемъ: „Стихъ о Ноевомъ потопѣ“. Краткій варіантъ этого стиха, напечатанный Варенцовымъ, помѣщаемъ подъ слѣдующимъ №

Потопъ страшенъ умножался,
Народъ, видя, испужался:
Гнѣвъ, гнѣвъ идетъ.
Видя воды многи, люты,
Побѣжали въ горы круты,
Тамъ спастись! Тамъ спастись!
На круты горы сходились,
Подъ древами становились,
Какъ спастись? Какъ спастись?

Всѣ слезами обливались
И другъ сѳ другомъ прощались
Въ бытность тамъ.

Всѣ смотрѣли очевидно,
Какъ земли стало не видно—
Все вода, все вода.

Въ малыхъ холмахъ покрывались,
Смерти горькой предавались
Родъ звѣрей, родъ звѣрей.

Крикъ великій поднимали,
Когда въ водѣ утопали.
Въ злой тотъ часъ!

Кверху гласы воспущали,
Когда духъ свой испущали,
О злой смерти.

Птицы воздухъ наполняли,
Всѣ летали безпрестанно,
Пользы нѣтъ!

Всѣ ихъ силы прекратились,
Сами въ воду повалились
Въ тотъ истокъ.

Кои плавали водами,
Тѣхъ покрыло всѣхъ волнами
Водой той!

Не всѣхъ Творецъ истребляетъ:
Нѣкихъ въ ковчегъ затворяетъ,
Хранитъ впредь.

Человѣкъ! смотри на звѣри,
Какъ открылись смерти двери
За грѣхи ихъ.

Горько плакали, смотрѣвши,
Руки кверху всѣ воздѣвши,
Творцу всѣхъ.
Другъ со другомъ обнимались,
Въ ночь послѣдню разлучались
Мужъ съ женой!
Отецъ съ сыномъ тутъ прощались,
Мать со дщерью разлучались
Въ горькій часъ!
Вдругъ увидѣли: волнами
Ковчегъ Ноевъ со звѣрями
Тамъ носимъ.
Больно имъ досадно стало,
Грѣхъ со злобою возстало
Пагубной!
Вода горы всѣ покрыла,
Родъ людей весь истребила
И звѣрей! и звѣрей!

Ной въ ковчегѣ сохранялся,
Пока потопъ продолжался,
Звѣри съ нимъ!
Ной печалился не мало,
Когда ковчегъ поднимало
Водой той.
Страхъ великій наводило,
Когда ковчегъ тотъ носило
По водамъ.
Въ страхѣ смертномъ находились,
Когда шумъ съ водой сразились,
Носимой!
Чернымъ (враномъ) извѣщался,
Вранъ къ ковчегу возвращался—
Земли нѣтъ!
Голубица изъ ковчега вылетала,
День въ гуленьи выжидала—
Вѣсти нѣтъ.
День къ вечеру преклонялся—
Голубь въ ковчегъ возвращался—
Съ радостью!
Сучесь древа знаменита
Отъ другихъ древъ отмѣнита
Сучесь маслиной.
На земли суша явилась
И вода подъ землю скрылась,
Суша бысть!
Съ Ноемъ пѣсни воспѣвали,
Хвалу Богу возсылали
Съ радостью!
Суша на земли явилась—
Дверь ковчега затворилась
Вышелъ Ной!
За нимъ звѣри выбирались,
По земли всей разселялись
Птичій родъ.

№ 65.

Сборникъ Варенцова, стр. 200—201. „Стихъ бѣглопоповщинской секты, записанъ въ Саратовѣ“, называется: „О потопѣ“.

Потопъ страшный умножаяся,
Народъ виде испужаяся:
Гнѣвъ идетъ.
Видя воды многолюты,
Побѣжали въ горы круты
Тамъ спастись.

Дебри водой наполнялися,
Всѣ животныя выбиралися
На верхъ горъ...
Крикъ великій подымали,
Когда въ водѣ утопали
Въ злой тотъ часъ...
Птицы воздухъ наполняли,
Безпрестанно все летали—
Пользы нѣтъ.
Не всѣхъ Творецъ истребляетъ,
Нѣкихъ въ ковчегъ затворяетъ,
Хранить впредь.
Ной съ сынами затворился,
Когда шумъ съ водой сразился—
Бысть волна.
Онъ печалился не мало,
Когда ковчегъ покрывало
Водой той.
Чернымъ враномъ извѣщался,
Вранъ къ ковчегу возвращался—
Все вода.
Голубица вылетала,
День гулянья провождала—
Извѣстія нѣтъ.
День къ вечеру преклонился,
Голубь въ ковчегъ возвратился
Съ радостію.
Приносилъ онъ сучецъ знаменитый,
Отъ всѣхъ древъ отмѣнитый—
Масличный.
Ужь лице земли явилось,
И вода подъ землю скрылась—
Вышелъ Ной...

№ 66.

По рукописи Московскаго Археологическаго Института, изъ собранія г. Загоскина. Стихъ, повидимому, не оконченъ.

Кому повѣмъ печаль мою,
Кого призову ко рыданію,
Токмо Тебе, Владыко мой,
Ты буди мнѣ избавитель.
Кто бы мнѣ далъ источникъ слезъ,
Быстрѣе рѣки эдемскія.
Уже плакалъ бы я и день и нощь,
Припадаючи къ сотворшему,
Пролію слезы отъ очію.

А кто бы мнѣ далъ голубицу,
Вѣщающу бесѣдами,
Послалъ бы я ко отцу своему Іякову.
Повѣдалъ бы я бѣду мою.
Блаженный мужъ Іякове,
Святый отецъ Израилю!
Не знаешь ты, не вѣдаешь,
Что надо мною учинилось:
Твоя чады, моя братія
Они били меня безъ милости,
И бивши меня, въ ровъ бросили;
За власы меня вонъ вынули,
Они продали въ чужую землю египетску,
Твоего сына любезнаго
Іосифа прекраснаго купцемъ измаильтяномъ.
Прилучилося имъ ту ѣхати,
Гдѣ погребена его Рахиль мати;
Нача онъ тамъ горько плакати:
О мати моя, любезная,
Пріими меня во гробъ къ себѣ,
И буди твой гробъ единъ со мной.

№ 67.

Лѣтоп. русск. литер. и древн., 1861 г., т. 3, отд. III, стр. 175. Стихъ напечатанъ съ названіемъ: „О преданіи Христа Іудою“.

Въ четвертокъ вечеру бывшу,
Жиды совѣтъ сотворили:
Жиды думали, гадали,
Законъ себѣ уставляли.
Юда скоро къ жидамъ течетъ,
Да предтечетъ и жидомъ речетъ:
„Что̀ вы мнѣ, жидовіе, дадите?
Я предамъ вамъ Сына Божія“.
Жиды Юдѣ да глаголютъ:
„Бери Юда сребра много—
И токма̀ много“.
Юда на сребро заглядѣлся,
Своимъ сердцемъ распылался,
Сказалъ: „какъ хлѣбъ онъ соль вмо̀чить,
Такъ Юда Христа предастъ“.
Господь ученикамъ прорѣчилъ:
Востаньте, ученики, не спите,
Моей страсти посмотрите;
Востаньте, ученики, не спите,
Моей смерти подождите.

№ 68.

По рукописи Московскаго Археологическаго Института. Стихъ, какъ видно изъ помѣтки надъ нимъ, поется на гласъ 8-й.

Се глаголетъ Парасковія къ мучителю,
Враже нечестивый игемоне,
Что ся бѣсиши надъ христіанами.
Ни царствія ти отъяхъ, ни града ти разорихъ,
Но буими словесы увѣщати мя помышляеши.
Азъ тебѣ небрегу, ни твоихъ безумныхъ глаголъ,
Плоти бо не щажу за Христа моего,
Зане онъ любитъ мя и царство ми даруетъ.
И къ нему пойду и тому буду невѣста,
Той мене спасетъ отъ рукъ врагъ моихъ
И даруетъ ми животъ вѣчный.

№ 69.

Изъ книги Н. Попова: „Матеріалы для исторіи безпоповщинскихъ согласій въ Москвѣ, Ѳеодосіевцевъ Преображенскаго кладбища и поморской Мониискаго согласія“ Москва 1870 г. стр. 104. Стихъ представляетъ вступленіе къ сочиненію Андреяна Сергѣева „о моленіи за папу римскаго“. Все остальное сочиненіе написано прозой. Авторъ этого и еще двухъ другихъ, помѣщенныхъ въ нашемъ сборникѣ стихотвореній (№№ 48 и 50), Андреянъ Сергѣевъ былъ однимъ изъ видныхъ старообрядческихъ дѣятелей первой половины настоящаго столѣтія. Онъ былъ зятемъ Гавріила Ларіонова Скачкова, извѣстнаго настоятеля Московской Покровской Монииской молельни. Въ качествѣ помощника Скачкова Сергѣевъ ввелъ при моленной такъ наз. „брачную книгу“, а послѣ его смерти (15 авг. 1821 г.), обойденный настоятельствомъ, Сергѣевъ разсорился съ Монинцами и съ своими приверженцами перешелъ въ Грачевскую молельню, гдѣ въ отличіе отъ Монинцевъ, пѣвшихъ по крюкамъ, завелъ „нарѣчное“ пѣніе. Андреянъ Сергѣевъ – авторъ нѣсколькихъ сочиненій, направленныхъ главнымъ образомъ противъ Ѳедосѣевцевъ Преображенскаго кладбища. По своему образованію и уму Андреянъ Сергѣевъ является одною изъ крупныхъ силъ старообрядческаго міра.

Молиться за враговъ Христосъ самъ научаетъ;
Молитва и враговъ другами устрояетъ.
Молиться надлежитъ о всѣхъ и завсегда,
Чтобы зла не получить, явится гдѣ бѣда.
Егда желаетъ кто ко истинѣ прибѣгнуть,
Да разумъ просвѣтитъ, и ложно что отвергнуть,
Евангельски пожить, спокойствіе снискать,
И разны мысли здѣ, чтобъ явственно познать,
Вины раздоровъ всѣхъ да знаемъ откровенно,
И истину хранить не тайно, но явленно,
И людямъ и себѣ спасенія желать,
На Страшный Судъ предстать, отвѣтъ о семъ воздать.
Но спросимъ что другихъ, молчатъ какъ безсловесны,
Хотя и скажутъ что, рѣшенія безвѣстны;
Весь разумъ потемнятъ, доводовъ нѣтъ прямыхъ,

Хотя и говорятъ, но все умовъ своихъ,
Которые гласятъ неправо, и что лукаво,
Разсудка не имѣвъ, не знаютъ справедливо;
Но мы отвергнемъ все ученіе чуждыхъ,
Потщимся сохранять преданія Святыхъ.

№ 70.

Н. Поповъ. Сборникъ для исторіи старообрядчества, т. 2, Москва 1866 г., стр. 261.

Взирай съ прилежаніемъ тлѣнный человѣче,
Како вѣкъ твой проходитъ, и смерть недалече,
Готовися на всякъ часъ, рыдай со слезами,
Да не похититъ тебя смерть съ твоими дѣлами.
Ангелъ твой хранитель тебѣ извѣствуетъ,
Краткость жизни твоея перстомъ показуетъ.
Текутъ времена и лѣта въ мгновеніи ока,
Солнце скоро шествуетъ къ западу съ востока.
Ангелъ держа мечъ мщенія во своей десницѣ,
Увѣщаетъ тя всегда, и глаголетъ сице:
„Убойся сего меча, отселѣ покайся,
„Да не посѣчетъ тя внезапу, зѣло ужасайся“.
Пріидите людіе вѣры православной,
Грядите всѣ во храмъ Божій и преславной.
Молитву прилежну къ Богу возсылайте,
На святыню умильно взирайте.
Прочитая всякъ писаніе горько прослезися,
И отъ горькія ревности сердцемъ умилися.
Вспомни, какъ смерть вселютая вземлетъ человѣки,
И преселяетъ отъ міра въ безконечны вѣки, аминь!

№ 71.

По рукописи Московскаго Археологическаго Института, изъ собранія г. Загоскина. Варіантъ предыдущаго стиха.

Взирай съ прилежаніемъ тлѣнный человѣче,
Како вѣкъ твой приходитъ и смерть недалече.
Готовися на всякъ часъ, рыдай со слезами.
Ангелъ же твой хранитель тебѣ извѣствуетъ,
Краткой жизни твоея перстомъ показуетъ.
Текутъ времена и лѣты въ мегновеніи ока;
Солнце скоро шествуетъ къ западу съ востока.
Содержай мечъ мщенія во своей десницѣ,
Увѣщаетъ тя всегда и глаголетъ сице:
Убойся сего меча, отселѣ покайся,
Да не посѣчетъ тебе, зѣло ужасайся.

Пріидите вси людіе къ вѣрѣ просвященной;
Грядите во святый храмъ кротцыи и смиренны.
Молитву прилежную къ Богу возсылайте,
А на сіе писаніе умильно взирайте.
Прочитай всякъ усердно, много прослезися,
Отъ многія ревности сердцемъ умилися,
Како смерть вселютая вземлетъ человѣки,
Переселяетъ отъ міра на вѣчные вѣки.
Переселила есть нынѣ цари и патріархи,
Переселила есть нынѣ князи и боляры.
Переселила есть нынѣ вѣрныхъ православныхъ,
Имъ же буди слава со всѣми святыми.
Аминь.

№ 72.

Лѣтоп. р. лит. и др., 1863 г., т. 5, отд. III, стр. 84; стихъ сообщенъ А. С. Павловымъ.

Что есть у насъ три печали великія,
Какъ-то намъ тѣ печали миновать будетъ?
Первая печаль: какъ умирать будетъ?
А вторая печаль: не вѣмъ когда?
А третья печаль: что не вѣмъ гдѣ на томъ свѣтѣ обрящуся!
И гдѣ я тамъ жить буду?
И кто ми домъ созиждетъ?
Что нѣтъ у меня добрыхъ дѣлъ и покаянія,
И нѣтъ у меня чистоты тѣлесныя и душевныя:
Осквернилъ я свое тѣло и душу беззаконіемъ,
Какіе мнѣ туда Богу дары принести будетъ?
Принести бы должно три дары великія:
Постъ и молитву и святую милостыню,—
Приметъ Господь паче злата и сребра
И введетъ тебя въ царство небесное
И будеши со Ангелы во вѣки радоватися.
Господи І. Х. С. Б. помилуй насъ.

№ 73.

По рукописи Московскаго Археологическаго Института.

О человѣче, что еси гордишися,
И что величаешися и почто превозносишися.
Не уповай на красоту свою тѣлесную.
Красота твоя тлѣнная, красота твоя суетная;
Яко цвѣтъ разцвѣтаеши и гробу предаешися,
Персію земною засыпаешися
И съ сродники своими разлучаешися;

И по малу времени забываютъ тя.
Оле, оле, увы, увы, устрашаютъ мя
Всего три печали вѣка сего.
Первая печаль моя, яко имамъ умрети;
Вторая печаль моя — не вѣмъ когда.
Третья моя печаль — не вѣмъ,
Гдѣ по смерти обрящуся тамо.
Да кто дастъ главѣ моей воду
И очима моима источникъ слезъ.
Увы мнѣ, яко близь есть день Господень.

№ 74.

По рукописи Московскаго Археологическаго Института, изъ собранія Загоскина.

Три печали содержатъ мя вѣка сего:
Первая печаль, яко имамы умрети,
Вторая печаль — не вѣмъ когда;
Третія печаль — не вѣмъ,
Тамо гдѣ обрящуся.
Летитъ время сіе часами
Во дни и въ нощи, яко крилами.

№ 75.

Стихъ записанъ въ селѣ Подосиновкѣ, Новохоперскаго уѣзда, и сообщенъ намъ священникомъ о. Митрофаномъ Бунинымъ.

Въ скорби много обрѣтаюсь,
Сердцемъ лютѣ сокрушаюсь,
Господи, помилуй мя падшаго![1]).
Потерялъ блаженство рая,
Горько плачу и стенаю...
Отъ земли меня создавый,
Въ землю паки мя пославый...
О! коль горестно познати
Всѣ лишены благодати...
Сердце ноетъ, умъ въ смущеньи,
Духъ въ мучительномъ томленьи...
Мира нѣтъ въ моихъ составахъ,
Грѣхъ проникъ въ нихъ, какъ отрава...
Наготы моей стыжуся,
Муки вѣчныя боюся...

[1]) Этотъ припѣвъ (Господи, помилуй мя падшаго) повторяется послѣ каждыхъ двухъ стиховъ.

Вмѣсто радости — страданья,
Вмѣсто жизни — смерть въ изгнаньи...
Горы, холмы и долины,
Совосплачите мнѣ нынѣ!..
Возрыдайте съ царемъ вашимъ,
Сколь глубоко нынѣ падшимъ...
Раю Божій, шумомъ листвій
Отзовись моей молитвѣ!..
Пусть прольются слезы чисты,
Какъ роса съ листовъ душистыхъ...
О земля, земля родная,
Споболи со мной стеная!..
Надъ тобою потружуся,
Въ твои нѣдра возвращуся...
Боже вѣчный, Боже правый,
Я попралъ Твои уставы!..
Змія льстиваго послушалъ,
Твою заповѣдь нарушилъ...
Отъ Тебя, мой Богъ всевидецъ,
Думалъ въ райской чащѣ скрыться..
Предъ Тобою, правосудный,
Оправдаться мнилъ безстудный...
Горе мнѣ! Я палъ глубоко
Въ узы рабскія порока...
Ангелъ грозный двери рая
Заключилъ мечемъ сверкая...
Сталъ на строе (на стражѣ?) древа жизни
Херувимъ многоочитый...
Снизойди ко мнѣ желанный,
Сжалься надъ Тобой созданнымъ...

№ 76.

Сборникъ Варенцова, стр. 191; „Стихъ бѣглопоповщинской секты, записанъ въ Саратовѣ“.

Молитву пролію мою ко Господу,
Исповѣмъ грѣси моя Создателю,
Боже, Творче, помилуй мя!
Доколѣ гнѣвъ твой праведный
Зѣло напастей бурею
Караетъ мя?
О горе мнѣ, лукавому!
Обшедше, объидоша мя врази мои;
Смѣяхуся, ругахуся ми грѣшному.
О горе мнѣ, помилуй мя!
Найде на мя болѣзнь лютая,
Со скрежетомъ, трясавицей;

Власы съ главы спадоша,
И гробъ отверзися.
Создавый мя, помилуй мя!

№ 77.

Сборникъ Варенцова, стр. 190—191. „Стихъ бѣглопоповщинской секты, записанъ въ Саратовѣ“.

Ты, Господи, Владыко мой,
Создавый мя, помилуй мя!
Кого пошлешь въ помощники
Мнѣ грѣшному, лукавому?
Самъ буди мнѣ помощникомъ,
И азъ на тя надѣюся,
Къ Тебѣ Творцу, припадаю,
Владыко мой, помилуй мя!
Азъ бо овца заблудшая,
Отставшая отъ стадъ своихъ,
Отъ стадъ своихъ, отъ истинныхъ,
Христолюбивыхъ.
Создавый мя, помилуй мя!

№ 78.

Сборникъ Варенцова, стр. 191—192. „Стихъ бѣглопоповщинской секты, записанъ въ Саратовѣ“.

Возстану я до краснѣ солнца,
До бѣлѣй зари,
Росой утренней умыюся,
Бѣлымъ платомъ утираюся,
Господу поклоняюся.
Помилуй мя, о Господи.
Весь день до вечера,
Да зла, лукавствія и похотей
Избавлюся.
Да творю вся, елико повелѣлъ еси.

№ 79.

Сборникъ Варенцова, стр. 191—196. Стихъ напечатанъ съ помѣткою: „Бѣглопоповщинской секты, записанъ въ Саратовѣ“.

Богу помолюся я, Христу поклонюся,
Богородицѣ радошно пѣніе воспою,
Пророцевъ прославлю,
Мучениковъ ублажу;

Ангелемъ, Архангелемъ,
Херувимомъ и Серафимомъ,
Святая святыхъ сотворю;
Нищую братію,
Алчущихъ, жаждущихъ,
Изгнанныхъ правды ради
Аки сродниковъ пріиму.
А Господь надо мною смилуется,
А Христосъ грѣси моя не помянетъ,
А Матерь Божія милость пошлетъ.
А прейду я отъ сего житія,
А и возьмутъ Ангели и Архангели
Мою душеньку на воскриліяхъ,
И принесутъ ко Аврамію.
У Аврамія храмина свѣтлая;
Отче нашъ за столомъ сидитъ;
Матерь Божія подъ окошечкомъ;
Пророцы, мученицы, праведницы—по лавочкамъ;
Самъ—Аврамій на ложѣ возлежитъ,
Іисусъ Христосъ въ головахъ сидитъ,
Ангели, Архангели,
Херувме и Серафиміи,
Всюду и обоюду.
И глаголетъ Аврамій ми грѣшному:
„Пріиди, чадо, ко мнѣ Аврамію!
Добре житіе провождалъ еси;
Мѣсто злачно ти уготовано;
Самъ я Аврамій подвинуся,
И тебя возложу съ собою,
На ложе мое на злачное".
Нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь.

№ 80.

Сборникъ Варенцова, стр. 201—202. „Стихъ бѣглопоповщинской секты, записанъ въ Саратовѣ", называется: „хвала Успенію Богородицы". →

Апостоли съ конца свѣта
Собравшася вси безъ совѣта.
О дѣвице, твое успеніе!
Пріими наше хваленіе
И подаждь намъ радованіе!
Отецъ свыше призираетъ.
Сынъ матере рупѣ даваетъ. О, дѣвице...
И ты, Сынъ мой и Боже мой!
Въ руцѣ твои предаю духъ мой. О, дѣвице...
Петръ зовяше со слезами:

„О, мати! молися за міръ съ нами! О, дѣвице...
А всѣ жоны приходите;
Матерь Божію приводите! О, дѣвице...
Будучи хвальна и прославленна
Ты, Царица Небесная! О, дѣвице! Твое успеніе..

№ 81.

Сборникъ Варенцова, стр. 193—194. Стихъ сообщенъ А. С. Павловымъ.

Плоть моя невоздержная,
Я боюсь тебя: погубишь меня,
Выгонишь изъ темныхъ лѣсовъ,
Изъ темныхъ лѣсовъ, изъ дремучіихъ,
Изъ зеленой изъ дубровушки,
Изъ прекрасной изъ пустынюшки.
Не унывай, душе моя многогрѣшная,
Уповай, душе моя, на Господа,
И на Спаса Вседержителя,
И на Мать Божію, Богородицу,
И на Ангела на хранителя!
Подъ моремъ, подъ землею,
Мучатся души грѣшныя,
Онѣ мучатся и день и нощь,
Онѣ плачутся — что рѣки льются,
Возрыдаютъ — что ручьи ревутъ:
„Есть ли у насъ отецъ и мать?
Есть ли у насъ и братъ и сестра?
Есть ли у насъ и родъ и племя?
Повѣдали-бы имъ муку вѣчную.
Тошно намъ во огнѣ горѣть,
Грустно намъ во смолѣ кипѣть,
Еще тово тошнѣй — черви точатъ,
Всего-то тошнѣй — на діавола зрѣть“.
Какъ расплачется и растужится
Мать сыра-земля передъ Господомъ:
Тяжело-то мнѣ, Господи, подъ людьми стоять,
Тяжелѣй того — людей держать,
Людей грѣшныихъ беззаконныихъ,
Кои творятъ грѣхи тяжкіе,
Досады чинятъ отцу, матери,
Убійства и татьбы дѣютъ страшныя,
Повели мнѣ, Господи, разступитися,
И пожрать люди-грѣшницы, беззаконницы“.
Отвѣщаетъ земли Іусъ Христосъ:
О мати ты, мать-сыра земля!
Всѣхъ ты тварей хуже осужденная,
Дѣлами человѣческими оскверненная!

Потерпи еще время моего пришествія страшнаго!
Тогда ты, земле, возрадуйся,
Убѣлю тебя снѣгу бѣлѣй,
Прекрасный рай цроращу на тебѣ.
Цвѣты райскія пущу по тебѣ,
Люди моя избранныя, веселитеся во вѣки!

№ 82.

По рукописи Московскаго Археологическаго Института, изъ собранія г. Загоскина.

Воплю я къ Богу о бѣдѣ моей,
Онъ мя услышитъ въ велицей печали моей;
Онъ преклонитъ плачъ въ веселье
И въ радость предложитъ.
Аще бы подъ землю скрылся,
И тамъ мя досяжетъ.
Аще бы въ камень заключился,
И тамъ мя обрящетъ.
О Боже, почто мя оставилъ странняго.
Аще изволишь наказати,
Инъ буди воля Твоя.
Токмо даждь ми спастися,
Милостиве, душѣ моей.

№ 83.

По рукописи Московскаго Археологическаго Института, изъ собранія г. Загоскина.

Не унывай душе моя многогрѣшная,
Уповай душе моя окаянная на Господа,
И на Матерь Божію Богородицу,
И на всю силу небесную,
И на ангела своего хранителя:
Онъ спасетъ насъ и помилуетъ,
Онъ избавитъ насъ муки вѣчныя.

№ 84.

По рукописи Московскаго Археологическаго Института.

Душе моя, душе моя,
Востани, что спиши,
Конецъ приближается.
Се смоковница посѣкается,

Се лоза сухая, яко непотребная,
Во огнь вметается;
Се неключимый рабъ
Во внѣшнюю тьму отсылается.
Но воспряни и плачевно возопіи ему:
Помилуй, Творче, дѣло рукъ своихъ,
Блаже, созданіе свое.
И не отрини мене отъ Себе,
Удалившагося отъ Тебе
И неплодными дѣлы нынѣ обнищавшаго.
Помилуй мя Спасе,
Яко злѣ душа моя погибе.

№ 85.

По рукописи Московскаго Археологическаго Института.

Приводима будеши душе моя во всемірное судище
И влекома напрасно пламенными ангели;
Кого тогда помощника себѣ призовеши,
Имуще дѣянія злая на обличеніе твое.
И нынѣ возникни и покайся, Христу Богу вопіющи,
Человѣколюбче, спаси мя.

———

Не убоимбося дни суднаго и страшнаго.
Вострепѣнится душа моя грѣшная.
Не стыдно-ли, не срамно-ли отъ всѣхъ святыхъ небесныхъ силъ.

———

Како паду, како востану, како удалихомся Бога блага,
Како не трепещу страшнаго дне суднаго!
Возникни, душа моя, ко грядущему Христу Богу,
Прости мя, Владыко, не отверзи лица своего.

№ 86.

По рукописи Московскаго Археологическаго Института.

Душа моя, душа многогрѣшная,
Пора тебѣ душа воспокаятися,
На истинный на путь обратитися,
Покамѣстъ тебѣ терпитъ небесный царь,
Покамѣстъ не послалъ живу душу во адъ.
Тамъ тебѣ, душе, не покаянье будетъ,
Слезы твои не на пользу.
Душе росплачется безъ пользы.
И во вѣки аминь.

№ 87.

По рукописи Московскаго Археологическаго Института, изъ собранія г. Загоскина. Варіантъ предыдущаго стиха.

Ты душе моя, многогрѣшная,
Пора тебѣ, душа моя, воспокаятись,
На истинной на путь возвратитися.
И доколѣ тебѣ терпитъ небесный царь.
И доколѣ тя не сошлетъ живую душу во адъ.
И тогда твоя молитва не услышана будетъ;
Тамо и слезы твои непріятны будутъ ко Христу.

№ 88.

По рукописи Московскаго Археологическаго Института, изъ собранія Загоскина.

Помысли, душе моя, смертный часъ,
Попомни страшный судъ;
Уже бо смерть предъ дверми стоитъ:
Уже бо ждетъ повелѣнія вышняго.
Егда повелитъ Господь,
Во единъ часъ похититъ тя.
Горе тебѣ, душе моя,
Тогда не готову сущу,
И ввергнутъ въ муку вѣчную,
Оттуду бо вонъ не изыдеши,
И вѡ вѣки свѣта не узриши.
Возопи, яко мытарь:
Милосердый мой Господи,
Помилуй мя падшаго.

№ 89.

Сборникъ Варенцова, стр. 170—171. Стихъ „бѣглопоповщинской секты, записанъ въ Саратовѣ“, называется: „Стихъ о страшномъ судѣ“. →

Идутъ лѣта сего свѣта,
Приближается конецъ вѣка,
Восплачутся вси грѣшницы,
Міра сего прелестницы;
Падутъ, падутъ предъ ногами
Богу Отцу со слезами.
„Боже, Отче, ты нашъ Творче,
Не будетъ ли намъ прощеніе
За наше великое прегрѣшеніе?“
— О, горе вамъ, окаянныя,

Отъ всѣхъ святыхъ удаленныя,
И отъ царствія отчужденныя!
Вмѣсто радости и покою
Посылаю я васъ съ сатаною
И со прелестными его бѣсы —
Въ муку вѣчную, безконечную.
И во вѣки аминь.

№ 90.

По рукописи Московскаго Археологическаго Института, изъ собранія г. Загоскина. Варіантъ предыдущаго стиха.

Идутъ лѣта сего свѣта,
Приближается конецъ вѣка,
Восплачутся вси грѣшницы
Міра сего прелестницы.
Падутъ, падутъ предъ ногами
Богу Отцу со слезами.
Боже, Отче, ты нашъ Творче,
Будетъ ли намъ прощеніе
За наше согрѣшеніе.
Речетъ Господь ко грѣшникомъ:
Не будетъ вамъ прощеніе
За ваше согрѣшеніе,
Развѣ плача и печали.
Вмѣсто радости, покоя —
Посылаеши съ сатаною
И съ прелестными его бѣсы
Въ безконечную муку въ вѣчную.
Аминь.

№ 91.

По рукописи Московскаго Археологическаго Института, изъ собранія г. Загоскина. Варіантъ того же стиха.

Идутъ лѣта сего свѣта,
Приближается конецъ вѣка.
Охъ, якъ мàю какъ избыти,
Какъ пріидетъ конецъ моей смерти.
Охъ, якъ мàю отвѣтъ дати,
Какъ придетъ Господь судити;
Ино станутъ человѣцы
Открытыми таинницы.
Идутъ плачутъ вси грѣшницы,
Сего свѣта прелестницы,
Наполнены грѣховъ многихъ.

Много, много грѣховъ моихъ,
Мукамъ разнымъ конца нѣту.
Оле, Оле, тяжкій грѣхъ мой,
Какъ выдетъ изъ тѣла духъ мой,
Тогда дрожитъ тѣло мое,
Страшитъ душу добро твое.
Падутъ, падутъ предъ ногами
Богу Творцу со слезами.
Змилуйся ты надо мною,
Согрѣшихомъ, Творче, предъ Тобою;
Тому слава съ похвалами
И во̀ вѣки вѣкомъ. Аминь.

№ 92.

Н. Поповъ. Сборникъ для исторіи старообрядчества. Т. 2-й, вып. 4-й, стр. 264—265; стихъ напечатанъ съ названіемъ: „Стихъ душеполезный“.

Вечоръ съ другомъ сидѣлъ,
Нынѣ зрю смерти предѣлъ.
О, горе мнѣ, горе великое!
Плоть мою во гробъ кладутъ,
Душу же бѣси во адъ ведутъ.
О, горе мнѣ, горе великое!
Не будетъ милости мнѣ тамъ,
Когда не помиловалъ я себя самъ.
О, горе мнѣ, горе великое!
Вѣрна друга со мной нѣтъ,
Скрылся хранитель мой (ангелъ) свѣтъ.
О, горе мнѣ, горе великое!
Почто душа во адъ спѣшишь? —
Добрыми дѣлами не восперена и въ рай не влетишь.
О, горе мнѣ, горе великое!
Мимо рая прохожу,
Слезно плачу и тужу;
О, горе мнѣ, горе великое!
Ты прости прекрасный рай,
Я отхожу въ иной край;
О, горе мнѣ, горе великое!
Рай прекрасный говоритъ:
„Я не пріемлю проклятыхъ“.
О, горе мнѣ, горе великое!
Злодѣлатель себѣ я самъ,
Предалъ себя бѣсамъ.
О, горе мнѣ, горе великое!
Мучить будутъ завсегда,
Не отпустятъ никогда.

О, горе мнѣ, горе великое!
Я весь во огнѣ стою,
Пѣснь плачевную пою.
О, горе мнѣ, горе великое!
Пью я вмѣсто воды смолу,
За гордыню за свою.
О, горе мнѣ, горе великое!

№ 93.

По рукописи Московскаго Археологическаго Института, изъ собранія г. Загоскина.

О горе мнѣ, грѣшному сущу,
Горе—благихъ дѣлъ не имущу!
Како предъ судъ Божій явлюся,
Како со святыми вселюся!
Отступихъ отъ Бога азъ злобою,
Злобою грѣховною самъ сый собою [1]).
Темность паче свѣта желаю [2]),
Свѣта благодати лишаюсь [3]).
Совлекохся первой одежды,
Божіей лишихся надежды.
То моя надежда и дѣло
Убиваетъ душу и тѣло.
Временное впредь почитаю,
А о славѣ вѣчной не помню;
Что же услышу, стражу на вѣки,
Ахъ бѣда мнѣ и жаль превелики.
Восплачуся горько слезами,
Да не будетъ милости съ нами.
Какъ отшелъ я далече на страну,
Чѣмъ питатися стану.
Въ великой бѣдѣ случаюсь,
И отъ рожецъ я питаюсь.
Пойду предъ отцемъ умилюся
И съ покореніемъ поклонюся.
Пріими мя отче заблудшаго сына
Отъ наемникъ аки едина.

---

[1]) По другой редакціи вмѣсто этого стиха—„Самъ любимъ собою“.
[2]) Вмѣсто „желаю“—„кохаю“.
[3]) Вмѣсто „лишаюсь“—„не дбаю“.

№ 94.

По рукописи Московскаго Археологическаго Института, изъ собранія г. Загоскина.

Уже къ старости и концу снидохъ,
А въ чувство окаянный не пріидохъ.
Жду на ся смертнаго посѣченія,
А не остануся прелестнаго попеченія.
Смерть не трубитъ, а каждаго человѣка губитъ.
О смерте, вижу, что ты худа и суха,
А бѣжать отъ тебе некуда.
Въ царскіе домы входиши
Съ царей короны снимаеши.
Со святители о чину пренія не держиши,
А пришедъ къ нимъ долго не медлиши.
Всю вселенную объемлешь,
А гостинцевъ ни отъ кого не пріемлеши.
На востокѣ ходишь
И во мгновеніи ока и къ западу приходишь.
Сѣверъ очесы своими назираеши,
А уже и югъ достигаеши.
Кто смерти не паметуетъ,
Того мука не минуетъ.
Богу нашему слава. Аминь.

№ 95.

По рукописи Московскаго Археологическаго Института.

О неумолимая смерть,
Люта еси и немилостива,
Никто не можетъ избѣжати тя
Ни за красотою и ни за младостію,
Ни благородія стыдишися,
Вкупѣ богатыхъ и убогихъ
Яко классы пожинаеши.

№ 96.

Лѣтоп. р. лит. и др., 1863 г., т. 5, отд. III, стр. 83. Стихъ сообщенъ А. С. Павловымъ; напечанъ съ помѣткою: „изъ раскольнической рукописи".

Убойся Бога, человѣче,
Уже смерть за тобою стоитъ,
Она востритъ на тебя криву косу,
Она ждетъ повелѣнія Божія:
Егда повелитъ Господь,

Во единый часъ подкоситъ твои ноженьки
И разслабитъ твои рученьки,
И языкъ твой пріумолкнетъ,
И глазынъки твои закроются;
И придутъ къ тебѣ послики Божіи.
Они вынутъ изъ тебя душеньку безъ милости
И понесутъ ее къ мытарству страшному.
И увидитъ душенька мытаревъ — испугается,
И возмолится къ божіимъ ангеламъ:
„О ангели божіи! Отпустите вы меня
Покаитца во грѣхахъ моихъ тяшкіихъ!“
Отвѣщаютъ душеньки святыя ангели:
„Опоздала ты, душа, каитца:
Теперича торгъ разъѣхался
И двери затворилися,
Здѣся нѣту покаянія,
И грѣхамъ твоимъ прощенія“.
И приступятъ къ душѣ страшныя мытари,
И отымутъ душу отъ рукъ ангельскихъ,
Понесутъ ее въ мѣсто темное,
И посадятъ душу въ муку вѣчную.
И тогда душа горько восплачется:
„На што-то меня отецъ мать породили?
Горе мнѣ во огни горѣть,
Горче того во смолѣ кипѣть!“

№ 97.

Н. Поповъ. Сборникъ для исторіи старообрядчества. Т. 2, вып. 4, стр. 262. Напечатанъ стихъ съ помѣткою, что его пѣли въ Иргизскихъ скитахъ.

О коль наше на семъ свѣтѣ житіе плачевно!
Коль скоро и коль кратко, аки однодневно.
Родимся мы на свѣтъ наги, облиты слезами,
Живемъ вѣкъ нашъ въ суетѣ, объяты и печальми.
Что будетъ, куда пойдемъ? Не знаемъ того сами.
Растемъ въ болѣзняхъ и случаяхъ печальныхъ.
Мятетъ сердце наше страхъ, когда ждемъ дней дальнихъ.
Да чтожъ потомъ слѣдуетъ? Охъ, страшно сказати!
Смерть сотретъ и имѣетъ острымъ серпомъ пожати.
Когда и въ кое время никакъ неизвѣстно,
Придетъ нощію аки тать, возьметъ насъ нечестно.
Поведетъ въ землю во гробъ, въ темная жилища,
Отдастъ червямъ и глаголетъ ядите (ѣште черви), вотъ вамъ пища!
Ужь не страшноль о семъ слышать бѣднымъ человѣкомъ
(человѣче),
Простите насъ, простите во вѣки.
О коль есть безстудна смерть немилосерда!
Дерзновенно къ царскимъ тронамъ приступаетъ,

И очень смѣло силу, власть и скипетры у царей отнимаетъ,
И во гробъ ихъ подвергаетъ,
Какъ точно и палку у пастуха скотскаго.
Сколько было (на семъ свѣтѣ) мудрыхъ патріотовъ
И великихъ житіемъ святыхъ іерарховъ.
Македонскій Александръ ужасенъ былъ міру,
Многимъ царямъ соодолѣлъ, всѣ знали его силу.
Многія царства покорилъ, славный персидскій Киръ;
Цѣлымъ свѣтомъ завладѣлъ Августъ кесарь римскій;
Одна его была въ мірѣ держава.
Промчалась по свѣту Петра Великаго слава.
Всѣхъ таковыхъ царей смерть не убоялась,
Внезапно точно темна ночь подъ жизнь ихъ подкралась.

№ 98.

Н. Поповъ. Сборникъ для исторіи старообрядчества, т. 2-й, вып. 4, стр. 271—272; напечатанъ съ заголовкомъ: „Стихъ, гласъ 7-й".

Всякъ человѣкъ на земли живетъ,
Какъ трава въ полѣ цвѣтетъ.
Изъ чрева матерняго родился,
Вольнымъ свѣтомъ обновился,
Жилъ, всю жизнь свою веселился,
И въ грѣхѣ подобно въ морѣ топился;
Не щиталъ всякъ грѣхъ за важное,
Что имать дать отвѣтъ за дѣло каждое.
Внезапу пріидетъ часъ смертный,
Скрыется свѣтъ временный,
И въ то время начнетъ душа унывать и сѣтовать,
И помышлять о грѣхахъ, и болѣзновать.
Плачетъ слезно и терзается,
Какъ душа съ тѣломъ разлучается.
Приходитъ смерть и пожинаетъ,
Вси составы оружіемъ раздробляетъ,
И какъ подаетъ душѣ чашу смертную,
И увидимъ вскорѣ плоть мертвую;
И зритъ душа себя стояща,
А плоть лежитъ на одрѣ смердяща.
И приступятъ къ ней страшніи демони;
Лица ихъ, какъ смола, черніи,
И грозятъ душѣ ея грѣхами,
И видитъ грѣхи у нихъ написаны тьмами,
И ждетъ, куда опредѣлится Божіими судьбами.
Охъ! увы, и горе!
Почто я жила на своей плотской волѣ?
И стоитъ, себя осуждаетъ.
Почто всякъ человѣкъ отъ грѣха погибаетъ?

И повлекутъ мрачніи враги душу грѣшную
Въ подземную бездну безконечную.
Обращается душа вспять и горько рыдаетъ,
И видитъ, что вѣчная тьма покрываетъ.
Увы! Увы! братіе—си и сродницы!
Почто мы живемъ грѣху угодницы?
Лишаюсь нынѣ я вольнаго свѣта,
Не могла подать Божію суду отвѣта.
Не стало у меня въ виду ни сродника, ни заступника;
Но токмо эѳіопи видятся—страшные спутники.
Омерзѣла мнѣ вся земная плотска утѣха:
Откуду буду ожидать милости и успѣха?
Посаждаютъ мя въ мѣсто темное,
И пріемлетъ мя юдоль плачевная:
Откуда ожидать помощи?
Объяли мя зломрачніи сонмищи.
Прошу я васъ, милые мои ближніи сродницы:
Помолитесь о мнѣ ко Святой нашей Богородицѣ,
Престала бо моя молитва къ Творцу небесному,
Кто же подастъ отраду мнѣ грѣшному,
Окромѣ вашего къ Богу усерднаго моленія?
Вы можете просить о мнѣ всегда его милосердія.

№ 99.

Н. Поповъ. Сборникъ для исторіи старообрядчества, т. 2, вып. 4. стр. 266—271. Стихъ напечатанъ съ поясненіемъ, что онъ „является подражаніемъ древнему стиху (XVI вѣка), который также при скитахъ распѣвали старообрядцы на Иргизѣ. Эта паломническая пѣснь по напѣву своему походитъ на молитвы нашихъ калекъ перехожихъ; здѣсь также слышны грусть и жалобы слѣпыхъ нищихъ на все мірское“.

А какъ жили мы грѣшницы на вольномъ свѣту,
Пили, ѣли и тѣшилися,
Тѣлѣсемъ своимъ всегда мы угожавали,
На свою душу грѣховъ много накладывали.
Ничего себѣ добра мы не дѣлывали,
Не знали мы ни среды, ни пятницы,
Ни тридневнаго Христова воскресенія,
Ни святыхъ Его великихъ праздниковъ.
Ко святымъ Божіимъ церквамъ не прихаживали,
И святыхъ книгъ божественныхъ не слушивали;
И по писанному въ нихъ мы не дѣлывали,
И великаго поста мы не гавливали,
И земныхъ поклоновъ мы не кладывали.
За тяжкіе грѣхи мы не плакивали,
И до поту лица (мы) не маливались,
И вольнаго причастія не пріимовали,

И къ нищимъ мы были не милостивы,
И тѣмъ мы Бога прогнѣвляли,
И за все то будетъ намъ отвѣтъ давать,
Отвѣтъ давать самому Христу,
Въ страшное его пришествіе.
А кто не слыхалъ страха Христова,
Страха Христова суда Божія,
А кто у насъ во плоти у Христа?
А во плоти у Христа святой Илія пророкъ.
Входили они на гору Ѳаворскую,
Съ самимъ Христомъ, съ Сыномъ Божіимъ.
Показалъ ему самъ Господь и муку и рай,
Гдѣ грѣшникамъ быть и гдѣ праведникамъ.
А праведнымъ мѣсто уготовано,
Пресвѣтлое царство небесное.
А грѣшникамъ мѣсто уготовано,
Прелютыя муки разноличныя,
Гдѣ ворамъ, татямъ, разбойникамъ,
Гдѣ пьяницамъ, гдѣ корчемницамъ,
А гдѣ блудникамъ, душегубцамъ.
Блудники пойдутъ во вѣчный огнь,
А татіе пойдутъ въ великій страхъ,
Разбойницы пойдутъ въ грозу лютую,
Чародѣи пойдутъ во тяжкій смрадъ,
И ясти ихъ будутъ зміи лютые.
Сребролюбцамъ мѣсто неусыпный червь;
Мразъ будетъ зѣло лютъ немилостивымъ,
Убійцамъ будетъ скрежетъ зубный,
А пьяницы пойдутъ въ смолу горящую,
Смѣхотворцы и глумотворцы на вѣчный плачъ.
И всякому будетъ по дѣламъ его,
По дѣламъ будетъ и мука и рай.
Тогда будетъ судъ немилостивъ
Немилостивымъ грѣшникамъ.
Сядетъ Судія, самъ небесный царь,
Іисусъ Христосъ Сынъ Божій,
На страшномъ прегрозномъ престолѣ своемъ,
И около него станутъ полки архангельскіе,
Одесную страну вси святіи Его,
По лѣвую страну многіе грѣшницы
Въ велицѣмъ страсѣ и ужасѣ.
Отъ востока течетъ рѣка огненная,
Течетъ она до запада
Пожжетъ она землю и каменіе,
И всѣ древа и звѣри и птицы пернаты воздушныя.
Тогда вся земля потрясется,
И небо во свитокъ совьется;
Всѣ звѣзды съ небесъ спадутъ на землю,
Спадутъ они яко листвіе.
Солнце и мѣсяцъ потемнѣютъ

Отъ великаго страха и ужаса,
И сами тѣ Ангелы ужаснутся,
Видючи муки прелютыя,
Самому сатанѣ уготованныя съ бѣсами и со грѣшники;
И тамо имъ будетъ мучитися,
Во вѣки и на вѣки безконечныя.
А праведнымъ будетъ радость безконечная и велія,
И идутъ они во прекрасный рай;
Поютъ они пѣсни херувимскія,
Величаютъ Христа царя небеснаго
И самого Царя всѣхъ создателя,
Со отцемъ и Духомъ въ Троицѣ приснославнаго и поклоняемаго.
И Божію Матерь, Богородицу Марію, царицу владычицу.
А грѣшные беззаконные рабы завидѣли царицу Богородицу,
И свѣта Михаила Архангела, со всѣми небесными силами,
И святыхъ великихъ Апостоловъ, пророковъ и мучениковъ,
И полки святыхъ Божіихъ,—закричали во многія голоса:
И ой! еси царица Владычица,
Мати Божія Богородица,
И свѣтъ ты, Михайла Архангелъ Господень,
Со всѣми небесными силами!
И вси пророцы и Апостоли,
И святіи святители и мученики,
И вси угодницы Божіи,
Припадите вы къ престолу страшному,
Пролейте вы слезы умильныя,
Къ самому Царю небесному,
За насъ убогихъ грѣшниковъ,
Чтобы онъ до насъ былъ свѣтъ милостивъ,
Не послалъ бы насъ въ муки прелютыя.
Речетъ же имъ Михайла Архангелъ:
„И ой, вы еси многіе грѣшницы,
„Да здѣ Судія у насъ праведный,
„Самъ Христосъ, Царь грозный,
„И судитъ судъ по дѣломъ всѣхъ,
„И азъ воевода небесныхъ силъ,
„Всегда творю повелѣнное,
„Что велѣно мнѣ отъ самого Христа.
„И нынѣ вы всуе молитеся,
„И безутѣшно своя слезы проливаете;
„Не будетъ вамъ здѣ милости,
„Уже за ваше житье самовольное,
„Что жили вы тамъ на вольномъ свѣту,
„Грѣхи ко грѣхомъ прилагаючи,
„И страшнаго суда забываючи,
„И вѣчнаго житія не воспоминаючи;
„О своихъ грѣхахъ вы не плакалися,
„Да тѣмъ Бога вы прогнѣвали,
„И нынѣ нѣсть вамъ прощенія.

„Уже здѣ судія до насъ не милостивъ,
„Пойдите вы всѣ въ муки вѣчныя,
„Со діаволомъ на вѣки мучитися“.
Тогда се услышавше грѣшницы, возрыдаютъ,
Они съ воплемъ великимъ къ самому Христу царю небесному,
И съ кровавыми слезами возмолются;
„Помилуй насъ Владыко, помилуй!“
Тогда отвѣщаетъ имъ самъ Христосъ:
„Право, глаголю, не знаю васъ,
„Идите вы всѣ во тьму кромѣшную,
„Со отцемъ своимъ со діаволомъ;
„Не хощу бо васъ видѣти никогда же азъ“.
Тогда ударятъ ихъ Ангели,
Прегрознымъ оружіемъ огненнымъ,
Прогонятъ ихъ въ муки превѣчныя.
Тогда пришедше къ рѣкѣ огненной,
Воззрятъ назадъ къ раю свѣтлому,
Рекутъ со слезами умильно послѣднее изреченіе:
„Прости ты насъ, прекрасный раю,
„Прости ты насъ Мати Владычица,
„Богородица царица небесная!
„Прости насъ крестъ пресвятой Христовъ,
„Простите насъ вы вси Ангели святіи,
„Простите насъ вси Божіи святіи;
„Уже бо намъ не видати васъ,
„Ни вашей славы великія,
„Ни прекрасныхъ свѣтлостей солнечныхъ,
„Ни пѣсней вашихъ прекрасныхъ и гласовъ,
„Ни вашея радости многія.
„Уже мы идемъ въ преисподній адъ,
„Въ тартаръ на вѣки мучитися,
„Увы! Увы! съ бѣсы всегда кричать
„И зубами прелютѣ всегда скрежетать,
„А помощи никогдаже видать,
„Прости насъ свѣтлый прекрасный раю,
„Со всѣми святыми божіими,
„Уже мы далече отходимъ отъ васъ,
„О горе, и прелютѣ намъ!“
Тогда начнутъ ихъ Ангели рѣяти,
Въ прелютое море кипучее,
И въ различныя муки подземныя,
Комуждо въ муку по дѣломъ его,
Да такъ бредутъ въ море грѣшницы,
Плачуще и рыдающе,
Отца и мать вспоминаючи:
Да почто насъ отецъ и мать породили,
Лучше бы намъ не родитися.
О, горе, увы! и прелютѣ намъ.
Плачу конца не обрящется,
Великой муки не умалится;

Ядущіе черви не уснутъ,
Никогда конца мукамъ не явится,
И намъ никогда не умереть во вѣки безконечныя. Аминь.

№ 100.

Сборникъ Варенцова, стр. 171 – 172. Напечатанъ съ помѣткою: „Стихъ бѣглопоповщинской секты, записанъ въ Саратовѣ“; „Стихъ иной о страшномъ судѣ“.

Со восточной стороны идутъ души праведныя;
Речетъ къ нимъ Небесный Царь: „подите вы праведныя,
Подите вы, любезныя, вамъ рай растворяется,
Вамъ пища готовится, вамъ пища различная“.
Съ западной стороны идутъ души грѣшныя.
Речетъ къ нимъ Небесный Царь: „подите вы, грѣшныя,
Подите вы, окаянныя, вамъ адъ растворяется,
Вамъ муки готовятся, вамъ всѣ различныя:
Инымъ будетъ грѣшникамъ—огнь негасимый,
Инымъ будетъ грѣшникамъ—зима зла студеная.
Инымъ будетъ грѣшникамъ—смола и зла кипящая,
Инымъ будетъ грѣшникамъ—червь ядовитый,
Инымъ будетъ грѣшникамъ—тьма несвѣтимая,
Инымъ будетъ грѣшникамъ—пропасть глубокая,
Инымъ будетъ грѣшникамъ—скрежетъ зубный“.
Падутъ, падутъ грѣшницы на мать сыру землю;
„Увы, наши родители: на что вы насъ породили?
На муки вѣчныя, на муки безконечныя“.
Во вѣки аминь.

№ 101.

По рукописи Московскаго Археологическаго Института.

Многія на мя волны возставаютъ
И лютое потопленіе,
И да не убоимся мы погрязновенія,
На камени бо стоимъ.
Море ся пѣнитъ и да не устоитъ:
Не можетъ бо погрузити Ісусова корабля.
Молюся вамъ, братіе, возлюбленная,
Терпите вы, братіе, многія скорби,
Да избудите, братіе, вѣчныя муки;
Наслѣдуйте, братіе, небесное царство.

№ 102.

По рукописи Московскаго Археологическаго Института, изъ собранія г. Загоскина.

Возлюбимъ мы, братіе, ангельскую любовь;
То со вечера, братіе, церковь оградимъ,
Ко полунощи, братіе церковь освятимъ,
Ко бѣлу свѣту, братіе, ко Христу за престолъ.
По истинѣ, братіе таковый есть человѣкъ,
Кто имѣя совершенную любовь —
Израильскій домъ на земли, аки столпъ до небесъ.

№ 103.

По рукописи Московскаго Археологическаго Института, собр. Загоскина, № 3.

Врагъ злодѣй безъ стыда нападе на меня;
Много пряхся со мною, преможе меня.
Поскрежета, яко левъ, своими зубы на меня.
Прострѣлилъ меня стрѣлою грѣховною,
Поразилъ меня мечемъ беззаконныимъ грѣхомъ.
Впадохъ въ сѣти его въ беззаконные грѣхи.
Уловилъ меня въ сѣть, яко звѣря на убіеніе,
Врагъ злодѣй посмѣяхся мною.
Господи Іисусе Христе, преломи вражія стрѣлы отъ меня.
Господи отврати вражія сѣти отъ меня.
Господи отыми вся злые помыслы отъ мене.
Господи Іисусе Христе Сыне Божій помилуй мя падшаго.

Отдѣлъ 5-й.

Приложенія.

а) Пять страннических‍ъ „паспортовъ“. (Эти интересныя произведенія старообрядческихъ „бѣгунскихъ“ толковъ, написанныя частью прозой, частью рифмованною рѣчью, близко подходятъ по содержанію къ послѣднимъ стихамъ 1-го отдѣла); старообрядческая „азбука“, рецептъ лекарства и пр.

б) Типы старообрядцевъ стараго времени, портреты нѣкоторыхъ лицъ, упоминаемыхъ въ стихахъ; планы старообрядческихъ скитовъ; снимки съ картинъ, обратившихъ на себя наше вниманіе въ старообрядческихъ моленныхъ.

№ 104.

Русскій Архивъ 1866 г. т. 4-й, столб. 604. „Странники (изъ исторіи раскола)“ Л. Н. Трефолева, съ примѣчаніями И. С. Аксакова. Для сравненія мы помѣщаемъ далѣе еще четыре редакціи такъ называемыхъ „пачпортовъ“, написанныхъ частью прозою, частью рифмованною рѣчью.

„Господь—просвѣщеніе мое и Спаситель мой: кого убоюся.
Господь защититель живота моего: кого устрашуся?
Паспортъ у насъ изъ града вышняго Ерусалима,
Убѣжали мы на волю отъ злаго господина,
Отпустилъ насъ другой господинъ—
Богъ вышній единъ!
Гдѣ бы намъ ни жить,
Только Господу служить!
Онъ насъ къ себѣ призываетъ
И свои рупѣ къ намъ простираетъ,
И грѣхи наши не вспоминаетъ,
Но токмо цѣловати насъ желаетъ,
Въ одежду свѣтлую насъ облекаетъ,
Въ сапоги назѣ наши обуваетъ
И тельца упитаннаго закалаетъ,
И съ собою за трапезу посаждаетъ...
Мы здѣсь ни града ни села не знаемъ,
Но къ нерукотворенному граду путешествовать желаемъ!
А кто будетъ насъ боятися,
Тотъ не хощетъ съ Господиномъ нашимъ знатися;
А кто насъ погонитъ,
Тотъ себя въ геенну готовитъ;
А кто будетъ принимать,
Тотъ получитъ благодать.
Просящаго у тебя не пытай,
Но аще проситъ, Бога для, ему подай.
Аще и разбойникъ проситъ—онъ такое жъ существо,
Господь и его сотворилъ въ свое естество“.

№ 105.

Международная библіотека, т. XXI, стр. 70, Лейпцигъ, 1879 г. Паспортъ напечатанъ съ помѣткою: „по тексту г. Буслаева. (Русская Рѣчь, № 26, 1861 г.)".

Объявитель сего, Іерусалима града вышняго, азъ рабъ Христовъ, уволенъ въ разные города и селенія, для ради себя прокормленія, всякими трудами и работами, еже работати съ прилежаніемъ, а есть (ѣсть?) съ воздержаніемъ; противъ всѣхъ чтобъ не прекословить, но токмо Бога славословить; убивающихъ тѣло не бояться, но Бога бояться и терпѣніемъ укрѣпляться. Утверди мя Господи въ святыхъ твоихъ заповѣдяхъ стояти и отъ Востока, тебѣ, Христе, къ Западу не отступати. Господь просвѣщеніе мое и Спаситель мой: кого ся убою. Господь защититель животу моему: кого ся устрашу. И гдѣ я буду пребывать, всѣхъ я буду подражать. А кто держать меня будетъ бояться, тотъ не хощетъ съ царемъ моимъ знаться. Ты покой мнѣ, Богъ, и прибѣжище мнѣ, Христосъ; покровитель и просвѣтитель мнѣ Духъ Святый. А какъ я сего не буду наблюдать, то послѣ много буду плакать и рыдать. Егда день Христовъ явится, тогда дѣло наше обновится. Дано сіе отъ нижеписаннаго числа впредь на одинъ вѣкъ, а по прошествіи онаго числа явиться мнѣ въ мѣсто нарочито. Сей пашпортъ явленъ въ части святыхъ, и въ книгу животну подъ номеръ будущаго вѣка записанъ.

№ 106.

Международн. библіотека, т. XXI, стр. 68.

Господь просвѣщеніе мое
и Спаситель мой кого ся убою —
Господь защититель животу моему отъ кого ся
устрашу.

Данъ сей пашпортъ отъ Града Вышняго: Великаго Царя-Спасителя, небу и земли Вседержителя. Отпустилъ мя на волю вѣ вѣки Всевышній Господинъ и Создатель Богъ единъ. И приложено множество святыхъ рукъ—еже бы боятися страшныхъ мукъ. Написаны ему примѣты и лѣта—жизнь и радость будущаго вѣка. Прописанъ в' полиціи полной—еже имѣти разумъ духовный, еже боятися Бога и творити его волю. А занѳмеренъ в' пути ревности, чтобъ по Бозѣ итти и не имѣть лѣности; итти правымъ путемъ о Христе, чтобъ неодержали бѣси раба божія нигдѣ. А кто вѣры ради погонитъ, в' геенну себя готовитъ, а еже ли сего не буду наблюдать, то много буду плакать и рыдать.

Упованіе намъ Богъ, и прибѣжище
наше Христосъ и покровитель
намъ есть Духъ Святый.
аминь.

№ 107.

Костромскія Епархіальныя Вѣдомости, 1899 г. № 2. стр. 37 и у С. А. Архангелова „Среди раскольниковъ и сектантовъ Поволжья“ СПБ., 1899 г., стр. 98.

Объявитель сего рабъ Іисуса Христа (имя рекъ) уволенъ изъ Іерусалима града Божія въ разные города и селенія ради души прокормленія, грѣшному же тѣлу ради всякаго озлобленія. П(р)омышлять ему праведными трудами и работами, еже работати съ прилежаніемъ, а пить и ѣсть съ воздержаніемъ, противъ всѣхъ не прекословить, но также Бога славословить, убивающихъ тѣла не бояться, но Бога бояться и терпѣніемъ укрѣпляться, ходить правымъ путемъ по Христѣ, дабы не задержали бѣси раба Божія нигдѣ.

Утверди мя, Господи, во святыхъ Твоихъ заповѣдяхъ стояти и отъ востока Тебя, Христе, къ западу, сирѣчь ко антихристу не отступати. Господь просвѣщеніе мое и Спаситель мой—кого ся убою, Господь защититель живота моего—кого ся устрашу? Аще ополчится на мя полкъ, не убоится сердце мое. Покой мнѣ—Богъ, прибѣжище—Христосъ, покровитель и просвѣтитель—Духъ Святый. А какъ я сего не буду соблюдать, то послѣ много буду плакать и рыдать. А кто страннаго мя пріяти въ домъ свой будетъ бояться, тотъ не хощетъ съ Господиномъ моимъ знаться. А кто мя ради вѣры погонитъ, тотъ явѣ себя съ антихристомъ въ адъ готовитъ.

Данъ сей пачпортъ изъ града Бога Вышняго, изъ Сіонской полиціи, изъ Голгофскаго квартала. Приложено къ сему пачпорту мнжество невидимыхъ святыхъ отецъ рукъ, еже бы бояться страшныхъ и вѣчныхъ мукъ. Данъ сей пачпортъ отъ нижеписаннаго числа на одинъ вѣкъ, а по истеченіи срока явиться мнѣ въ мѣсто нарочито, на страшный Христовъ судъ.

Приписать мои примѣты и лѣта въ радость будущаго вѣка.

Явленъ пачпортъ въ части святыхъ и въ книгу животну подъ номеръ будущаго вѣка записанъ.

№ 108.

Междунар. Библіотека, XXI т., стр 69. Паспортъ напечатанъ съ помѣткою: „страннический“.

Господь просвѣщеніе мое и Спаситель мой, кого ся убою; Господь защититель животу моему, отъ кого ся устрашу; аще ополчится на мя полкъ, не убоится сердце мое.

По благоволенію Великаго и пресильнаго Всемірнаго Царя, которымъ сотворено небо и земля, по его повеленію, данъ сей указъ душѣ моей грѣшной на прокормленіе, а тѣлу на трудъ и озлобленіе. Отпустилъ мя раба своего Великій Господинъ—Богъ Града Вышняго и уѣзду, Пустыннаго стану, Черноленскаго села Будова,

того Господина всея твари едина. Имя ему Сый; санъ Его—Благословеннаго. Азъ деревни Нечкина, а прописаны мнѣ лѣта—радость будущаго свѣта. А приложено множество св. отецъ рукъ, еже бо боятися страшныхъ и вѣчныхъ мукъ; а прописанъ въ полиціи полной, имѣть разумъ духовный, а занѡмеренъ въ путь радости, чтобы не имѣть лѣности, идти правымъ путемъ о Христѣ, чтобы не держали бѣси раба Божія нигдѣ; а кто страннаго пріять будетъ бояться, тотъ не хощетъ съ Господиномъ моимъ знаться, а кто мя вѣры ради погонитъ, то явѣ себя съ Антихристомъ въ геенну готовитъ. Упованіе намъ Богъ, и прибѣжище наше Христосъ, и покровитель намъ Духъ Святой; а еже сего не буду наблюдать, то много буду плакать и рыдать. Все упованіе мое къ тебѣ возлагаю Матерь Божія, сохрани мя въ своемъ покровѣ. Аминь.

№ 109.

Ѳ. В. Ливановъ. Раскольники и Острожники. Т. 4, стр. 161; изд. 1, СПБ. 1873. Стихъ старообрядцевъ бѣгунскаго толка.

Странна и нища не забуди никого,
Какъ друга иль брата своего;
Богъ о странныхъ весьма печется
И тебя за то на судѣ не отречется;
Авраамъ былъ богатъ и страннолюбивъ,
Того ради и милость отъ Бога получивъ.
Не стыдися страннаго пріимати
И на подаяніе руки простирати:
За сіе будешь въ царскихъ палатахъ вѣчто обитати.
А кто меня изгонитъ,
Тотъ явѣ себя въ геенну готовитъ.

№ 110.

По рукописи Московскаго Археологическаго Института, изъ собранія г. Загоскина.

А.—Азъ есмь всему міру свѣтъ.
Б.—Богъ есмь прежде всѣхъ вѣкъ.
В.—Вижу всю тайну человѣческую.
Г.—Глаголю же вамъ сыномъ человѣческимъ:
Д.—Добро есть вѣрующимъ во имя мое;
Е.—Есть гнѣвъ мой на грѣшники.
Ж.—Жизнь есмь всему міру,
З.—Зло законопреступникомъ.

З.—Земля подножіе ногамъ моимъ,
И.—Иже есть престолъ мой на небесѣхъ.
І.—Інаго нѣсть Бога развѣ мене.
К.—Како совѣщаша на мя золъ совѣтъ.
Л.—Людіе мои законопреступніи
М.—Мыслиша на мя злая за благая,
Н.—На крестѣ пропяша мя,
О.—Оцта и желчи напоиша мя,
П.—Праведнаго Сына Божія.
Р.—Раздѣлиша ризы моя себѣ,
С.—Студно грѣхъ содѣвающе,
Т.—Терновъ вѣнецъ возложиша на мя.
Ѹ.—Умы Пилатъ руцѣ свои рече:
Ч.—Чистъ есмь отъ крове праведнаго сего;
Ф.—Фаресеи же возопиша: возьми, возьми распни его.
Х.—Хотя же спасенія нашего, вся претерпѣхъ
Ѿ.—Ѿ неправедныхъ беззаконникъ,
Ц.—Церкви вамъ подписуя свобожденіе,
Ч.—Чисты васъ приводя своему Отцу,
Ш.—Шатанія бѣсовскаго свобождая васъ
Щ.—Щедротами своего человѣколюбія.

№ 111.

По рукописи Московскаго Археологическаго Института, изъ собранія Загоскина.

Пріиде нѣкто мнихъ ко врачу
И рече ему мнихъ:
Есть ли у тебе врачъ быліе—
Корень грѣховнаго недуга?
И рече ему врачъ: есть:
Пріиди и возьми корень послушанія,
Листвія терпѣнія, цвѣтъ чистоты,
Плодъ добрыхъ дѣлъ;
Разотри въ котлѣ беззлобія,
Просѣй въ рѣшетѣ разсужденія;
Сыпли въ горшокъ смиренія,
Покрой милостынею, подгнѣти огнемъ,
Подлей отъ слезъ божественныя любве.
Когда уварится, устуди братолюбіемъ
Иже лжицею вкуси покаянія,
Тогда будеши здравъ.

№ 112.

По рукописи Московскаго Археологическаго Института.

О прелесте, понеже еси пестра,
И кто можетъ изъ руку твоею исторгнутися.
Иже въ мірскихъ вещахъ мятущися,
И умъ свой пригвожденъ имать,
Во истину—никто же.
О пустыня, иже Духа Святаго вмѣщаеши, блаженна еси
Ибо ученицы Христовы въ тебѣ свое естество познаваютъ,
И діавольская злохитрства презираютъ.
По апостольскому словеси глаголемъ: изыдите,
Братіе отъ міра изыдите и нечистотѣ его не прикасайтеся.
Возлюбите безмолвіе, да познаете Бога откровеннымъ умомъ
Славу Его узрите, что всуе мятемся въ жизни сей.
Еда бы и до небесъ славою и величествомъ вознесешися,
Еда и весь міръ пріобрящеши, не гробъ ли покрыетъ
И угаситъ все твое существо, и отыдеши нагъ во страну иного вѣка,
И истязанъ будеши не токмо дѣяніи отверженія вѣры Христовы,
Но глаголъ и помышленій суетныхъ,
Въ нихъ же время свое изнурилъ еси.

№ 113.

Это и слѣдующее стихотворенія найдены нами въ безпоповской старообрядческой моленной села Красный Логъ, Воронежскаго уѣзда. Стихотворенія подписаны подъ картинами, изображающими птицъ „сирина“ и „алконоста“. Копіи съ этихъ картинъ, сдѣланныя старообрядческимъ иконописцемъ, помѣщаются нами далѣе въ приложеніяхъ къ сборнику стиховъ. Оригиналъ этихъ картинъ висѣлъ въ названной моленной на сѣверной стѣнѣ (въ сѣверномъ углѣ) на ряду съ образами.

Птица райская алконостъ
Близь рая пребываетъ,
Нѣкогда и на Ефратѣ рѣцѣ бываетъ.
Егда же въ пѣніи гласъ испущаетъ,
Тогда и сама себѣ не ощущаетъ.
А кто во близости ея будетъ,
Той все въ мірѣ семъ позабудетъ.
Тогда умъ отъ него отходитъ
И душа его изъ тѣла исходитъ.
Таковыми пѣсньми святыхъ утѣшаетъ
И будущую радость имъ возвѣщаетъ,
И многая благая тѣмъ сказуетъ,
То и явѣ перстомъ указуетъ.

ТАБЛИЦА № 8.

Птицы Сиринъ и Алконостъ. Копія съ картины изъ старообрядческой моленной села Красный Логъ, Воронежскаго уѣзда. Смотр. примѣчаніе къ стиху № 113.

№ 114.

Смотри примѣчаніе къ предыдущему стиху.

Птица райская, зовомая спринъ,
Гласъ ея въ пѣніи зѣло силенъ.
На востоцѣ въ эдемскомъ раю пребываетъ,
Непрестанно пѣніе красно воспѣваетъ.
Праведнымъ будущую радость возвѣщаетъ,
Которую Господь святымъ своимъ обѣщаетъ.
Временемъ влетаетъ и на землю къ намъ,
Подобно сладкопѣсненно поетъ, яко же и тамъ.
Всякъ человѣкъ во плоти живя,
Не можетъ слышати гласа ея.
Аще кому слышати случится,
Таковый отъ жизни сея отлучится.
Но не яко тамо онъ пребываетъ,
А вслѣдъ ея теча, падъ—умираетъ.

Къ отдѣлу I-му.

№ 115 [1]).

Стихъ заимствованъ изъ рукописнаго бѣгунскаго сборника, имѣющаго названіе: „Книга глаголемая стихи“. Въ „Матеріалахъ къ исторіи и изученію русскаго сектантства и раскола“, издаваемыхъ подъ редакціею В. Бончъ-Бруевича стр. 231.

Кто бы мнѣ поставилъ прекрасную пустыню,
кто бы мнѣ построилъ не на жительномъ тихомъ мѣстѣ,
чтобы мнѣ не слышать человѣческаго гласа,
чтобы мнѣ не видѣть прелестнаго сего міра,
дабы мнѣ не зрѣти суету прелесть свѣта сего,
дабы мнѣ не желати человѣческія славы?
Началъ бы горко плакать грѣховъ своихъ тяжкихъ ради.

№ 116.

Стихъ имѣетъ названіе: „Стихъ Іоасафа царевича“, заимствованъ изъ того же бѣгунскаго сборника. Въ „Матеріалахъ“ г. Бончъ-Бруевича стр. 231—232.

Изъ пустыни старецъ въ царскій домъ приходитъ.
Онъ принесъ съ собою, (2-жды),
прекрасный камень драгій.
Іоасафъ царевичъ просилъ Варлаама:
покажи сей камень, (2-жды),
я увижу и познаю цѣну его.
Удобь ты можешь солнце взять рукою,
а сего не можешь, (2-жды),
оцѣнити во вся вѣки безъ конца.

---

[1]) Этотъ и всѣ слѣдующіе стихи заимствуются нами изъ „Матеріаловъ къ исторіи и изученію русскаго сектантства и раскола“, издаваемыхъ подъ редакціею г. Владимира Бончъ-Бруевича, выпускъ I, Спб. 1908. Стихи собраны и сообщены г. В. И. Срезневскимъ и взяты имъ изъ рукописей Императорской Академіи Наукъ. Помѣстить ихъ въ соотвѣтствующіе отдѣлы нашего сборника мы не имѣли возможности, такъ какъ названные „Матеріалы“ вышли изъ печати въ то время, когда нашъ сборникъ заканчивался печатаніемъ.

О купецъ премудрый, скажи мнѣ всю тайну,
какъ на свѣтъ явился, (2-жды),
и гдѣ нынѣ пребываетъ камень той.
Пречистая дѣва родила сей камень,
положенъ во яслехъ, (2-жды),
и прежде всѣхъ явился пастухамъ;
онъ нынѣ пребываетъ выше звѣздъ небесныхъ;
солнце со звѣздами, а земля съ морями,
непрестанно славятъ Бога завсегда.
Царевичь дивился одеждѣ пустынной.
Варлаамъ сказуетъ, (2-жды),
что въ пустынѣ не безъ скуки жить всегда.
Остался царевичь послѣ Варлаама,
завсегда сталъ плакать, (2-жды),
не хощу я пребывати безъ старца,
оставлю я царство и иду во пустыню,
взыщу Варлаама, (2-жды),
и я буду свѣтозаренъ отъ него.
Пустыня любезная, доведи меня до старца,
и я ему буду, (2-жды),
служить вѣрно, какъ отцу.
Сказала пустыня отроку младому:
горько во мнѣ жити, (2-жды),
всегда быть въ молитвѣ и постѣ.
И я буду такъ жить, какъ тебѣ угодно,
затворюсь въ вертепѣ, (2-жды),
буду плакать о грѣхахъ.
Молю тебя, Боже, пресладкій Ісусе,
дождь мнѣ получити съ Варлаамомъ жити
во вся вѣки безъ конца.

№ 117.

Стихъ заимствованъ изъ рукописнаго сборника первой четверти XIX в., имѣетъ названіе: „Стихъ Іосифа царевича Индійскаго“. Въ „Матеріалахъ“ г. Бончъ-Бруевича стр. 233—234.

Пріими мя, пустыне,
яко мати чадо свое,
во тихое и безмолвно
нѣдро свое.
Не брани, пустыни,
страшилищи своими,
отобѣгошаго отъ лукавыя
блудницы міра сего.
Затвори мя, пустыне,
въ чащи и дебри своя,
яко сира плѣнника
отъ лукавыхъ разбойниковъ

и князя ихъ непріязнена.
И буду, яко худъ звѣрь,
единъ скитаяся
и бѣгая человѣкъ
и многомятежныя сея жизни.
И восклицай же, пустыни,
и восплачися со мною,
рыдающи, дыхающи убо
тихо отъ воздуха,
малымъ вѣтрецемъ
движуще у древецъ
вѣтвіе свое кудрявое.
О прекрасная пустыни,
веселая дубровица,
аще благовольна ми
міръ крытися
во тихой твоей дикости
и по красному твоему в[illegible]градію
различныхъ цвѣтецъ твоихъ!
Возлюбихъ бо, пустыни,
паче царскихъ чертогъ
и позлащенныхъ полатъ.
И сяду единъ, плачася и рыдая,
во глубокомъ и дикомъ
нѣдрѣ твоемъ,
собесѣдую,
яко при скорби ноешь.
И кому открыю
внутреннихъ моихъ
и вѣщаніемъ покажу
ото дѣлъ моихъ
сердеце мое изможделое?
Кто обиметъ и обяжетъ,
врачающи лютость
грѣховъ моихъ?
Возсмердѣхъ бо ся и согнихся
весь есмь ото главы
и до ногъ моихъ;
и бысть, яко неисцѣльна
проказа, все тѣло мое.
О пустыне красная,
ты убо всѣмъ звѣремъ
яко тверда оградина
и мати ласкова,
и всему роду птическому
тихое виталище
и богнѣздіе твердое.
О земле праведная,
ты убо ничто же лукаво
сотворила предъ Богомъ,

азъ же безумiемъ своимъ
исказахъ чистоту лица твоего.
Мнѣ же убо, пустыне,
и цвѣты твои
и червленыя и багряновидныя,
яко отъ мраза сосхошася
и лежа(тъ) долу поникши,
на земли праведнiи.
О владыко царю,
насладилъ мя еси
земныхъ благо,
и не лиши мене
небеснаго царьствiя твоего.

№ 118.

Стихъ заимствованъ изъ бѣгунскаго сборника: „Книга глаголемая стихи“, имѣетъ названiе: „Стихъ Iоасафа царевича“. Въ „Матерiалахъ“ г. Бончъ-Бруевича стр. 235—236.

Что за чудная превратность
и премѣну я зрю въ глазахъ?
Прощай, міръ, вся пріятность,
не хощу я зрѣть на васъ.
Утѣхъ вашихъ я удаля(ю)сь,
во пустыни я хощу жить,
моимъ духомъ я восхищаюсь,
чтобы въ вѣкъ Богу служить.
Вмѣсто прелести и славы
зрю я въ темные лѣса,
поминутно я вмѣсто сласти,
умъ вперяю въ небеса.
Вмѣсто музыки и пѣсенъ
меня птицы веселятъ,
міра суетнаго славу
забывать мнѣ велятъ.
Гдѣ кокушка воскокуетъ
на пустынныхъ древесахъ
она духъ мой возбуждаетъ
помнить Бога въ небесахъ.
По пустыни текутъ рѣки
повелѣнiемъ творца,
по предѣлу ихъ на вѣки
до всего міра конца;
и журчаньемъ водъ текущихъ
утѣшаюсь я всегда,
мирскихъ прелестей влекущихъ
чтобы не помнить никогда.
Поля злачныя и долины

здѣсь блистаютъ красотой,
всѣ пріятны мнѣ и милы,
но я считаю вся мечтой.
Міръ мнѣ суетной не зрится,
Нѣсть и прелести въ глазахъ,
но лишъ духъ мой веселится,
умъ летаетъ въ небесахъ;
хотя часто онъ меня тревожитъ,
но я считаю все мечтой,
и о томъ мнѣ Богъ поможетъ,
что всегда онъ есть со мной,
что я міру поругался,
но и прелесть всю попралъ
и подъ власть Отцу отдался,
жизнь небесную избралъ.
И блаженъ теперь считаюсь,
что духъ мой достиглъ покой,
повсечастно я утѣшаюсь,
я при радости такой.
Хвали, сердце мое, въ вышнихъ,
хвали Бога въ небесахъ,
воспой пѣснь ему приличну,
самъ ходяй по древесамъ.
Воспой гласомъ, воспой духомъ,
воспой милость всю его,
ударь въ гусли, тонкимъ звукомъ,
прославь Бога своего,
что извелъ тя изъ напасти
и житейскія мечты
и удалилъ тя отъ страсти
и мірскія суеты,
и привелъ тя во ограду,
гдѣ пасетъ своихъ овецъ—
съ ними дай же мнѣ отраду,
ты, прещедрый Отецъ!
За сія его щедроты,
прославляй, душе моя,
что у Бога милости много,
невозможно изрещи.
Онъ гнѣвъ свой утоляетъ
и лишаетъ вредныхъ мѣстъ.
Грѣхи онъ всѣ прощаетъ
и возводитъ выше звѣздъ.

№ 119.

Стихъ изъ сборника послѣдней четверти XIX в. Въ „Матеріалахъ“ г. Бончъ-Бруевича стр. 236.

О коль чудно сіе дивно,
что Господь творитъ со мной:
я въ міру въ грѣхахъ родился,
онъ отводитъ мя отъ нихъ.
Мысли новы возбуждаютъ
пути праваго искать,
и я, думавши не мало,
много плакалъ и рыдалъ;
и въ тѣхъ горестныхъ слезахъ
Бога въ помощь призывалъ,
что Господь всѣмъ милосердъ
призываетъ къ себѣ всѣхъ,
вѣру правую явилъ
и путь истинѣ открылъ.
И о томъ опять сумнился,
что спастись въ міру нельзя,
и о томъ опять рѣшился
итти въ темныя лѣса.
И съ родными я простился,
тѣмъ утѣшилъ я себя.
И они о томъ жалѣли,
что лишаются меня.
И я жалость ихъ увидѣлъ
и о томъ весма скорбѣлъ.
И къ нимъ я слово продолжалъ
о спасеніи сказалъ,
что спасеніе полезно
въ отдаленности отъ васъ. Аминь.

№ 120.

Стихъ изъ бѣгунскаго сборника. У г. Бончъ-Бруевича стр. 238. Это варіантъ стиха № 24 по нашему сборнику. →

Идетъ старецъ изъ пустыни,
пріуплакался черноризецъ,
и на встрѣчу ему Господь Богъ:
ты о чемъ же старецъ плачешь
и, черноризецъ, возрыдаешъ?
Какъ мнѣ, Господи, не плакать
и черноризцу не рыдать?

Ужъ я младъ зѣло постригся,
всѣхъ я добрыхъ дѣлъ лишился,
потерялъ я златую твою книгу,
и уронилъ я ключи отъ церкви во черное море.
Тутъ ему сказалъ Господь Богъ:
поди, старецъ, обратися,
со слезами Богу помолися:
я найду златую книгу,
иссушу я черное море,
и достану ключи отъ церкви,
и введу тебя во свой градъ,
и награжду тя своимъ градомъ:
ты живи до скончанія вѣка.

№ 121.

Стихъ изъ того же сборника, въ „Матеріалахъ“ стр. 239.

Пойду страдать въ страну далеку,
куда мя добрый помыслъ поведетъ,
не удержатъ меня моря и рѣки
и препятствія нигдѣ мнѣ нѣтъ.
Прощай, любезная другиня,
прощай, отечество мое:
чего мнѣ не было милѣе
теперь я оставляю вся сія;
приказъ всевышняго выходитъ
мнѣ изъ отечества итти.
Быть можетъ времени такъ скоромъ,
найду гдѣ странствію конецъ,
Богъ спутникъ, колесница
и гдѣ изволитъ поселитъ.
Наставь о вѣрѣ несумнѣной,
наставь меня и утверди,
что жизнь сія измѣнна,
и ону въ память приведи.
Начало нашего здѣсь рода,
тамо сродницы живутъ.
И можетъ солнце гдѣ восходитъ,
мое жилище будетъ тамъ,
и гдѣ оно заходитъ,
тамъ Богъ велитъ вселиться мнѣ.

№ 122.

Стихъ изъ того же сборника. Въ „Матеріалахъ“ стр. 239—240. Припѣвъ этого стиха: „Господи помилуй“! повторяется послѣ каждыхъ двухъ строкъ.

Среди самыхъ юныхъ лѣтъ,
вяну я, аки нѣжный цвѣтъ.
Господи, помилуй!
Отъ младенческихъ пеленъ
былъ я Богомъ посѣщенъ.
Ты разбойникамъ прощаешь,
рай блудницамъ отверзаешь.
Но твоя ко мнѣ любовь
пролила за мя и кровь.
Съ вѣрою днесь къ тебѣ взываю
и любовію пылаю.
Мы отъ мира удалились,
жижни скорбной посѣтились.
И отъ самыхъ юныхъ лѣтъ
ищемъ твой благій совѣтъ.
Наше ты услыши моленіе.
помози намъ жить въ терпѣніи.
Чтобы самимъ себя спасти,
дай намъ силы крестъ нести.
Мы, оставя всѣхъ родныхъ,
заключась въ стѣнахъ святыхъ.
Зри невинности сердецъ,
покровитель нашъ отецъ.
Здѣсь утѣхи намъ больше нѣтъ,
одинъ гробъ намъ во предметъ.
Здѣсь проводимъ дни въ слезахъ,
намъ и радость въ небесахъ.
Сиры мы всѣ и убоги,
но твои щедроты многи.
Ниспосли намъ благодать,
чтобъ безропотно намъ страдать.
Боже, жизнь нашу устрой,
отъ пути злого укрой.
Подай намъ благій конецъ,
получить златый вѣнецъ.
Въ безконечныхъ временахъ
намъ радость въ небесахъ.

№ 123.

Стихъ изъ того же сборника. Въ „Матеріалахъ“ стр. 240.

Время радости настало,
я восторзѣ себя зрю,

мое сердце трепетало,
изъ очей слезы токи льютъ.
Прощай, весь міръ, со страстями
и со прелестію на вѣкъ
и со всѣми суетами:
я отъ васъ уже далекъ.
Я сказать могу: на вѣки
въ лестный міръ не возвращусь,
гдѣ согласнѣе, тамъ вселюся
до кончины своея.
Тамъ пещера темновата,
заставляетъ слезы лить,
но не та(къ) царей полата
можетъ душу веселить.
Вмѣсто всякаго напитка
ключевая тамъ вода,
течетъ быстро, безъ избытка,
я имѣю навсегда.
Чу, уныло завываетъ
томной звонъ колоколовъ:
знать родного провождаютъ
спать въ долину среди гробовъ.
Скоро ли, долго ли землею
вси сравнимся, не минемъ,
можетъ, завтрашней зарею
я усну такимъ же сномъ.
Можетъ, завтра погребальной
звонъ раздастся надо мной,
не отецъ, не мать родные
не поплачутъ обо мнѣ
и на гробъ рука чужая
кинетъ горсть земли сырой,
повторится стихъ прощальной
„со святыми упокой“.
И никто моей могилушки
никогда не посѣтитъ,
развѣ пташечка честная
на ней сядетъ воспоетъ;
или развѣ кто мимоходомъ
близъ могилушки пойдетъ,
преуставши, онъ на зеленомъ
дернѣ сядетъ, отдохнетъ.
А хоша и есть друзья милые
не вспомянутъ обо мнѣ,
погрустятъ ли нѣтъ родные,
тамъ далеко въ сторонѣ.

Къ отдѣлу 2-му.

№ 124.

Стихъ изъ того же сборника. Въ „Матеріалахъ“ стр. 257—263. →

Что за чудная перемѣна
и во всѣхъ дѣлахъ измѣна?
Како міръ весь давно прельстился,
Вавилономъ сотворился?
Мало кто знаетъ и о томъ,
что есть падшій Вавилонъ:
Вавилонъ значитъ всякой злобы зіяніе
и всего міра сліяніе,
то есть—человѣцы вси прельстились,
умомъ и сердцемъ отъ Бога удалились;
не стѣны пали и опоны,
но церковные и гражданскіе законы,
егда взялася римская власть
и воцарилась всякая беззаконная сласть.
Двѣсти лѣтъ во отступленіи пребываютъ
и своего нечестія не познаваютъ,
всякъ своимъ мнѣніемъ возвышаются,
яко быліе отъ вѣтра качаются,
вси сребролюбіемъ и суетою помрачени
паче каменія сердцемъ ожесточени:
явная прелести примѣта,
зане не познали времена и лѣта.
За то никоніяны и сектанты пали,
что проклятымъ жидамъ поревновали:
ибо жиды книгами и пророками возвышаются
яко дѣти буквами украшаются,
токмо баснямъ и родословіямъ вникаютъ,
а пишемыхъ книгъ отнюдь не понимаютъ.
Не бы жиды въ толику стремнину пали,
аще бы Даніиловы седмицы со тщаніемъ читали:
ангелъ Даніилу вѣрно сказалъ,
по 483 лѣтахъ Месію дожидати приказалъ.
Та же жиды, чюдесы Христовыми обогащени,
паче каменія сердцемъ ожесточени,

аще бы писаніе понимали,
то не бы втораго Месію дожидали.
Тако и Россія паче всѣхъ мудростію возвышается,
антихристу паче, нежели Христу поклоня(е)тся.
А кто (не) вѣдаетъ о томъ,
что чрезъ антихриста отдаютъ діаволу поклонъ?
Какую имѣютъ о семъ поправу,
ибо отступницы сіи вторые жиды по нраву?
Жиды на земли Христа укоряютъ,
а сіи и на небеси распинаютъ;
аще распинаютъ Христа не руками,
но своими проклятыми („и рокмятыми“) нравы.
Мнятся вси сектанты разумомъ обогащени,
а уже двѣсти лѣтъ сатаною поглощени:
двѣсти лѣтъ уже искочилъ изъ адовыхъ верей
антихристъ седмоглавый змій.
А кто въ вѣрѣ утвержень,
знаетъ, како антихристъ изъ отступниковъ сложенъ:
вси за отступленіе и нечестивое дѣло
сотворилось звѣрино тѣло.
Всякъ бы православной внималъ,
что Златоустъ отступленіе за антихриста протолковалъ:
седмь главъ на звѣри коронами украшени—
седмь царствъ отъ вѣка славою возвышени,
вси въ разныя времена являлись,
а на церковь единомысленно вооружались;
десять роговъ на звѣри являются—
всякъ своею ересію возвышаются,
то есть не хотятъ о своемъ отступленіи признатися,
ниже писаніемъ вразумлятися;
сего ради и писанія не понимаютъ
и славу свою въ студъ полагаютъ.
Всякъ православный, внемли:
двурожный звѣрь исходитъ отъ земли.
Достоитъ твердо разумѣвати,
чтобъ обоихъ звѣрей во единаго не сліяти:
ибо седмоглавый звѣрь мучительствомъ украшается,
а двурожный лжеучительствомъ возвышается.
Отверземъ, православные, слуха,
да разумѣемъ во обоихъ сатанинскаго духа;
можно разумѣть и самимъ,
что змій образъ сатанинъ.
Да чистою вѣрою всякъ разумѣваетъ,
яко міръ на двѣ жены раздѣляетъ:
едину на звѣри сѣдящую,
а другую отъ звѣря въ пустыню бѣжащую.
На звѣри жена—еретическій раздоръ,
а двукрыльная жена—православный соборъ.
Едина гордостію и блудомъ возвышается,
а другая благоразуміемъ украшается.

Тая едина спасается,
кая отъ всѣхъ людей сокрывается;
во слезахъ дни свои провождаетъ,
мужескій полъ раждаетъ;
оставила въ мірѣ вся, елика
имѣетъ—два крыла орла велика;
егда змій къ ней приближается,
тогда на высоту безстрастія возвышается.
Это люди избранны,
кои въ вѣрѣ и въ житіи постоянны,
кіи въ мятежъ мірскій не прельстились
и антихристу не поклонились.
Господи творче, избави насъ мірскія суеты,
сподоби насъ видѣти тоя красоты.
Жена на звѣри, перьями украшена,
а въ роскоши и блудѣ зѣло совершенна,
веліимъ гласомъ кричитъ,
златолюбіемъ и блудомъ всѣхъ къ себѣ привлачитъ:
мнятъ мене, яко азъ блудница,
а я сѣжу надо всѣмъ міромъ царица.
Это мнѣніе разныхъ толковъ,
сектантовъ и всѣхъ еретиковъ.
Аще сектою и чашкою раздѣляются,
а сей блудницѣ за едино поклоняются;
кождо сектою своею возвышаются,
а вѣчной муки не ужасаются.
Это явная картина,
что мірская жизнь всѣхъ ослѣпила,
сласти міра всего совѣта милѣя,
того ради и антихристъ сильнѣя.
Мнози и антихриста познаваютъ,
а сей блудницѣ колѣна поклоняютъ;
аще бы часто писаніе прочитали,
то не бы въ толикое нечестіе пали.
Воистинну тмукратъ окаянніи,
кои въ вѣрѣ и въ житіи непостоянніи,
токмо суетою и безуміемъ возвышаются,
а къ писанію и перстомъ не касаются;
не дадутся таковымъ разума ключа,
но тма и нечувствіе будетъ имъ вмѣсто бича,
токмо миру и антихристу угождаютъ,
а сатана мукою вѣчною всѣхъ награждаетъ.
Нужно и поморцевъ прелесть разсмотрѣти
и сладкими стихами воспѣти.
Есть посреди міра поморцы,
кои крыющейся церкви явные злотворцы;
они вси единого корени были,
тогда какъ въ пустыни жили,
а когда весь міръ прельстился,
тогда и Петръ Первый воцарился,

во всю Россію монифесты издавалъ,
крыющихся во свое царство вызывалъ;
тогда поморцы сразу и прельстились,
паки изъ пустыни въ міръ возвратились;
вси въ записи въ ревизіи пали,
именемъ раскольничимъ себя записали.
Звѣрь каждаго въ своемъ жилищѣ жити утвердилъ
и печать свою на чело и на десницу наложилъ,
прелестію міра, яко магнитомъ, привлече,
дѣла и вѣру отсѣче.
Егда поморцы себя въ раскольники записали.
много о томъ плакали и рыдали,
а когда начали въ міру проживати
и много раскольниче имя похвалятп,
тогда имѣли власть осмь лѣтъ крестити
и о своей прелести учити.
Паки звѣрь новые указы издавалъ
и тую пищу изъ устъ ихъ исторгалъ;
тогда вси безъ останка пали,
звѣревы указы паче еуангелія облобызали,
по малу начали въ мірѣ проживати,
и свое благочестіе забывати;
домы и фабрики созидали,
а христіанъ, яко разбойниковъ, суду предавали.
Паки поморцы приступали къ звѣрю,
просили хранить древнюю вѣру.
Звѣрь не мало не молчалъ
и умиленнымъ гласомъ имъ отвѣчалъ:
вотъ я вамъ царь и Богъ.
кромѣ тѣхъ крыющихся бѣгуновъ;
они едины спасаются,
кои по темнымъ мѣстамъ скитаются:
они указовъ моихъ не ужасают(ся)
но крестомъ на мя вооружаются;
тіи писаніемъ себе внушаютъ
и всю силу мою разрушаютъ.
Вси поморцы единъ корень похваляютъ,
а сами на разныхъ сучкахъ воспѣваютъ.
Ей, поморцы съ никоніянами смѣсились
и на двадцать сектовъ раздѣлились;
въ ревизіи оставили все древнее благочестіе;
вси, яко быліе отъ вѣтра, пались,
на указахъ звѣревыхъ, яко на камени, основались,
по Ефрему вси защитницы зміевы
и вѣрноподданные поклоницы звѣревы,
за вѣрныхъ рабовъ отъ него познаваются,
на взысканіе вѣрныхъ въ горы посылаются;
никоніанцы гонити ихъ понужаютъ,
а поморцы вязати насъ начинаютъ.
Увы, дожили до такихъ часовъ,

мнимыя христіаны учинились горши бѣсовъ;
бѣси за едино сатанѣ покоряются
и единъ на другого не вооружаются;
а поморцы, яко злодѣевъ, насъ гаждаютъ
и въ темницу, яко разбойниковъ, всаждаютъ.
Увы, какое несчастіе стало,
чего и отъ вѣка не бывало,
егда вси безъ останка пре(ль)стились
и затолковали, что злые дни прекратились;
когда поморцы въ звѣревы когти попали,
на Никона затолковали.
Овы изъ поморцевъ браки завели,
и въ полную глубину нечестія избрели;
а иные чистое житіе утвердили,
полную избу дѣтей народили;
вся тварь за погибель человѣчю рыдаютъ,
а они блудные браки затѣваютъ;
это не Божіей судьбою
за браками еретическими блудятъ,
какъ за каменной стѣною.
Во истину нечестивое сѣмя!
Ей, не познали антихристово время.
За таковую жизнь непостоянную
бездна вострубн, яко въ трубу златокованую.
Вси оставили Бога, всѣхъ творца;
нѣтъ ни единаго храма, идѣже нѣсть мертвеца.
Во истину вси ученые невѣжи,
слово Божіе не слышится нигдѣ же,
еуангельскія жилы пресѣкаются,
а звѣревы указы выполняются.
Всякая секта похваляется,
злато и сребро по путемъ валяются;
тма и нечестіе, яко мракъ, вселенную помрачи,
изъ пропасти адовы искочи;
всякъ во своемъ нечестіи похваляются,
яко мертвіи, по путемъ валяются;
не кому стало мертвыхъ погребсти,
и отъ пути нечестія отвести и извести;
отецъ сына, мати дщерь обымаютъ
и охапившися на путехъ помираютъ.
Ей, безъ писанія всяка душа умираетъ отъ глада,
и тамъ во адѣ не будетъ отрада;
не хощутъ писанія съ любовію посмотрѣти,
и тамъ во адовыхъ темницахъ будутъ горѣти.
Міръ и суета не даетъ отъ сна востати
и тму нечестія познати;
овы и благочестіе познати тщатся,
а къ міру, яко магнитомъ, привлачатся;
овы и антихриста познаваютъ,
а женъ ради тому колѣна поклоняютъ.

Тако сіе житіе прельстило,
яко клеемъ, къ женѣ и чадомъ прилѣпило:
лучше мнятъ некрещеннымъ помирать,
нежели юзу сію грѣховну растерзать.
Есть и вѣрніи суетою помрачени,
паче каменія ожесточени,
всегда на мірскую прелесть взираютъ,
смертный часъ и судъ отнюдъ не воспоминаютъ.
Егда всемирная труба возгласитъ,
тогда всяку прелесть разрушитъ.
Како сію прелесть познати
и тоя хитрости избѣжати?
Не иначе какъ въ безмолвіе упразднитися
и святымъ писаніемъ просвѣтитися;
первѣе хотяй къ писанію приступати,
ей всякую страсть отъ ума оттрясати;
аще съ кальными очесы приступаютъ,
паче очи свои помрачаютъ,
аще нечистѣ къ писанію касаются,
оттого и вси ереси раждаются.
Ты же, о читателю, внемли
и отторгни умъ свой отъ земли,
отъ человѣкъ всѣхъ удалися
и въ безмолвіе святымъ писаніемъ вразумися:
святое писаніе болѣе раю,
а тамъ разума и премудрости нѣту краю;
тое вразумляетъ и умудряетъ,
и укрѣпляетъ, и утѣшаетъ,
и муки вѣчной избавляетъ.
Суета здѣ мучить не оставляетъ
и тамъ муку вѣчную приготовляетъ.
Кто можетъ когда вразумитися,
егда о имѣніи суетится?
Како можетъ кто Христа и святыхъ подражати,
не хотя корени злыхъ оставляти?
Писати стихи кончаю
и любовію запечатлѣваю.
Прошу люботруднѣ прочитати
и нашу худость не зазирати.

№ 125.

Стихъ имѣетъ названіе: „Стихъ плача, ему же краегранесіе: Печаль сокрушаетъ мя“. Въ „Матеріалахъ“ стр. 293. Стихъ имѣетъ отношеніе къ Риемамъ воспоминательнымъ“ объ Андреѣ Діонисьевичѣ (по нашему сборнику № 42).

Печальный терній мене убодаетъ,
еже око мое не зритъ, что желаетъ.
Чаяніе отъ мене удалися!

Ахъ цвѣтъ моея жизни сокрыся!
Лишихся азъ сокровища предрага,
се моей и жалости отрада ни мало.
Обители исполнены плачевна клича.
Како же азъ буду едина безъ плача?
Радость церковная перстію покрыся,
утѣха пустынная въ гробѣ держится,
таетъ искра во гнѣздѣ моего сердеца
Андрея не вижу пустынноводца.
Едина въ печали пребываю,
Тебе, сладчайша свѣта, поминаю:
Мнѣ отсюду никогда да буди радость,
Яко остави насъ христіанска сладость.

№ 126.

Стихъ имѣетъ названіе: „Плачъ о отцѣ умершемъ, сочиненъ стихами, писанъ отъ многи скорби теплыми слезами“, въ немъ воспѣвается Симеонъ Діонисьевичъ, предводитель Выговской поморской общины. Въ „Матеріалахъ“ стр. 295—296.

Тернъ острѣйшій жалости душу ми збодаетъ,
рыдати („рыкати“) же не могу, гласъ бо мой престаетъ,
Отецъ дивный Симіонъ мене отлучися,
философъ преизящный въ небо преселися!
И что ми горчайшее толикія раны
многихъ ради моихъ грѣхъ отъ Господа даны?
Плачется нынѣ пустыня, рѣки слезъ точащи,
лютое сіе жало въ сердце си держащи.
Ахъ, и горе мнѣ, бѣднѣй, въ горести вѣщаетъ,
что ми и откуда толь горько бываетъ:
его („ею“) же имѣхъ себѣ крѣпкую ограду,
той отъ мене внезапу взятъ бысть къ вышню граду;
о немъ же всегда бывахъ преславно спасена,
сего нынѣ за грѣхи явихся лишена.
Умны (т. е. гимны) уже плачевны по отцѣ слагаю,
мечтающе здраваго, къ Господу вѣщаю:
едине безсмертный царю, вѣчная державо,
отца нашего покой, служивша ти право;
небесную даждь ему за труды столицу,
ѣздѣвшу добродѣтель, аки колесницу.
И намъ, братіе, горе, отца неимущимъ!
Кто будетъ намъ толикъ вождь тако слѣпымъ сущимъ?
Охъ, великія сея бѣды и напасти!
Земля скры свѣтъ нашъ сладкій! О горькія страсти!
Мали разумомъ есмы, и кто насъ наставитъ,
ахъ, нашего бѣдствія кто путь нашъ исправитъ?
Скорби насъ толикія всегда окружаютъ,
корабль самымъ жительства волны сокрушаютъ;

око наше отъятся, солнице помрачися,
радость и веселіе въ печаль претворися.
Бога свѣтъ грѣхми прогнѣвахъ: казнитъ насъ бѣдами.
Имамы врагъ тысящу, и всяко зло съ нами;
тмы ругателей на насъ день и нощь воюютъ,
онѣмѣхомъ безъ отца и вси насъ заплюютъ.
Тѣмъ же прибѣгаемъ вкупе къ единому Богу,
желательно ввержемся въ милость его многу.
Аще и злѣ падохомъ, но лѣть есть востати;
люты суть врази наши, но Богъ съ нами въ рати;
отецъ Симіонъ за насъ въ небѣ заступаетъ:
сего ради кійждо насъ тщаливъ да бываетъ.
Ты же намъ, о блаженне, буди помогая
и духомъ премудрости чада си питая.
Самъ, отче, назирати стадо си потщися,
егда призывае(мъ) тя, помощникъ явися.
Расторгни сплетенныя враговъ нашихъ сѣти,
да возможемъ въ тишинѣ Бога присно пѣти,
церество намъ небесное потщися просити,
ангельскаго же царя о мирѣ молити.

№ 127.

Стихъ изъ бѣгунскаго сборника. Въ „Матеріалахъ“ стр. 245—247.

Рѣчь о дѣвствѣ простираю,
хощу дѣвъ ликъ похвалить,
я и тѣхъ здѣсь выставляю,
всѣхъ привыкшихъ слабо жить.
Указать хощу награду
первыхъ бывшихъ въ чистотѣ:
всѣхъ причтенныхъ къ вѣрныхъ стаду,
право жившихъ въ простотѣ.
И о тѣхъ сказать есть нужно
во вторыхъ, что здѣсь стоятъ,
похвалять ужъ тѣхъ не нужно,
что всѣ слабости творятъ.
А что дѣвамъ принадлежно—
это долгъ есть выражать:
сколь ту цѣль благонадежно,
нужно всѣмъ воображать.
Кто есть Господа любитель
и желатель чисто жить;
кто закона есть хранитель
и рачитель съ Богомъ быть,—
знать онъ долженъ о томъ вѣрно,
что есть дѣвственный предметъ.

Это ясно, достовѣрно,
мѣръ ужъ дѣвству нѣтъ,
что никая добродѣтель
не постигнетъ тѣхъ наградъ,
что сготовилъ тѣмъ содѣтель
и припасъ имъ какой градъ.
Тѣло сластію калящимъ
не доступенъ есть въ томъ быть,
такъ какъ скаредно смердящимъ
не достоитъ тѣмъ въ томъ жить.
Въ томъ владыки всѣхъ насъ Мати,
преселившись, ужъ живетъ,
молитъ Сына то жь воздати,
кто здѣсь дѣвства хранитъ цвѣтъ,
и всѣхъ благъ дать полну мѣру
и примѣрной ей вѣнецъ,
кто хранитъ здѣсь праву вѣру
и что съ плотію борецъ.
Плоти страсти отражая
и душевной въ чемъ изъянъ,
въ томъ примѣрно подражая
Спаса Матери въ чемъ планъ.
Такъ весь подвигъ продолжая,
дѣтство тѣла сохранить,
въ томъ же мѣстѣ быть желая,
гдѣ царица будетъ жить,
родила что всѣхъ насъ Бога
Христа Спаса нашихъ душъ,
что жила здѣсь, какъ убога
и не знавши, что есть мужъ.
Она будетъ ликовать,
въ вѣкъ лишенной лѣтъ границъ,
вѣрно съ нимъ торжествовать
съ ликомъ честныхъ всѣхъ дѣвицъ,
кои дѣвство здѣсь хранили
и несли въ томъ сильной жаръ,
чистоту свою снабдили,
такъ какъ Богу вышній даръ.
Онъ есть дѣвства столь любитель
И рожденъ есть отъ того,
онъ есть жаркой тѣхъ рачитель,
какъ посягшихъ за него.
Столь есть мѣра та велика,
превышающа дѣлъ всѣхъ,
сродна ангелъ вышнихъ лика
есть примѣрна жизни тѣхъ.
Равно имя тѣхъ имѣютъ
и вся жизнь съ тѣми одна,
такъ въ томъ церковь разумѣетъ,
съ тѣмъ и вѣрнымъ предала.

Что въ томъ долго продолжать
и цѣль дѣвства выводить,
можно въ сложности сказать
и столь кратко говорить:
премудрость всѣхъ насъ Бога
церковь пишетъ въ томъ лицѣ,
въ томъ хвала ей весьма многа
во царской ризѣ и вѣнцѣ.
Видомъ огненный сіяетъ,
скипетръ данъ тоя рукамъ,
дѣвства славу симъ являетъ,
царску ризу надъ врагами.
Это знаетъ всѣхъ владыка,
какой дѣвству дастъ вѣнецъ.
Самъ любитель того лика
и всей твари есть творецъ.
Въ какой славѣ дѣвы будутъ,
можно въ сложности сказать,
въ какой радости пребудутъ,
такихъ мѣръ нѣтъ указать.
Бога Мати съ ними купно
будетъ жить и обитать,
тутъ и Сынъ съ ней совокупно
самъ ихъ будетъ утѣшать.
За подвигъ малыхъ лѣтъ
дастъ награду и покой;
здѣсь и вѣдущихъ ту нѣтъ,
кто бы не былъ онъ такой.
Тѣ награды превышаютъ
все, что чувству подлежитъ,
что тамъ дѣвы получаютъ,
какъ въ писаніи говоритъ.
И что дѣвы воспріемлютъ
жизни тѣла при концы,
какъ ихъ ангели пріемлютъ
и тѣмъ кажутъ вси вѣнцы:
кои дѣвы есть готовы,
какъ невѣстамъ Христа Бога,
славны вѣчны есть тамъ кровы,
есть и честь весьма премнога,
ангелъ крылія получаютъ
и съ тѣми участь есть одна;
и тѣхъ всѣхъ они отлучаютъ,
кто касался скверны дна,
кои дѣвства не хранили,
и сквернили духа храмъ,
кои мерзостно здѣсь жили,
тѣхъ всѣхъ мучить будутъ тамъ,
будутъ плакать и тужить,
какъ лишенныя того,

гдѣ тамъ дѣвы будутъ жить,
тѣмъ изгнаннымъ отъ сего.
Сколь прельщаются тѣ люди,
учатъ дѣвства не хранить,
намъ и слушать то не буди,
а не только что творить.
Тѣло чисто сохраняйте
и блюдитесь тѣхъ людей,
кои знаютъ составлятп
Цѣль всю скаредныхъ сѣтей,
заставляютъ здравымъ тѣломъ
во вся слабости концы,
погубляютъ самымъ дѣломъ
дѣвства славу и вѣнцы.
И вы, дѣвы, поминайте,
что въ будущемъ лежитъ,
себя строго сохраняйте,
какъ законъ вашъ предлежитъ.
Цѣломудрено живите
всѣми чувствами при васъ,
такъ и помыслы храните
всеминутно на всякъ часъ.
Нужно строгіе примѣры
дѣвства лику понести,
чтобъ не вредно правой вѣры
всю цѣль правды понести,
что(бъ), въ минуты позабывшись,
не восплакать много лѣтъ,
тѣхъ предметовъ всѣхъ лишившись—
дѣвства славы, въ чемъ есть цвѣтъ. Аминь.

Къ отдѣлу 4-му.

№ 128.

Стихъ изъ тогоже сборника. Въ „Матеріалахъ“ стр. 241—242.

Горе мнѣ, увы мнѣ во младой во юности!
Самъ же я не знаю, какъ на свѣтѣ жити;
хощется пожити, не знаю какъ быти:
мысли побиваютъ, грѣху привлекаютъ.
Кому возвѣщу печаль и грусть мою?
Кого призову со мною слезно плакати?
Горе мнѣ, увы мнѣ во младой во юности,
во младой во юности борятъ мнози страсти.
Плоть та моя хощетъ больше согрѣшати,
а душа желаетъ царство получити.
Горе мнѣ, увы мнѣ во младой во юности!
Сижу я, юность, на тебѣ какъ на бодромъ конѣ,
той не обузданъ;
по горамъ, по холмамъ прямо конь стрекаетъ,
прямо конь стрекаетъ, меня разбиваетъ,
меня разбиваетъ, умъ мой погубляетъ.
Горе мнѣ, увы мнѣ во младой во юности,
во младой во юности борятъ мнози страсти!
Не знаю, какъ и быти, чѣмъ коня смирити,
чѣмъ коня смирити, въ рукахъ вождей нѣту!
Юность ты моя, юность, младое мое время,
какъ я тебѣ буду младой угождати?
Твое угожденіе души на погибель:
то по тебѣ мнѣ жити, Бога прогнѣвати,
въ томъ бы не постигла смертная кончина.
Юность ты моя, юность, безбожное время!
Къ суду Божію лежитъ двѣ дороги
широки и долги; путемъ по дорогамъ,
путемъ по дорогамъ многіе люди пойдутъ.
Первая дорога имать страхъ Господень,—
Бога прославляти и законъ сохраняти:
тѣмъ она доводитъ въ царство небесное.
Другая дорога—во своей воли жити,
во своей воли жити, законъ не хранити;

тѣмъ она отводитъ съ деснаго на шую,
въ превѣчную муку.
Горе мнѣ, увы мнѣ во младой во юности,
во младой во юности борятъ мнози страсти!
Кто добра не хощетъ, кто худа желаетъ?
Развѣ злый соперникъ, добру ненавистникъ!
Я бы всегда радъ, да сила моя мала!
Юность ты моя юность, младое мое время!
Когда конь смирится и мнѣ покорится?
Возму я въ руки вожди, буду направляти
По пути смиренну и души полезну.
Боже ты мой, Боже, творецъ ты мой небесной,
сошелъ еси съ небесъ грѣшные спасти:
пріими мя, Боже, заблуждьшаго сына,
отъ наемникъ хужде, всякой твари гнушше!
Во твоемъ Едемѣ во послѣднемъ мѣстѣ
на тебе взираю, радость получаю.

№ 129.

Стихъ изъ того же сборника имѣетъ названіе: „Воспоминаніе о лѣнивомъ“. Въ „Матеріалахъ“ стр. 242—244.

Востани, лѣниве,
отряси сонъ вскорѣ,
возри на всѣ твари,
на небо и долѣ,
какъ спѣшатъ свое дѣло
исполнить предъ творцемъ.
Солнце и планеты
текутъ непрестанно
И звѣздный ликъ вкупѣ
свѣтитъ немечтанно
даютъ намъ свѣтъ свой видѣти
въ ночахъ блещутъ вкругъ.
Небо рано землю
свыше орошаетъ,
облаками море
воды ниспущаетъ,
тучнятъ класъ во пшеницѣ
и травамъ даютъ цвѣтъ.
Земля, всѣмъ живущимъ
независта мати,
готовитъ въ годъ пищу
дѣтямъ своимъ дати
на поляхъ, вертоградахъ
и садахъ безъ числа.

Много изобилья
внутрѣ себѣ имѣетъ,
хлѣбомъ и травами
земля такъ ботѣетъ
и намъ всѣмъ живущимъ
ставитъ безъ цѣны.
Птицы прилетаютъ
вся древа дубравна,
поютъ пѣсни сладки—
жизнь наша забавна—
и струи громко шумъ
издаютъ воздухъ гласъ.
Въ лугахъ щиплютъ цвѣты
пчельной рой прилежно,
въ полѣ во пшеницѣ
муравей надежди
рано тамъ добываетъ
пищу въ годъ, не лѣнясь.
И тамъ все мы видимъ
творческую волю:
повелѣлъ всѣмъ тваремъ
взаимно дать волю
небеси и земли
И служить всегда въ пользу намъ.
Ты же доколь будешь
на одрѣ валяться,
съ боку на бокъ взнаки
безъ стыда кататься?
Прійдетъ золъ, гоня въ нужду
гость на дворъ нищеты.
Тогда будешь плакать
о своемъ несчастьи
и начнутъ хлѣбъ нужный
собирать въ ненастье,
всѣмъ въ посмѣхъ и сосѣдамъ
и дружьямъ предлежа.
Они знаютъ время,
когда итти въ поле,
другъ предъ другомъ дѣло
начиная вскорѣ. .
ты же спишь безъ пробуду.
Се женихъ въ полунощи
идетъ судъ воздати:
кто талантъ въ земли скрылъ,
крѣпко истязалъ.
Что тогда принесешь,
изживъ время во глумахъ?
Тебѣ должно бдѣти
всегда на молитвѣ
рано, земледѣльцу

какъ лѣтомъ на жнитвѣ,
не щадя, потъ отъ плоти
изливаетъ до земли.
Сѣй, пока есть время
раннею порою,
да падшее сѣмя
прозябнетъ собою,
принося тебѣ красы
за труды во сто кратъ.
Да что, братцы, дѣлать,
лѣнь съ одра вѣщаетъ,
встать нельзя съ постели,
плоть изнемогаетъ,
знать лихой крушитъ
кости параличь.
Охти мнѣ!
Голову обнялъ жаръ,
ноги вся трясутся:
какъ пойду на службу,
едва чуть влекутся;
не могу на молитвѣ
быть я бодръ и безъ сна.
Какъ на столъ собрали
въ обѣднее время,
кушанья довольно
внесли цѣлое бремя,
лѣнь встаетъ, умываетъ
самъ лицо не креститъ.
Протягаетъ руку
на всяку похлебку,
ѣстъ все, какъ здоровой,
булку и селедку.
гости всѣ оглянулись;
засмѣялись на него.
Лѣни стыдно стало,
что ложь обличилась,
предъ честнымъ собраньемъ
явственно открылась.
Не могъ быть за столомъ
больше съ гостьми,
пошелъ вонъ.
И сталъ горько плакать
о своемъ несчастьи:
пробылъ трои сутки
голодомъ не ѣвши;
помышлялъ: что мнѣ будетъ
на судѣ отвѣчать?
Сталъ тутъ класть (с)овѣты,
чтобы жить не лѣниво,
а всякое дѣло

началъ бы ревниво,
и блюстись отъ проклятой лжи
во весь вѣкъ.
Молиться стала Богу,
день и нощь прилежно,
книги чести также
всякъ часъ не небрежно,
между тѣмъ рукодѣлію
прилежа, не стыдясь.
Тогда мы поздравимъ
брата востанлива,
видимъ, что онъ въ дѣлѣ
кажетъ не лѣниво.
Будь спасенъ, о любезный
ты нашъ братъ о Христѣ!
Мы тебѣ приносимъ
теперь честь премногу,
что позналъ ты вскорѣ
сущую дорогу,
мучишь плоть со страстьми
и животъ не щадя.
И часто взираешь
въ небесные круги;
знать ты созерцаешь
тамошніе други,
коп ждутъ непрестанно,
кто ихъ любитъ,
жить къ себѣ.
Гряди, не страшася,
самъ тя царь желаетъ,
верхъ разноцвѣтнымъ
вѣнцемъ увѣнчаетъ,
возложитъ багряницу
и печаль въ честь твою.
Вдругъ гласно воскликнутъ
небесныя силы,
искони имъ вѣка
вся святыя милы:
Радуйся, побѣдивый плоть,
и кровь, и злой миръ!
Нынѣ будь спокоенъ,
возлежи на лонѣ
праотца Авраама
на высокомъ тронѣ,
райскія наслаждайся
красоты безъ конца. Аминь.

№ 130.

Изъ сборника послѣдней четверти XIX в. Въ „Матеріалахъ“, стр. 244.

Невѣсты Христовы,
грядите въ чертогъ небесный,
въ нощи не усыпайте
слезы проливайте,
свѣтильники зажигайте
жениха къ себѣ ожидайте.
Сей женихъ грядетъ въ полунощи,
Іисусе Христе сладчайшій!

№ 131.

Изъ бѣгунскаго сборника; стихъ имѣетъ названіе: „О умоленіи матери своего чада“. Въ „Матеріалахъ“, стр. 244 - 245.

Умоляла мать родная,
свое милое дитя;
предъ кончиною рыдала,
о судьбѣ ея грустя:
Распростись на вѣкъ со мною,
ненаглядный мой цвѣтокъ,
скоро будешь сиротою
цвѣсти въ полѣ одинокъ;
мнѣ минута наступила
тебя навѣкъ спокидать,
скоро хладная могила
у тебя похититъ мать.
Ты, звѣзда моя денница,
пожалѣй своей красы,
не сгуби себя, дѣвица,
не плети ты двѣ косы,
не мѣняй волю златую
на прелестные цвѣты,
на богатство, честь земную,
на заботы суеты.
Ты теперь хоть не богата
и въ народѣ не славна,
но навѣкъ птичка ты крылата,
безпечальна и вольна.
Не забудь себя, дѣвица,
твой женихъ—небесъ творецъ,
во вѣкъ будешь, какъ денница,
съ нимъ отъидешь подъ вѣнецъ.
Рай пресвѣтлой на востокѣ,

вѣчной радости страна!
Не замѣчена въ порокѣ,
дѣвамъ будешь отдана.
Лучше царскихъ тамъ полаты,
вертограды и сады,
терема чертоги златы,
въ садахъ дивные плоды,
поля ус(т)ланы цвѣтами,
росы запахъ издаютъ,
рощи съ чудными древами,
тамо ангелы поютъ,
плавно катятся тамъ рѣки,
чище слезъ водна струя,—
ты вселишися на вѣки,
дочь любимая моя.
Тамъ не жди бѣды-напасти,
ни печали никакой,
всѣ погаснутъ души страсти,
тамъ лишь радость и покой.
Ты люби себя, дѣвица,
осторожна будь всегда,
не пей пива, ни вина же,
дочь любимая моя.
Не забудь сего совѣта,
ты послушай свою мать.
Рай пресвѣтлой сего свѣта,
тебя тамъ я стану ждать.
Мать послѣдній разъ вздохнула,
оградившися крестомъ,
на дѣвицу разъ взглянула
и уснула вѣчнымъ сномъ.
Не забыла дѣва слова,
помнитъ материнъ завѣтъ:
безъ пристрастія земного,
она жизнь свою ведетъ.

№ 132.

Изъ сборника послѣдней четверти XIX в.; имѣетъ названіе: „Стихъ стремящейся души къ Богу“. Въ „Матеріалахъ“, стр. 237—238.

Слава, слава, въ вышнихъ Богу!
духъ мой, радостно воспой.
Я стремлюсь къ тому чертогу,
гдѣ женихъ сладчайшій мой.
Ісусе мой сладчайшій,
мнѣ на помощь пріиди,

всѣхъ благъ міра мнѣ дражайшій,
мою душу освѣти!
Ты одинъ моя надежда,
всей душей къ тебѣ стремлюсь;
ты покровъ мой и одежда,
въ скорби я тобой живлюсь.
О пресладкій искупитель,
дай свою мнѣ благодать!
Дѣвства моего хранитель,
будь ты мнѣ отецъ и мать!
Мира прелести забавы,
прочь идите отъ меня;
всѣ вы лестныя отравы,
я бѣгу васъ, какъ огня.
Славой вѣчной восхищаюсь,
суетой не льщусь мирской,
ежечасно утѣшаюсь
той небесной красотой,
гдѣ святые всѣ соборомъ
и безплотныхъ ликъ духовъ
воспѣваютъ райскимъ хоромъ
„Святъ Господь Богъ Саваоѳъ!“
гдѣ въ торжественномъ сіяньи
Богоматерь предстоитъ
и на землю со страданьемъ
и любовію глѣдитъ.
Духъ и сердце веселится,
что ты Богъ мой и отецъ,
и душа туды стремится,
гдѣ скорбямъ моимъ конецъ.
Я отъ мира удалилась,
чтобы достигнуть мнѣ небесъ,
и въ пустыни поселилась,
не страшась скорбей и слезъ.
Повсечасно я стараюсь,
мыслить только о святомъ;
славы мира удаляюсь,
забывая о земномъ.
Одного въ душѣ желаю,
чтобы со Христомъ мнѣ вѣчно жить
для него скорблю, страдаю,
крестъ его хочу носить.
На тебя я уповаю,
мой спаситель и творецъ,
и на помощь призываю,
твой стремясь носить вѣнецъ.
Я къ тебѣ подъемлю руки,
сердце въ жертву приношу
и терпя земныя скуки,
блага райскаго прошу.

Волею твоей святою
укрѣпи меня въ скорбяхъ,
чтобы могла душей живою
веселиться и въ слезахъ.
Ты услышь мой стонъ сердечной
и вонми души моей,
всемогущій и превѣчный,
милостью утѣшь своей.
Духъ надеждою живится,
что подъ кровомъ я твоимъ,
сердце все къ тебѣ стремится,
не прельщаяся земнымъ.
На тебя я уповаю,
мой спаситель и творецъ,
и на помощь призываю:
будь мнѣ благостный отецъ!
Есть ли ты всегда со мною,
то кого я убоюсь?
Подъ твоей благой рукою
ничего не устрашусь!
День и ночь въ слезахъ молитвы
предъ тобою, царь мой лью:
помоги мнѣ въ страстной битвѣ
и спаси рабу свою.
Я сердечными очами
созерцаю твой чертогъ
и съ горячими слезами
предъ тобой молюсь, мой Богъ.
Все земное, честь и слава
что мнѣ пользы могутъ дать?
Для души они отрава,
ихъ желаю избѣгать.
Что мнѣ міромъ увлекаться,
если должно въ гробѣ лечь?
Для чего тѣмъ заниматься,
что разрушитъ смертный мечь?
Все исчезнетъ въ этомъ мирѣ,
какъ трава и цвѣтъ въ поляхъ,
бѣдный въ рубѣ, царь въ порфирѣ
обратятся оба въ прахъ.
Небомъ должно мнѣ плѣниться
и надеждой въ Богѣ жить,
вѣрой въ Бога утѣшаться
и душой его любить.

№ 133.

Изъ бѣгунскаго сборника. „Въ Матеріалахъ“, стр. 248—249.

Прошу выслушать мой слогъ,
кой въ темницы сложитъ могъ,
во горестныхъ слезахъ.
Я въ темницѣ пребывалъ,
страсть Христову понималъ,
какъ онъ за насъ страдалъ,
многи страсти принималъ,
кровь владычню проливалъ,
всѣмъ намъ образъ показалъ,
чтобы его волю творить,
вѣру правую хранить
и мученіе терпѣть.
Въ томъ святые пребывали
и пребываютъ нынѣ съ нимъ,
многи муки принимали,
жизнь скорбями провождали
и получили за то вѣнцы;
днесь въ раю они пребываютъ
Христа со ангелы воспѣваютъ,
въ нескончаемый вѣкъ.
Житію святыхъ поревнуемъ,
во благихъ дѣлахъ пребудемъ,
и очистимъ себя тѣмъ;
тогда мыслями просвѣтимся,
сердцемъ къ Богу обратимся
и возлюбимъ жизнь святыхъ,
какъ они жизнь провожали,
всегда Богу угождали,
но и слушали Христа,
какъ Христосъ намъ всѣмъ вѣщаетъ,
сердца наша обращаетъ,
на святительскую жизнь.
Мы преклонимъ ушеса
во Христовы словеса,
какъ онъ праведнымъ вѣщалъ,
вѣчной славѣ предавалъ
и блаженными называлъ,
и къ нимъ очи обращалъ,
и гласъ умилный испущалъ,
и дѣтми ихъ называлъ.
Кто блаженство постигаетъ,
въ нищетѣ духа бываетъ,
ради будущихъ всѣхъ благъ.
А кто плачетъ о грѣхахъ,
тотъ наслѣдникъ вѣчныхъ благъ

и утѣшится онъ тамъ.
А кто кротость соблюдаетъ,
тотъ наслѣдникъ земли бываетъ
въ будущій вѣкъ.
А кто милость исполняетъ,
тотъ помилованъ бываетъ,
во царствіи его.
А кто алчетъ и постится,
вѣчной правды насладится
во вѣки безъ конца.
А кто сердце чисто соблюдаетъ,
тотъ наслѣдникъ земли бываетъ
и водворится на ней въ вѣкъ.
Кто совѣсть чисту соблюдаетъ,
всегда на небеса взираетъ
и гнушается злыхъ дѣлъ.
О миротвореніи кто печется,
тотъ сынъ Божій наречется,
честь и хвала всегда на немъ.
А за правду кто страдаетъ,
царство Божіе получаетъ,
уготованное тѣмъ.
А кто въ поношеніи пребываетъ,
вѣчной славы ожидаетъ,
и радуется о томъ.
Таковымъ Христосъ вѣщаетъ
и мзду велику обѣщаетъ,
во царствіи своемъ.
Мы здѣсь мало потрудимся
и въ жизнь небесную вселимся
ко небесному отцу.
Человѣче, бойся Бога:
стоитъ смерть твоя у порога,
труба и коса ждетъ.
Сколько здѣсь не ликовать,
смерти и гроба не миновать
и смертнаго часа.

№ 134.

Изъ того же сборника. Стихъ имѣетъ названіе: „Поэма стихами во утѣшеніе скорбныхъ постиженій“. „Въ Матеріалахъ“, стр. 249—250.

Случай скорби принимайте,
какъ подарокъ Богомъ данъ,
а что сладкихъ презирайте,
всѣхъ душевныхъ скрытъ изъянъ.

Кто небесныхъ благъ желаетъ,
тотъ на скорби самъ идетъ,
онъ въ нихъ тяжести не знаетъ,
тѣмъ утѣхи вѣчной ждетъ.
Что есть вредно, то и лестно,
это внѣшнихъ есть удѣлъ,
а что скорбно, то небесно,
въ томъ всѣхъ праведныхъ предѣлъ.
Кто утѣшныхъ здѣсь взыскуетъ,
тотъ есть дѣлатель земныхъ,
онъ и цѣли тѣ плануетъ.
какъ бы жить ему при нихъ.
Эти люди тѣхъ, оставши,
что гласитъ Христовъ законъ,
въ явну сѣть уже попавши,
что простеръ міру драконъ.
Кто же тѣхъ будетъ ревнитель
и другъ вѣрный для того,
какъ не явной презритель
словъ и Спаса самого?
Нѣтъ тамъ мѣста огорченія
во всѣхъ скорбныхъ на земли:
это самый пунктъ спасенія,
какъ уста всѣхъ прорекли,
кои крестъ Христовъ любили
и въ немъ жили навсегда,
какъ и насъ тому учили
не терять путь тѣхъ слѣда.
Пущай міръ того не любитъ
и не видитъ тѣхъ дворовъ,
пущай души свои губитъ
въ славѣ красныхъ здѣсь дворовъ.
Онъ узнаетъ, что теряетъ,
когда смерти часъ придетъ;
тогда вѣрно возрыдаетъ,
въ вѣчны муки какъ пойдетъ.
Ограждайтесь правой вѣрой,
въ чемъ надежда вся стоитъ,
поступайте равной мѣрой,
какъ законъ тоя велитъ,
какъ словами и дѣлами,
что нужныхъ есть для васъ
во всѣхъ свойствахъ, что предъ вами
и любимыми отъ васъ.
Это царской путь надежной,
самой опытъ доказалъ,
что есть вредно, онъ избѣжной,
тотъ прошедшихъ ликъ сказалъ.
Въ томъ порочныхъ не имѣлось
и личины вредныхъ лицъ,

добрыхъ свойственности цѣлость
въ полной точности таблицъ.
Въ томъ закона вѣрныхъ сила
и спасенія твердой планъ,
что не покроетъ и могила;
съ Богомъ вѣчно будутъ тамъ.
Кто писалъ ему поэму,
онъ есть грѣшенъ дозѣла;
вамъ въ подарокъ подаему,
какъ судьба къ той привела.
Онъ вамъ вѣрный есть служитель,
всепокорный навсегда,
публикованъ былъ учитель,
ни желалъ сего когда.

№ 135.

Изъ того же сборника. „Въ Матеріалахъ“, стр. 250.

Увеселіе есть у юности премудрости,
въ ней пребывающа не пріемлетъ скучности.
Смиреніе юнаго вельми украшаетъ,
чистота премудрости зѣло позлащаетъ.
Добритъ любомудра житіе покорно,
егда пребы той въ любви не зазорно.
Бѣда велика юнымъ своя имъ имѣть воля,
откуда приходитъ имъ зазорна вневоля.
Добро учащимся страхъ Божій имѣти,
умъ и руцѣ въ молитвѣ къ Богу воздѣти.
Доброученіи покой, миръ, радость стяжаваютъ,
въ смиреніи себѣ позлащаетъ.

№ 136.

Изъ того же сборника. „Въ Матеріалахъ“, стр. 250—252.

Пойдемъ нынѣ, сиротніи дѣти,
къ матери нашей въ кущу сидѣти;
пришедши же во мертвыхъ обитель,
покличемъ свѣтъ нашу родитель:
О наша прелюбезная мати,
не полѣнися гласа отдати,
аще бо надъ тобою и бдѣхомъ
обаче внезапу осиротѣхомъ;

къ намъ бо радость дойти не поспѣла,
а ты отъ насъ скоро улетѣла.
Что насъ слезами, а мати кормишь:
или ты зачатія не помнишь,
какъ ты въ молитвахъ всегда стояла,
а у Бога насъ прошала?
А когда ты насъ во чревѣ зачала,
тогда ты желаніе скончала,
къ намъ простерла любовь готову,
а мы познахомъ твою утробу.
Девятомѣсячное бо время
носила насѣянное бремя,
въ рожденіи скорби принимала,
ихъ же ради себѣ конца чала.
Помиловавшу щедрому Богу,
подавшему намъ на свѣтъ сей дорогу,
возрадовалася насъ, родивше,
возликовствовала. отдоивше.
Едино же при тебѣ было благо
видѣти житіе наше здраво.
Не утолиша тя темныя ночи,
не причащшеся сна твои очи;
не почуша повсечастны скуки
твои, о мати, легкія руки;
присно бо насъ любя обымала
и непрестанно во уста цѣловала;
мягкими тѣла твои туки,
(давала) еси намъ въ руки;
отъ сосецъ рѣки выну млека стекоша,
а уста на питіе привлекоша;
тѣмъ же сладкое ти млеко пихомъ,
и тебя зѣло любихомъ.
Ты бо была еси наша радость,
всегдашняя медвенная сладость.
Не любила еси на насъ напасти,
по всякой когда лютой напасти
всегда вездѣ умомъ си летала,
намъ же добра и счастія искала;
честь нашу грозою си хранила,
а насъ присно любовію дарила,
враговъ молитвами прогоняла,
а насъ совѣтами ограждала.
Всегда намъ при тебѣ было благо,
о плодоносная наша мати,
егда мы съ тобою, мати, жили,
ни о чемъ тогда не потужили;
кое ли дѣло тогда начали,
всякое съ радостью скончали,
родительстіи хранили твои молитвы,
наши присно сѣнитвы.

Не тяжка намъ видѣла работа,
о домѣ бо была ти забота.
Всякую нашу злобну кручину
топила въ жалкую ти пучину.
Теплыхъ твоихъ молитвъ покрывало
всегда выну надъ нами стояло,
безъ пробуду бо при тебѣ спали,
а въ дѣлѣ урону не видали.
Нынѣ же тебе у насъ не стало,
а намъ попеченіе настало;
въ немаломъ, о мати, быхомъ уронѣ,
яко не видѣхомъ тя во своемъ домѣ.
У того бо рукъ не воздѣваешь,
отъ напастей насъ не покрываешь,
не радуешися со враги за ны,
не отъемлеши нашея раны.
Оспротѣвши, престахомъ звати,
пресладкое твое имя, мати.
Не слышимъ же кличаща уклѣти:
востаните, любезніи дѣти.
На всякъ бо день тя, мати, помнаемъ,
но жалости, охъ, не обрѣтаемъ.
Во всѣмъ почтенномъ женамъ клонимся,
матерію быти намъ молимся,
но аще имя мати и срящемъ,
но твоей жалости не обрящемъ.
Едина убо рождьшая мати,
обыкла въ дѣтѣхъ обитати.
Почто насъ ты уродила,
къ намъ, охъ, путь заронила,
къ нашимъ мольбамъ?

№ 137.

Изъ того же сборника. „Въ Матеріалахъ“, стр. 253—254. →

Боже, зри мое смиреніе,
зри плачевныя моя дни,
Боже, зри мое огорченіе,
и меня не обвини,
что я, смертная тварь, дерзаю,
говорю (съ) своимъ творцомъ,
что я, грѣшный, нарицаю
безпорочнаго отца.
Покажи путь ко спасенію
и въ сердцы утверди законъ,

приклони ухо къ моленію
и услыши мой тяжкій стонъ.
Я тебѣ молитву слезну,
мой создатель, приношу:
даруй мнѣ тишину любезну,
со смиреніемъ прошу.
Нещетный Боже, власти
беззаконныхъ людей,
кои дѣлаютъ напасти,
токмо силою своей.
Не на то намъ даны вѣки,
чтобы другъ друга губить,
человѣку человѣка
повелѣлъ творецъ любить.

№ 138.

Изъ того же сборника. Въ „Матеріалахъ“ стр. 254—255.

Слезы ливше о Сіонѣ
и съ сердечною тоской,
пѣлъ Израиль въ Вавилонѣ,
плѣнный сидя надъ рѣкой:
Скучно жить въ странѣ безбожной.
безъ святаго алтаря,
гдѣ кумиръ и богъ подложной
и власть надменнаго царя,
гдѣ святой законъ въ зазорѣ,
нѣту истины слѣда.
О велико наше горе,
жить съ невѣрными бѣда!
Дни проводимъ мы въ боязни,
нами трепетъ овладѣлъ;
ни за что мы терпимъ казни,
и органъ нашъ онѣмѣлъ.
Вотъ и снова злое время
надъ вселенной взяло власть,
утаено правды племя,
терпятъ кроткіе напасть.
Пала древняя святыня,
градъ духовный разоренъ,
и Сіонъ, сталъ какъ пустыня,
весь законъ въ немъ измѣненъ.
Съ виду много блеску, славы
и наружной красоты,
а посмотришь на уставы—
все фальшивые цвѣты.

Родъ избранныхъ весь разсѣянъ,
сжатъ желѣзною рукой,
опороченъ и осмѣянъ,
цѣну платятъ за покой.
Вспомнишь лишь минувшіе годы,
слезы сронишь, не хотя,—
время мира и свободы,—
о прошедшихъ дняхъ грустя,
когда вѣра процвѣтала.
и любовь жила въ сердцахъ,
всюду истина блистала,
былъ въ народѣ Божій страхъ.
Воинъ, рабъ и царь на тронѣ,
князь, святитель и купецъ
были всѣ въ одномъ законѣ—
земледѣлецъ и мудрецъ.
Всѣ одну печать имѣли,
крестъ честной, небесный знакъ;
и въ одной святой купели
омывали древній мракъ.
Удалясь отъ мира въ горы,
какъ пустынные орлы,
дѣвъ и иноковъ соборы
пѣли Вышнему хвалы.
Разширялись наши грани,
какъ на пиръ, мы шли на сѣчь,
цари наши брали дани,
сокрушали вражій мечь.
Въ древность было: съ поля рати,
устрашенный врагъ бѣжалъ;
дѣйствомъ крестной благодати
мечь не столь ихъ подражалъ.
Власть святители имѣли,
скажемъ, рѣчь и чудеса;
и потомъ въ земли не тлѣли,
ихъ по смерти тѣлеса.
Нынѣ люди только знаютъ
посмѣяться старинѣ,
звѣзды на небѣ считаютъ,
царства видятъ на лунѣ,
видятъ тамъ лѣса и горы,
степи, рѣки, всякой злакъ,
не проникнутъ ихъ лишь взоры,
есть ли кофей да табакъ.
Вѣчно міръ земной летаетъ
и вертится день и нощь;
тѣхъ прелестникъ обрѣтаетъ,
кто благихъ дѣлъ весьма тощь.

№ 139.

Изъ того же сборника. Въ „Матеріалахъ“ стр. 255—257. Стихъ имѣетъ названіе: „Стихъ узника-невольника“.

Поздно, поздно вечерами,
какъ утихнетъ весь народъ
и осыплется звѣздами
необъятый неба сводъ,
тутъ въ безмолвіи глубокомъ
и въ унылой тишинѣ
въ заключеніи жестокомъ,
запертой на единѣ,
узникъ тяжко воздыхаетъ,
сѣдя за полночь безъ сна,
пѣснь прощальну напѣваетъ
у тюремнаго окна:
Буйны вѣтры, полетите
въ мой любимый край родной,
обо мнѣ вѣс(т)ь отнесите,
что случилось здѣсь со мной.
Пус(т)ь друзья мои узнаютъ,
мнѣ страдать пришла чреда,
и меня не ожидаютъ
въ край любимый никогда.
День тотъ вѣчно не настанетъ,
чтобы на родинѣ быть мнѣ,
жизнь моя, грустя, завянетъ
въ чужеплеменной („чужой плененной“) сторонѣ.
Въ пиръ веселый разъ собрались
наши ближніе друзья
и, собравшись, утѣшались;
въ той бесѣдѣ былъ и я.
Забывъ горя и печали,
все сидѣли (въ) вечеру,
и часы быстро пролетали,
но я мраченъ былъ въ пиру.
Что и тогда грусть меня томила,
робкой духъ мной овладѣлъ,
буря на сердцы крутила,
отчего я самъ не зналъ.
Вскорѣ таинство открылось:
этотъ пиръ несчастной былъ;
не напрасно сердце билось:
воли онъ меня лишилъ.
Въ клѣтку съ крѣпкими стѣнами,
я за пиръ тотъ посаженъ,
за рѣшотками, замками,
грозной стражей окруженъ;

кромѣ неба голубого
ничего не видно мнѣ,
или штыкъ у часового
просверкаетъ лишь въ окнѣ.
И еще ударъ печальной
надо мною будетъ разъ:
отошлютъ меня въ край дальной
на изгнанье въ Кавкасъ;
прикуютъ мою свободу
за кавкаскими горами,
всѣхъ лишатъ друзей и роду,
заключатъ навѣчно тамъ.
Ни долинъ мнѣ жаль цвѣтущихъ
въ русской родинѣ моей,
ни луговъ, ручьевъ текущихъ,
селъ прекрасныхъ и полей:
и остался садъ прекрасной,
гдѣ бывало я гулялъ;
лишь по немъ въ грусти ужасной,
какъ бы садъ тотъ не завялъ!
Вѣчной буду я изгнанникъ
и въ чужой земли пришлецъ,
одинокъ, безъ крова, странникъ,
для родныхъ живой мертвецъ.
Съ кѣмъ разсѣять мысль унылу?
никого тамъ не найдешь—
и съ унынія въ могилу
прежде времени пойдешь.
Племена тамъ кочевыя
обитаютъ въ тѣхъ мѣстахъ,
нравомъ дикія, презлыя,
на степи живутъ въ шатрахъ.
Кончу жизнь мою въ страданьи;
смертной часъ когда придетъ,
пѣснь надгробну во изгнанье
мнѣ никто не воспоетъ.
Мнѣ въ отечествѣ томъ новомъ
ручейки будутъ друзья,
а пещера будетъ домомъ,
а постеля—сыра земля.
Часъ вечерній какъ настанетъ,
боръ задремлетъ въ тишинѣ,
изъ-за тучъ луна проглянетъ,
тутъ прогулка будетъ мнѣ.
Я тогда съ душой унылой
съ высоты кавкаскихъ горъ
въ ту страну, гдѣ край мой милой,
устремлю печальной взоръ,
гдѣ остались мнѣ родные
и любимые друзья,

гдѣ я видѣлъ дни златые,
утѣшался гдѣ жилъ я;
полечу туда мыслями;
съ холму тѣхъ высокихъ горъ,
умъ мой свидится съ друзьями;
тамъ до тѣхъ пробудетъ поръ,
какъ востокъ ужъ загорится
отъ небеснаго огня,
утренняя заря явится,
какъ посланница отъ дня.
Но судьбѣ я покоряюсь,
буду Вышняго просить,
чтобы далъ мнѣ власть и помощь;
я рѣшаюсь все сносить.
Пус(т)ь меня терзаетъ скука,
жизнь невольная томитъ,
ни изгнанье, ни разлука,
духъ во мнѣ не измѣнитъ.
И затѣмъ меня простите,
всѣ друзья и край родной,
обо мнѣ хоть разъ вздохните,
кто любилъ васъ всей душой.

№ 140.

Изъ того же сборника. Въ „Матеріалахъ“ стр. 263—264.

Кто бы далъ мнѣ, яко птицѣ, два пернатыя крыла,
полетѣлъ бы я на тотъ свѣтъ и узналъ бы, что есть тамъ,
и узналъ бы, разсказалъ бы моимъ милымъ друзьямъ.
Но и нѣсть сего не будетъ, не возможно улучить,
едина есть токмо смертная чаша своей горестію претитъ.
Мнѣ не въ сей день, но въ другій сію чашу мнѣ испить,
сего свѣта мнѣ на тотъ свѣтъ свою жизнь опредѣлить.
Что со мной тогда случится, непзвѣстенъ я всегда,
только есть одна надежда, моя вѣра во Христа,
кая вѣра и надежда многихъ грѣшныхъ душъ спасла
покаяніемъ согрѣшившихъ Христу Богу привела.
Возвѣщаютъ намъ писанія тѣ прекрасныя мѣста:
тамъ растутъ и процвѣтаютъ древа райская всегда,
тамъ рождаютъ, умножаютъ своего сладкаго плода,
тамъ летаютъ и воспѣваютъ птицы райскія всегда,
тамъ и нѣсть ни дни, ни нощи, осіяетъ свѣтъ всегда,
тамъ нѣсть ни зимы, ни лѣта, а всегдашняя весна—
во блаженнѣмъ тѣмъ покои у небеснаго отца.
Аминь.

№ 141.

Изъ того же сборника. Въ „Матеріалахъ“, стр. 264.

Даждь мн, Господи,
о своихъ грѣхахъ поплакати!
И плачю я день и нощь,
я слезами умываюся.
И плакать мнѣ надобно,
о своихъ грѣхахъ покаяться,
что приходитъ пора-времечко
отправляться въ путь дороженьку,
въ путь дорожку незнакомую:
посланы по меня посланники
отъ царя да отъ небеснаго,
отъ пресвятыя Богородицы.
Я дѣлами не поправная,
у меня отвѣты не готовые!
Тамъ мытарства будутъ частыя,
по мытарствамъ князи темные;
тамъ вопросы будутъ грозные.
Погляжу я, многогрѣшная,
на восточную сторонушку,
не увижу ли я, грѣшная,
отъ дѣлъ да малой помощи,
своего я друга вѣрнаго
я ангела хранителя,
повсечастнаго свидѣтеля:
не поможетъ ли моей бѣдѣ,
не попроситъ ли прощеньица
у царя да у небеснаго,
у пресвятыя Богородицы,
у пречистой Божіей Матери?
Не возьмутъ ли меня, грѣшную,
ко стаду ко избранному,
ко царствію небесному,
ко престолу ко Господнему,
что со всѣми святыми? Аминь.

№ 142.

Изъ того же сборника. Стихъ имѣетъ названіе: „О блудномъ сынѣ". Въ „Матеріалахъ" стр. 264—265. Этотъ стихъ близко подходитъ по содержанію къ напечатанному въ нашемъ сборникѣ стиху № 93.

Человѣкъ нѣкто богатый
имѣлъ у себя два сына.
И рече юнѣйшій отцу:
Си, отче, даждь ми часть отъ богатства.
Послушавъ отецъ благосердый,
раздѣливъ имѣніе равнѣ,
какъ старѣйшему и юнѣйшему,
не сдѣлавъ обиды и меньшему.
Вскорѣ младой сынъ отбѣгаетъ,
отчее богатство взимаетъ;
отеческихъ нѣдръ не отлучился,
во чужой странѣ поселился.
Расточивъ богатство и дары,
данныя отеческой славы,
грѣхъ блудный изволили творити,
какъ въ темной темницѣ сидѣти;
отступивъ отъ Бога злобою,
грѣхъ возлюбилъ самъ сый собою:
Темность паче свѣта желаю,
свыше благодати не чаю.
О горе мнѣ, грѣшнику сущу,
горе благихъ дѣлъ не имущу!
Какъ на судъ Божій явлюся,
како со святыми вселюся!
Пойду предъ отцемъ умилюся,
негли въ его нѣдра вселюся;
пойду и реку ему смѣло:
согрѣшихъ ти, отче, зѣло.
Видитъ отецъ сына грядуща,
умиленный разумъ имуща,
и, текъ, нападе на него выю:
не тужи, азъ грѣхъ твой омыю.
Перстень на руку полагаетъ,
первую печать возлагаетъ,
и въ сей красотѣ сподобляетъ,
въ древнюю одежду облекаютъ.
Глаголетъ старшему сыну:
сей бо есть меньшій братъ твой выну.

№ 143.

Изъ того же сборника. Стихъ имѣетъ названіе: „О памяти смертнаго часа“. Въ „Матеріалахъ“ стр. 265—267.

Душе моя, помысли смертный часъ!
Внезапу смерть тогда похититъ насъ,
безъ милости бо смерть тогда плѣнитъ,
прелестной жизни тя, душе, лишитъ,
на слезы всѣхъ стоящихъ ту не зритъ,
свирѣпо вдругъ похититъ, во гробъ вселитъ.
Богатство, чести презираетъ,
въ могилѣ темной всѣхъ равняетъ,
любезную юность умерщвляетъ,
червямъ на пищу предлагаетъ.
Доброту всю тѣлесную истлитъ,
въ зловонной смрадъ и гной все претворитъ.
Чертоговъ свѣтлыхъ вмѣсто и полатъ
вселяетъ грѣшныхъ души всѣ во адъ
и вмѣсто красныхъ всѣхъ одеждъ драгихъ
повергаетъ бѣдныхъ во гробъ нагихъ.
Въ пресладкихъ ѣствъ и вмѣсто всѣхъ снѣдей
наполнитъ внутрь пресмрадныхъ тѣхъ червей.
Рабовъ премногихъ и вмѣсто всѣхъ слугъ
обступитъ полкъ діавольскій вокругъ.
Хотя бы былъ на всѣхъ земныхъ твой страхъ,
но будетъ превращенъ въ земный твой прахъ.
Ужасный страхъ тогда бываетъ,
егда часъ смертный постигаетъ.
Душа трепещущи исходитъ,
и очи ко ангеломъ возводитъ,
умильно всюду обзираетъ,
уже никто ей помогаетъ.
Отецъ и мать и други вся стоятъ,
умильно со слезами токмо зрятъ;
и тщатся вси изъ дому изнести,
чтобъ вскорѣ тѣло въ землю погребсти.
Убойся, о душе, часа того
и присно ожидай приходъ его:
внезапно онъ ко всѣмъ приходитъ
и въ жизнь другую всѣхъ приводитъ.
Отстань, душе, отъ скверныхъ дѣлъ своихъ,
и яко смрадный (т)рупъ поверзи ихъ,
бѣжи отъ суетныя чести,
и презри всѣ бѣсовскія лести.
Міръ всѣхъ живущихъ въ немъ прельщаетъ,
богатство тлѣннымъ ослѣпляетъ.

Бѣжи изъ міра во пустыню.
въ любезну всѣмъ святымъ густыню.
Святіи грады оставляли,
въ пустыню лучше жить желали,
чертоги царски презирали,
и все богатство повергали,
охотно въ дебри уходили
и въ мѣстахъ непроходныхъ жили,
въ слезахъ и плачи жизнь кончали;
за то небесный рай пріяли,
идѣже вѣчно будутъ ликовати
со ангелы торжествовати.
Уже, душе, при дверяхъ смерть стоитъ,
серпы и мечь готовъ въ рукахъ держитъ,
но повелѣнія отъ Бога ждетъ:
егда ссѣщи тебя Господь пошлетъ,
тогда тебе внезапно умертвитъ
и всѣхъ костей составы разрушитъ.
Прелестная минется,
какъ дымъ по воздуху разойдется,
похититъ не готова тя во всемъ,
хотя бы былъ и царь въ мирѣ семъ,
и пойметъ тя безъ дѣла блага,
предъ судіею поставитъ нага.
И что, душе, къ судіи тогда речешь,
когда безъ добрыхъ дѣлъ къ нему пойдешь?
Никто за тя не можетъ отвѣщать,
ни царь, ни князь, ни отецъ, ни мать.
Престрашный гласъ Господь къ тебѣ речетъ,
во адскую дебрь жить вѣчно тя пошлетъ.
Тамъ мурины престрашніи вси живутъ
и муки грознымъ шумомъ вси ревутъ.
Въ тѣхъ мукахъ ты не можеши истлѣть,
но вѣчно будешь въ пламени горѣть,
съ великимъ воплемъ будеши вопить,
чтобы пламени геенскаго избыть,
отъ горести власы начнешь терзать
и часъ рожденія будешь проклинать.
Бездѣльна грѣшныхъ будетъ тамъ молва,
не презритъ Богъ на слезы ихъ тогда,
но и славы райской оныхъ удалитъ,
подъ землею съ бѣсы вѣчно жить вселитъ.
Уже оттолѣ не изыдешь,
когда во адъ подъ землю снидешь;
хоть вѣчну скорбь тамъ будеши имѣть,
уже Христа во вѣки не узрѣть,
но токмо будешь ты въ смолѣ кипѣть
и во пламени геенскомъ тамъ горѣть.
увы, коль люто будешь тамъ страдать,
но мукамъ тѣмъ отрады не видать!

Избави, Боже, грѣшныхъ насъ отъ мукъ,
исхити, творче, изъ бѣсовскихъ рукъ,
творецъ, ибо ты твари всей единъ,
поемъ тебѣ мы славу въ вѣкъ. Аминь.

№ 144.

Изъ того же сборника. Въ „Матеріалахъ“ стр. 268—269. Стихъ имѣетъ названіе: „О исходѣ души отъ тѣла“, по содержанію близко подходитъ къ стиху нашего сборника № 98 и другимъ того же отдѣла.

Человѣкъ живетъ на земли, какъ трава растетъ;
всяка слава человѣча, яко цвѣтъ цвѣтетъ.
Въ вечеру человѣкъ въ бесѣдѣ здравъ и веселъ сѣдитъ,
а поутру человѣкъ той уже во гробѣ лежитъ;
ясны очи помрачилися, языкъ замолчалъ,
всѣ уды онѣмѣли и недвижимъ весь сталъ.
Душа съ тѣломъ разставалась, какъ птенецъ со гнѣздомъ,
возлетаетъ и восходитъ въ незнакомый міръ,
оставляетъ все житейское попеченіе,
честь и славу и богатство маловременное,
забываетъ отца и мать и жену и чадъ своихъ,
преселяется во инъ вѣкъ безконечный;
тамо зритъ лица и вещи преужасныя,
добрыхъ ангелъ и воздушныхъ духи темные.
Вопрошаютъ душу ангели объ дѣлахъ ея,
не даютъ ей ни малѣйшаго послабленія:
Ты куда, душе, быстро течешь путемъ своимъ?
Ты должна здѣсь во дѣлахъ своихъ оправдитися;
вспомни, какъ на ономъ свѣтѣ во грѣхахъ жила,
здѣсь грѣхами твоими, какъ сѣтьми, свяжутъ тя.
Встрепетавши же, тутъ душа вскричала жалостно:
Вы помилуйте, помилуйте вы, добріи ангели,
не отдайте мя, несчастную, въ руки злыхъ духовъ,
но ведите мя ко Господу милосердому;
я при смерти въ дѣлахъ своихъ покаялась,
въ коихъ воленъ милосердый Богъ простить меня.
Вы же что, мои друзи, ближніи сродницы,
остояще гробъ и тѣло лобызаете?
Вы почто меня водою омываете,
не омывшагося слезами предъ Господемъ?
Вы почто меня въ ризы свѣтлыя облачаете,
не облекшагося въ ризы брачныя?
Вы почто свѣщи надо мною возжигаете,
не возжогъ бо я свѣтильника душевнаго?
Вы почто псалмы и пѣсни воспѣваете,
не воспѣлъ бо я въ животѣ своемъ пѣсни духовныя?

Но прошу отъ васъ послѣдняго послушанія:
вы раздайте мое имѣніе нищимъ странникомъ;
ихъ молитвы и слезы теплыя Богъ послушаетъ
и подастъ для ихъ прощеніе грѣхомъ моимъ.
За то сами вы отъ Господа услышите:
пріидите, благословеніи отца моего,
вы наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе
со избранными святыми, мнѣ послужившими.
Аминь.

№ 145.

Изъ того же сборника. Стихъ является варіантомъ къ № 98 нашего сборника. Въ „Матеріалахъ“, стр. 270—271.

Съ другомъ я вчера сидѣлъ,
зрю на смертный предѣлъ.
О горе мнѣ, о горе
мнѣ великое!
Плоть мою во гробъ кладутъ,
а душу же на судъ ведутъ.
О горе мнѣ, о горе
мнѣ великое!
Милости не будетъ тамъ,
не помиловалъ я самъ.
О горе мнѣ, о горе
мнѣ великое!
Друга вѣрна нѣтъ со мной,
скрылся свѣтъ хранитель мой.
О горе мнѣ, о горе
мнѣ великое!
Мимо царство прохожу,
горько плачу и гляжу.
О горе мнѣ, о горе
мнѣ великое!
Царство горькослезно зрю
и премного говорю.
О горе мнѣ, о горе
мнѣ великое!
Что же скоро такъ спѣшишь,
что же въ царство не влетишь?
О горе мнѣ, о горе
мнѣ великое!
Царство всѣхъ святыхъ есть домъ,
а грѣшниковъ не будетъ въ немъ.
О горе мнѣ, о горе
мнѣ великое!

Ты прости, прекрасной рай,
во иной иду я край.
О горе мнѣ, о горе
мнѣ великое!
Вѣчно не узрю я тебя,
въ бездну предалъ я себя.
О горе мнѣ, о горе
мнѣ великое!
Предалъ сатанѣ, бѣсомъ,
злымъ дѣлателемъ псомъ.
О горе мнѣ, о горе
мнѣ великое!
Съ ними мучуся всегда,
не пущаютъ никуда.
О горе мнѣ, о горе
мнѣ великое!
Весь я въ пламени стою
и плачевно вопію.
О горе мнѣ, о горе
мнѣ великое!
Каплю требую воды
отъ прегорчайшія бѣды.
О горе мнѣ, о горе
мнѣ великое!
Смолу и огнь я пію,
за прегордую жизнь мою.
О горе мнѣ, о горе
мнѣ великое!
Я на вольномъ свѣтѣ жилъ,
вкрайнѣ Бога раздражилъ.
О горе мнѣ, о горе
мнѣ великое!
Бога моего забылъ,
сатану же возлюбилъ.
О горе мнѣ, о горе
мнѣ великое!
Тварп, а не творцу служилъ,
жадно чрево обожилъ.
О горе мнѣ, о горе
мнѣ великое!
Бога всуе призывалъ,
а сего страху не внималъ.
О горе мнѣ, о горе
мнѣ великое!
Дни воскресны не почелъ,
во грѣхахъ злѣ дни провелъ.
О горе мнѣ, о горе
мнѣ великое!
Не почелъ отца и мать,
все старался раздражать.

О горе мнѣ, о горе
мнѣ великое!
Я въ прелюбодѣехъ былъ,
кратку сладость возлюбилъ.
О горе мнѣ, о горе
мнѣ великое!
Въ душегубствѣ виновать;
отъ меня убитъ мой братъ.
О горе мнѣ, о горе
мнѣ великое!
Ничему не вѣрилъ я,
жилъ какъ песъ и свинья.
О горе мнѣ, о горе
мнѣ великое!
Всякій грѣхъ творилъ стократъ,
не желалъ райскихъ полатъ.
О горе мнѣ, о горе
мнѣ великое!
Всѣ законы преступилъ,
вкрайнѣ Бога хульникъ былъ.
О горе мнѣ, о горе
мнѣ великое!
Каяться я (не) хотѣлъ,
Бога духъ мой не имѣлъ.
О горе мнѣ, о горе
мнѣ великое!

№ 146.

Изъ того же сборника. Въ „Матеріалахъ“ стр. 271—272.

Господь грядетъ въ полунощи, женихъ идетъ со славою,
со ангелы-архангелы прославити святыхъ своихъ,
а грѣшникомъ комуждо ихъ воздати имъ мученіе.
Егда снидутъ архангели по Божію велѣнію,
ужасно они возгласятъ и грозно тогда вострубятъ.
Егда трубы возопіютъ и мертвые вся воззовутъ,
небеса тогда ужаснутся и земля та вся вострепещетъ,
тогда вся тварь устрашится, концы земли содрогнутся,
прекрасное солнце лучи своя сокроетъ вся,
луна тогда пресвѣтлая престанетъ отъ теченія,
звѣзды тогда небесныя вси купно испадаютъ,
тогда вся тварь колеблема и сжигаема растаются.
Егда съ небесъ подвигнутся вси ангели-архангели,
велитъ Господь поставити престолъ его среди земли,
Егда сядетъ на престолѣ святыя славы своея,
тогда ему поклонятся вся племена земная.
судить будетъ племена вся грѣшныя судомъ своимъ праведнымъ.

Тогда осудятся вси грѣшніи, отъидутъ вси со діаволомъ.
Ко грѣшникомъ рече Господь: Идите вы, проклятіи,
во огнь вѣчный безконечный, на вѣчное мученіе.
Тогда рекутъ вси грѣшніи: Кто насъ изметъ отъ мученія?
Уже нѣтъ намъ нынѣ милости, отъ всѣхъ творца создателя,
никто же насъ не помилуетъ, но идемъ мы во тму кромѣшнюю;
на насъ Господь прогнѣвался, лице свое отвратилъ отъ насъ:
къ кому нынѣ прибѣгнемъ мы и кому печаль повѣдаемъ
кромѣ тебе, создатель мой? Прости ты насъ во всѣхъ грѣхахъ!
Уже мы многогрѣшніе, всему міру прелестные,
о коль мы, окаяніе, пже всѣмъ грѣхамъ повинные,
во всѣхъ грѣхахъ тебѣ каемся, прости ты насъ, небесный царь,
владыко царю небесный, прости ты насъ во всѣхъ грѣхахъ!
Тогда речетъ царь страшный къ беззаконникомъ:
Вамъ нѣсть нынѣ прощенія и никакого милосердія
и нѣсть вамъ прощенія, ни грѣхомъ вашимъ отпущенія;
ни слезъ вашихъ пріемлю, ни плача, ни рыданія,
ни сердечнаго отъ персей вашихъ воздыханія;
и нѣсть вамъ покаянія, отъ злыхъ мукъ свобожденія;
умильнаго моленія никогда же слышахъ отъ устъ вашихъ;
идите вы, проклятіи, во огнь вѣчный со діаволомъ.
Речетъ Господь ко праведнымъ: Идите вы въ радость вѣчную,
со ангелы-архангелы, наслѣдите жизнь вѣчную,
во вѣчное веселіе, во царствіе небесное.

Примѣчанія къ стихамъ.

Къ стиху № 26. Сокращенный варіантъ этого стиха напечатанъ въ „Матеріалахъ“ г. Бончъ-Бруевича (стр. 234—235) съ слѣдующими разночтеніями:

Въ строкѣ 4-й вмѣсто „многозарный“—„свѣтозарный“.
„ „ 7-й „ „прибѣгаю“—„приникаю“.
„ „ 9-й „ „мя“—„мене“.
„ „ 11-й „ „даси“—„буду“.
Строка 15-я читается такъ: „Златъ вѣнецъ мнѣ ни во что же“.
Строкъ 17—20 нѣтъ.
Въ строкѣ 22-й вмѣсто „могу“—„хощу“.
Вмѣсто 23—25 строкъ—„Во умѣты я все вмѣняю,
тебѣ, Христе, подражаю,
въ лѣса темныя изъ полаты
иду я свѣтлыя обитати,
гряду изъ граду въ пустыню“...
Строкъ 27—28 нѣтъ.
Вмѣсто 31—36 строкъ: „Благоволи мене пріяти
во пустыни обитати“...
Вмѣсто 38-й строки: „къ тебѣ любовь всего дороже“.
Строкъ 41—42 нѣтъ.
Въ строкѣ 50-й: „и дивіими быліи“.
Строкъ 53—56 нѣтъ.
Строка 59 читается такъ: „только то намъ есть и требѣ“.
Строка 64 читается такъ: „чтобы въ небѣ съ тобоій жити“.
Строки 69-й (со словъ „Звѣрей дивіихъ“) и до конца стихотворенія нѣтъ.

Къ стиху № 27. Этотъ стихъ напечатанъ на стр. 232—233 „Матеріаловъ“ г. Бончъ-Бруевича съ слѣдующими разночтеніями:

Строка 2-я читается такъ: „Пріими мя въ свою густыню“.
Строки 5—6 „ „ „Въ тихость свою безмолвную,
въ полату лѣсовольную“.
Строки 10-й нѣтъ.
Строка 11-я: „на царскія си полаты златы“.

Въ строкѣ 17-й слова „Отъ“ нѣтъ.
Строка 18-я: „вѣка сего маловременнаго“.
Строки 19—20: „своя младыя лѣта
отвращу отъ всего свѣта“.
Въ строкѣ 23-й: „не устраши“..
Срока 26-я: „различныя твоя цвѣты“.
Въ строкѣ 27-й: „о дивенъ...“.
Строка 29-я: „Древа вѣтвія кудрявыя“.
Въ 31-й: „Зыблются...“.
Въ 33-й слова „весь“ нѣтъ.
35 и 36: „инъ въ пустыни бѣгати,—
день и нощъ работати“.
Въ 37 слова „бо“ нѣтъ.
Вмѣсто 42—47 строкъ: „и како начну плакати,
умильно звати и рыдати:
милостиве мой Боже,
уповаю на тебѣ азъ,
скитаюся въ сей пустыни
въ дальной и дальной частыни“...
Строкъ 48—49 нѣтъ, далѣе стихъ имѣетъ такое окончаніе:
„Но азъ къ тебѣ прибѣгаю
и жити въ тебѣ желаю;
мене грѣшнаго соблюди,
отъ вѣчныя муки мя избави.
О Христе всѣхъ, мой царю,
всегда тя благодарю,
мене грѣшнаго соблюди,
отъ мукъ вѣчныхъ изми же
небеснаго ти царствія,
радости и веселья
со святыми причти мя
во вся вѣки вѣкомъ.
Аминь“.

Къ стиху № 41. Этотъ стихъ напечатанъ въ „Матеріалахъ“ г. Бончъ-Бруевича (стр. 252—253) съ перестановкою нѣкоторыхъ строкъ и слѣдующими разночтеніями:

Въ строкѣ 1-й вмѣсто „грѣхамъ“—„грѣхомъ“.
Во 2-й вмѣсто „Попусти Богъ“—„попусти Господь“.
Строки 4-й нѣтъ.
Въ 11-й вмѣсто „ся“—„юзу“ (т.-е. узы).
Въ 18-й вмѣсто „жалости“—„жалостно“.
Въ 20-й вмѣсто „наказаніемъ“—„казненіемъ“.
Въ 23-й вмѣсто „горце“—„горько“.
Въ 32-й вмѣсто „вскорѣ“—„огнемъ“.
Строки 41—42 читаются такъ: „Кто лучи твоя тако погуби и
вся блистанія мракомъ потемни“.
Въ 43-й вмѣсто „погуби“—„сотвори“.

Въ 46-й вмѣсто „истреби“—„измѣни“.
Въ 47-й вмѣсто „истребишася“—„осквернишася“.
Въ 49-й вмѣсто „но“ —„что“.
Строкъ 50—54 нѣтъ.
Въ 57-й вмѣсто „своей воли“—„своимъ волямъ“.
Въ 59-й вмѣсто „бѣдніи“—„вѣрніи“.
Въ 64-й вмѣсто „уснухомъ“—„успохомъ“.
Въ 66-й вмѣсто „временъ“—„звѣрей“.
Строкъ 67—68 нѣтъ.
Въ 70-й вмѣсто „скверная“—„сквернавая“.
Строка 76-я: „процвѣтаетъ же злое все нечестіе“.
Въ 79—80: „истребляются“, „умножаются“.
Строка 82-я: „и предсказанная скончеваются“.
Въ 85-й вмѣсто „сія скончевается“—„наша сокращается“.
Въ 88-й вмѣсто „преужаснаго“—„все ужаснаго“.
Въ 89-й вмѣсто „крилы“—„въ крылы“.
Въ 91-й вмѣсто „пари“—„поди“.
Въ 93-й вмѣсто „поминай“—„постигай“.
Въ 94-й вмѣсто „укрываются“—„укрывающихся“.
Въ 96-й вмѣсто „не“—„но“.
Строка 98-я: „Посылай къ Богу мольбы теплыя“.
Послѣдней строки нѣтъ.

Къ стиху № 42. Этотъ стихъ напечатанъ въ „Матеріалахъ“ г. Бончъ-Бруевича (стр. 291—293) съ слѣдующими измѣненіями:

Отдѣлъ первый раздѣленъ на два (по 6 строкъ) съ отдѣльными заголовками: „Предъ(явленіе)“ и „Рожденіе“.

Въ отдѣлѣ второмъ вмѣсто „пустыня Выгска“—„пустыня Выговская“.

Отдѣлъ третій раздѣленъ на три части (по 4 строки) съ отдѣльными заголовками: „дѣяніе“, „терпѣніе“, „ученіе“.

Вмѣсто первыхъ двухъ строкъ: „Горы и холмы въ ней чистивъ
Храмы молитвъ тамъ ставивъ“.

Въ предпослѣдней строкѣ вмѣсто „во пустыни“ — „по пустыни“.

Въ отдѣлѣ 4-мъ въ 7-й строкѣ вмѣсто „учитель“ — „рачитель“.

Въ 11-й вмѣсто „вѣрою“—„мѣрою“.

Въ отдѣлѣ 5-мъ въ 3-й строкѣ вмѣсто „нощеденства“—„нощеденствы“. Строки: „Знаменався крестомъ честнѣ“—нѣтъ.

Въ отдѣлѣ 6-мъ во 2-й строкѣ вмѣсто „въ мірѣ“—„въ міръ“.

Въ 7-й строкѣ вмѣсто „смертнымъ“—„смертности“; въ 12-й строкѣ вмѣсто „плѣнники“—„плѣнника“.

Въ отдѣлѣ 7-мъ первыя двѣ строки читаются такъ:
„О, о намъ умиленнымъ,
въ горки слезы окропленнымъ“.

Строки 9—10 читаются такъ: „ниже словесъ драгихъ получше,
ахъ, ни сладкихъ очесъ случше“.

Послѣдняя строка: „такъ судьбами си сотворшу“.

Въ отдѣлѣ 8-мъ строка 2-я: „покой душю въ райско ложе“.
Строка 10-я: „Павловъ глаголъ скончевая“.

Къ стиху № 57. Этотъ стихъ напечатанъ въ „Матеріалахъ“ г. Бончъ-Бруевича (стр. 272—274) съ слѣдующими разночтеніями:

Въ строкѣ 5-й вмѣсто „хвалимку“—„стишечикъ“.
Въ 9-й вмѣсто „18-мъ“—„семнадцатомъ“.
Въ 13-й вмѣсто „желая спастись“—„желалъ я спастися“.
Въ 15-й вмѣсто „я мирно“—„скромно“.
Въ 16-й вмѣсто „суеты“—„прелести“.
Въ 18-й вмѣсто „и худѣйшими“—„и художествомъ“.
Въ 21-й вмѣсто „и скорбѣхъ“—„не скитался“.
Въ 26-й вмѣсто „и хлѣбъ ѣлъ“—„хлѣбъ вкушалъ“.
Строки 30—31: „не внималъ страданья
о душѣ своей“.
Въ 33-й вмѣсто „отъ прелестей“—„отъ прелестныхъ“.
Въ 35-й вмѣсто „умильный“—„смиренный“.
Строка 37-я: „о душѣ своей“.
Въ строкѣ 42-й вмѣсто „немощенъ“—„немощнѣе“.
Въ строкѣ 45-й вмѣсто „объ нихъ“—„отъ нихъ“.
Въ 46-й вмѣсто „грѣховныя“—„житейскія“.
Въ 47-й вмѣсто „помышлять“—„познавать“.
Строки 52—53: „Трудно мнѣ на единѣ жить;
безмолвное житіе...“
Въ строкѣ 56-й вмѣсто „уклонился“—„возвратился“.
Въ 63-й вмѣсто „почаще“—„частенько“.
Въ 64-й вмѣсто „одѣваться“—„наряжаться“.
Въ 68-й „Меня не блазните“—„себя не сблазните“.
Строки 75—77: „скромно разгуляюсь
честно себя веду.
Хотя что случится...“
Строки 78-й нѣтъ.
Въ 80-й вмѣсто „я вѣдь“—„даже и“.
Въ 83-й вмѣсто „меня“—„и кто“.
Строки 85—86: „Прошу, впрочемъ, извинить,
чтобы самимъ вамъ честно жить“.

Къ стиху № 71. Этотъ стихъ напечатанъ въ „Матеріалахъ“ г. Бончъ-Бруевича (стр. 267—268) съ слѣдующимъ окончаніемъ послѣ словъ:

„Отъ ревности многія сердцемъ умилися“:
„како смерть вселютая серпомъ пожинаетъ,
вкупѣ старцы и младенцы отселѣ взимаетъ,
переселяетъ на онъ міръ, на вѣчныя вѣки.
Возримъ мы, братіе, на древніе роды:
гдѣ царь, князь и воинъ, богатой и убогой?
Что тя можетъ убѣжати, смертная кончина?
Развѣ той тя упремудритъ, кто свѣтъ оный купитъ!

Даждь намъ, Слове Божій, слезный источникъ.
да плачю и рыдаю, грѣхи отмываю.
Призри, Боже, въ вышнихъ на вся человѣки,
да не потопитъ насъ грѣхъ суетнаго міра,
на онъ вѣкъ жизни посылаетъ
отъ міра на вѣки вѣчныя.

Аминь.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР

СЛѢДУЕТЪ ИСПРАВИТЬ:

Стран.	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
23	„По рукописи Московскаго Императорскаго Археологическаго Института“	По рукописи Московскаго Археологическаго Института
31.	Стихи съ преоблающимъ историческимъ содержаніемъ	Стихи съ преобладающимъ историческимъ содержаніемъ

* 4 JUIN 1959